

Литературный журнал

СИМБИРСКЪ

12+

№5 (104)
ОКТАБРЬ

2023

Успейте оформить
почтовую подписку
на I полугодие 2024 г.

Цена подписки:
1 номер – 226,19 руб.
3 номера – 678,57 руб.

Индекс ПАО41

Мастерская молодого
писателя «Платиновый век»
в Ульяновске

стр. 4

Иван Сивопляс.
По следам Пугачёва, или
Как Пушкин в Симбирск
приезжал

стр. 21

С именем Пластова.
Пластовская осень – 2023

стр. 44

Живописные гармонии.
К 70-летию со дня рождения
художника
Бориса Клевогина (1953–2023)

стр. 57

Литературно-художественный и культурно-просветительский
журнал «СИМБИРСКЪ»

Главный редактор Елена Викторовна Водкина
E-mail: karamz_sad@mail.ru. Телефон 8 (927) 803-62-56

Общественный совет:

Председатель – Владимир Лучников
Владимир Артамонов
Ольга Даранова
Раиса Кашкирова
Виктор Малахов
Светлана Матлина
Николай Марянин
Алина Осокина
Илья Таранов
Ольга Шейпак
Юрий Шерстнев

ВРЕМЯ ИСПЫТЫВАТЬ СЕРДЦЕ

Октябрьский номер журнала открывается рубрикой «Молодые голоса». Недавно в Ульяновске прошла мастерская молодого писателя «Платиновый век». Мы публикуем стихи и прозу участников творческих семинаров. Коллективная подборка стихов называется «Юность не кончится». В это верят молодые талантливые авторы, которые ищут и находят слова, чтобы выразить свое мироощущение. Наступило их время. «Время испытывать сердце». Вдохновения и сил, терпения и упорства тем из них, кто продолжит идти по писательскому пути!

В рубрике «Страна поэзия» - поэтическая подборка Марины Бирюковой. В стихотворении «Благословение» есть такие строки:

*Благословляю тех, кто меня моложе:
время свое цените превыше злата –
я ведь его тогда не ценила тоже,
и не покрыта мною его растрата.
Радуга встала над лесом-болотом-полем,
пресная соль на мокром лежит асфальте...
Благословляю тех, кто пока не понял,
не оценил, не выбрал... Не опоздайте!..*

Читайте в номере также поэтические страницы Ирэны Сергеевой «С любовью в сердце к русскому, родному» и лирические стихи Марии Боруховой.

190-летию приезда А.С. Пушкина в Симбирск посвящена публикация Ивана Сивопляса. Это интересный живой рассказ известного краеведа о Пугачёве и Пушкине, о симбирских страницах жизни великого поэта.

«Пушкин очень любил путешествовать. Он провёл в дороге год и три месяца из тех недолгих тридцати семи лет и семи месяцев жизни, что отвела ему судьба. Он проехал по России около 40 тысяч километров – фактически обогнув земной шар по экватору. Осенний вояж 1833 года стал для него последним большим земным путешествием...» Пушкинская тема звучит и в эссе Ольги Дарановой «Минувшее меня объёмлет живо».

27 сентября – день памяти Ивана Александровича Гончарова. В Ульяновске накануне памятной даты в Спасском женском монастыре была отслужена панихида по Ивану Гончарову. Затем в Историко-мемориальном центре-музее И.А. Гончарова состоялся вечер памяти писателя. Читайте в рубрике

«Литературное наследие» статью о Гончарове Александра Мелихова – лауреата Гончаровской премии 2023 года.

В наш край пришла «Пластовская осень». Состоялась Международная ассамблея художников, посвящённая 130-летию со дня рождения Аркадия Пластова. Об этом событии на страницах журнала рассказывает Ирина Антонова.

70-летию недавно ушедшего ульяновского художника Бориса Клевогина посвящена статья искусствоведа Елены Сергеевой. «Искусство художника – продолжение его жизни. Всё остается людям». Рубрика «Черемшан» знакомит читателей с творчеством Эдгара Кобелева. Продолжаем публикацию книжных обзоров, подготовленных Еленой Беловой.

На цветных страницах – картины Вячеслава Таранова, выставка работ художника недавно открылась во Дворце книги. Публикуем летний дневник Юлии Узрютовой «120 шагов до Волги». Здесь же – продолжение путевых записок «По святым местам».

В разделе «Архив» читайте очерк Анатолия Пирогова о режиссёре Ю. Рябове, снявшем фильм о К.Г. Паустовском. Поэтические страницы номера продолжают стихи Сергея Скоморохова, Николая Шабунина, Марии Авериной.

В рубрике «Пульс времени» – рассказ очевидца о недавних событиях в Мариуполе. Недавно увидела свет книга стихов ушедшего поэта Владимира Жилкина, публикуем поэтическую подборку из нового сборника. Вступительное слово – Николая Марянина.

В разделе «Ульяновск – город литературы» – дайджест городских культурных событий. Завершает номер по традиции «Юбилейный календарь».

За окнами – осень. Поэты и художники называют её золотой, хрустальной, пластовской... Константин Паустовский писал: «Стояли такие ясные и тёплые последние дни октября, что жалко было отрывать от них, жалко терять каждую минуту этой благодатной осени». У Паустовского осень – благодатная.

Добра и благодати вам, дорогие читатели! Стойкости в испытаниях и душевных сил в преддверии зимних дней!

Елена КУВШИННИКОВА

МОЛОДЫЕ ГОЛОСА

ПЛАТИНОВЫЙ ВЕК

С 25 по 27 августа в Ульяновске прошла мастерская молодого писателя «Платиновый век». Мастерская объединила 40 начинающих литераторов из Москвы, Татарстана, Чувашии, Башкортостана, Удмуртии, Мордовии, Московской, Ульяновской, Саратовской, Самарской, Оренбургской, Тюменской, Вологодской, Ростовской и Волгоградской областей.

Центральное место в мастерской заняли творческие семинары. Молодые поэты и прозаики несколько дней повышали свое писательское мастерство под руководством опытных наставников. Экспертами мастерской выступили председатель Ульяновского регионального отделения Союза писателей России Ольга Николаевна Даранова, главный редактор журнала «Симбирскъ» Елена Викторовна Кувшиникова, главный редактор журнала «Мономах» Ольга Георгиевна Шейпак, главный редактор журнала «Волга XXI век» Елизавета Сергеевна Мартынова, секретарь Союза писателей России Роман Геннадьевич Круглов, редактор журнала «Бельские просторы» Светлана Рустэмовна Чураева, обозреватель отдела культуры «Российской газеты» Максим Александрович Васюнов.

Важным элементом литературной учебы стала лекция поэта и литературоведа Романа Круглова «Пространство современной литературы: хаос и гармония», в ходе которой молодые авторы узнали особенности современного литературного процесса в России.

В завершение мастерской эксперты и начинающие авторы провели ряд творческих встреч с ульяновскими читателями в библиотеках города.

По итогам трёх насыщенных дней экспертами были определены участники, которые будут опубликованы в литературных журналах и сборниках, примут участие во всероссийском совещании в Химках и фестивалях, входящих в «Содружество литературных фестивалей России».

Открытие. Выступает Роман Круглов

Отзывы участников и мастеров

Роман КРУГЛОВ (Санкт-Петербург) – поэт, кандидат искусствоведения, секретарь Союза писателей России:

«Семинар прошёл очень конструктивно, это уровень полноценного Всероссийского совещания молодых писателей. Мы с Еленой Викторовной Кувшинниковой отлично сработались. Мягкость ее подхода позволила мне взять на себя роль строгого критика, при этом наши оценки в целом совпали. Это очередной раз подтверждает, что в нашем литературном деле есть вещи объективные, единые для всех профессионалов».

Участники. Радость встречи

Екатерина КУДАКОВА (Московская область) – участница семинара «Поэзия»:

«Наверное, самое трогательное для меня на таких семинарах – рассуждения о поэзии. Что поэзия – это правда. Вроде бы и просто, и нет. О том что в каждом тексте ты о чем-то должен сказать. Текст ради текста или ради музыки слов – печален. Вот тоже вроде просто».

Общая атмосфера семинара, конечно, удивительная. Какая-то восторженная. Мастера вдохновляющие. И хотя Роман Геннадьевич Круглов уверял, что злой критик, по факту он был скорее вдохновителем на работу над словом и мыслью, а Елена Викторовна так восторженно говорила о каждом семинаристе, что мурашки бежали по телу».

Мастера. Мария Богдан и Максим Васюнов

«Ведь это всё любви счастливые моменты...»

Участники мастерской

Диана ПАХАЛИНА (Ульяновск) – участница семинара «Проза»:

«Для меня эта встреча стала прощанием со всем, что я писала когда-то давно. Мне сложно было признаться в том, что эти очерки, рассказы и главы незаконченной книги только тормозят меня, не дают продвинуться и раскрыть свой потенциал. Но я поняла, что платиновый век литературы не потерпит страха, нерешительности и сомнений».

Нужно отбросить все старое, изжившее себя и начать раскрывать истинную суть души через тексты, что согреют человека в минуты отчаяния, успокоят в моменты бессилия и дадут надежду на светлое будущее!

Когда чувствуешь себя причастной к чему-то невероятно важному и судьбоносному, просыпается истинная суть человека. Проснулась и моя».

Творческая встреча в библиотеке №12 им. Даля

Петр СВИСТУНОВ (Химки) – участник семинара «Проза»:

«Семинар прозы в Ульяновске оказался самым разнообразным в жанровом плане семинаром за все годы моего участия в литературных мероприятиях: начав с внутренних демонов, мы продолжили обсуждением котов в блокадном Ленинграде, будней современных школьников и учителей, особенностей откармливания луны на чердаке, заглянули в Патагонию, в Мордовию, на фронты Донбасса, в кабинет гадалки и закончили поиском пропавшей старушки. В процессе несколько раз искали пропавшую логику и пропавшие запятые. В общем, всё прошло интересно и плодотворно, как и должно быть».

ЮНОСТЬ НЕ КОНЧИТСЯ

Стихи участников Мастерской молодого писателя

Елена АБАКУМОВА (Вологда)

***

Падают редкие листья.
Не листопад – подаяние.
Боги над небом нависли.
Опыт и есть испытание.
Время испытывать сердце –
Слышит ли шёпот природы?
Боги не любят инерции,
Равно как веяний моды.
Зреют тяжёлые мысли.
В ласке осенней прохлады
Слышится: «Ныне и присно
Жить торопиться не надо».

Виктория БЕЛЯЕВА (Ростов-на-Дону)

***

Был ли ты молодым,
был ли яблочный дым
под небесной дугой колокольчика?
Или снится твой лик
среди липок в дали –
потому твоя юность не кончится.
В соловейчатых снах
бесконечна Весна –
Близорукая девочка тихая.
Приглядится – мир чист.
Бьётся дождь-гармонист
или сердце спросонья так тикает?

***

В карманах неспелой жердёлы запасы,
неспешно плетусь я с бидоном за квасом:
суббота, июль, и над бочкою мошки,
и надо домой. Ждет к обеду окрошка.
И бабушка с дедом беседы ведут
о том, как я быстро зачем-то расту.
А мне их беседы не хочется слушать –
вот кончится зной, и с соседским Андрюшкой
На речку отправимся прыгать с моста.
И жизнь бесконечна, легка и проста.
И где это время, и где та окрошка?
А прыгать с моста стало страшно и сложно.

Екатерина БОГДАНОВА (Ульяновск)

***

Ночная станция, огней далёких свет.
Повсюду жизнь и будни хлопотно-босые.
И ветхий домик оставляет в сердце след,
И луг нескошенный, ведь всё это – Россия.

Россия – шаткий накренившийся забор
И речка мелкая под мостика пролётом.
Россия – это бесконечный разговор
О том, что поездом – не то что самолётом.

Вновь за окном состав грохочет грузовой.
Цистерны ржавые, чумазные вагоны –
Сегодня. Завтра над сверкающей Невой
Мосты застынут и крылатые грифоны.

Мелькают шпалы и бетонные столбы,
И забываются все прошлые тревоги.
И нет, наверное, счастливее судьбы,
Чем никогда не прекращать такой дороги.

Семинар поэзии. Мастера *Елизавета Мартынова, Ольга Даранова, Мария Богдан*

Мария ЖАРИНОВА (Москва)

***

Дед, смотри, там по полю солдат бежит,
А за ним на пригорке светит маковкой храм.
В разнотравье идем с тобой – шмель жужжит,
Спустя век этот шмель попадет в «Инстаграм».

Дед задумчиво смотрит в небо – вчера
Здесь особенно сильно шли стеною дожди.
И до нитки солдат тот промок – и пора
Возвращаться домой. На сто лет вперед.

«Подожди...»

Нет, всё верно, тут береза торчит стволом,
Тут картофель сажали, а там омут мелькнет.
Дед, пойдем, посидим, наконец, за столом,
Может быть, кто-то на дымок самовара придёт.

Тот солдат – не придёт.
И другой – не придёт.
Вечереет...

Завернули за угол: вот заводь – рыбаць.
Хочешь, принесем к столу?
Только ты по детству
Моему – не плачь.

*Семинар поэзии ведут Роман Круглов
и Елена Кувшинникова*

***

Снова май, холодный ветер.
Снова облака над телебашней.
Я нездешний, я вчерашний,
И родители мои ещё на этом свете.

И они ещё почти что дети –
Ветер гонит пыль на Гедимина.
Погрызут горбушку хлеба с тмином,
Расчихаются да взмолятся о лете.

Мне бы тоже – к ним на взморье,
Мне бы тоже – знать не горе,
Во дворы, расчерченные мелом.
В жизнь, которую ты, мама,
Сберегла. Сумела.

В парк, сбегающий к реке,
От костёла до кино.
В мир, где можно – налегке,
Он с тобою заодно.

И ему не все равно.
Снова май. Холодный ветер.
Свитер. Велик. И холмы.
Нас пока что нет на свете,
Но на свете всё же – мы.

Екатерина КУДАКОВА (Королёв)

ТОЛЬКО ВОЛГА

Друзья,
а этой дорогой
я дойду до моря?
(синего, яростного, с белыми краями
под белым небом)
В Ярославле нет моря,
только Волга.
(чёрное неровное полотно,
ночью натянутое между берегами)
Но я не спрашивала вас,
есть ли тут море.
(белые изгибы чайки над головой)
А спросила,
дойду ли я.

Екатерина КУЗНЕЦОВА (Саратов)

ВЕСНА

в детстве у меня была снежная бабушка
не холодная и совсем не злая
но её волосы серебрились метелью
её песни звучали на мотив белого вальса
когда бабушка пела колыбельную
мне чудилось что она
большая мягкая бесконечная
как снег за окном
когда я держала её в лучах объятий
мне казалось
будто снежные бабушки

не имеют свойства таять
будто снежные зимы никогда не кончаются
и вдруг пришла весна

Ксения ПРАВИКОВА (Москва)

***

поднимет зима со дна
холодный печальный сон
последняя глубина
обступит со всех сторон
и если повсюду тьма
опять не видать ни зги
ты знаешь теперь сама
отсюда беги беги
меж рыбами и стрельцом
шаги твои далеки
смеясь темноте в лицо
беги до конца строки.
туда где велик и мал
стремителен как стрела
твой мир для тебя сиял
и ты для него была.

Артём ПРОШИН (Ульяновск)

САХАРНЫЙ АНГЕЛ

Маленький ангел порхал над домами,
Снился младенцу и дремлющей маме.
Ночью рождественской звёзды горели,
Ангелы пели, качнув колыбели.
Ласково детям на ушко шептали
Добрые сказки про дальние дали.
Сказку закончив, дарили игрушку,
Клади тихонько её под подушку
И улетали в небесные страны,
Чтобы догнать облаков караваны.
Белые перья свои оставляли
На подоконнике, на одеяле.
Ночь посыпала их сахарной пудрой
И превращала в печенье под утро.
Сахарный ангел порхал над домами,
Снился Алёше и маленькой Ане.

Пётр СВИСТУНОВ, родился в 1995 г., живёт в г. Химки. По специальности социальный психолог. Член Совета молодых литераторов Московской области. Участник литературной студии Юрия Полякова при Государственном университете просвещения. Финалист премии «Русские рифмы/Русское слово» и Всероссийского литературного фестиваля им. Льва Ошанина.

НАБЛЮДАТЕЛЬ

Юрий Валентинович знал в лицо всех своих пассажиров. Это не составляло труда – не так много людей пользовалось пригородным поездом, который ранним утром отправлялся из отдалённого городка в областной центр, а вечером – в противоположном направлении.

Билетёр – ненапряжная работа для пенсионера. Даже комфортная с тех пор, как появился блестящий и стремительный РА-2 – «рельсовый автобус второй модели». Он заменил прежний тепловоз, тащивший замусоренные, с изрисованными стёклами и жёсткими сидениями, вагоны времён позднего социализма – летом в них было всегда жарко, а зимой – зябко.

Каждое утреннее путешествие начиналось одинаково: с очереди на перроне. Продавая билеты, Юрий Валентинович вглядывался в лица, словно проверяя, на месте ли тот или иной пассажир. Трое мужчин, работавших в соседнем посёлке на кирпичном заводе, две женщины с рыбокомбината в другом посёлке, врач из деревенской амбулатории... С апреля по октябрь к ним прибавлялось большое число дачников, таких же пенсионеров, как он сам, – гружёные рюкзаками или сумками на колёсах, они заполняли весь поезд, обсуждали погоду, семена, сыновей и невесток, дочерей и зятьёв, снова погоду, а потом один за другим выходили, хватаясь за поручни при спуске на платформу. Летом вместе с ними можно было увидеть внуков.

Снова и снова одни и те же люди садились в поезд, и, обходя три вагона, Юрий Валентинович чувствовал себя капитаном корабля, вместо морских волн плывущего по надёжным рельсам. Краем уха он вслушивался в разговоры пассажиров, а опытный взгляд вылавливал в их внешних обликах штрихи, позволявшие точно угадать, что творится в душе того или иного человека. По сбившимся набок прядям волос Юрий Валентинович понимал, что сегодня работница рыбокомбината то ли проспала, то ли закрутилась, собирая дочку в школу, и не успела сделать всегда аккуратную причёску. Слушая мужиков с кирпичного завода, на повышенных тонах обсуждающих городского главу, следил, не краснеет ли лицо одного из них. Это значило, что пассажир успел с утра немного выпить и скоро перейдёт на нецензурную лексику и Юрию Валентиновичу придётся сделать ему замечание.

Спустя час движения состав пустел – вместо дач и пгт начинался заболоченный лесной массив, тянувшийся до самого горизонта, и лишь изредка поезд тормозил возле покрытого мхом бетона останочных пунктов. Когда-то здесь шумели посёлки,

возникшие вокруг торфоразработок. Теперь здесь едва теплилась жизнь, и взять или посадить пассажира на одной из таких платформ было целым событием. И Юрий Валентинович позволял себе присесть и достать сборник кроссвордов, лишь изредка поглядывая на единственного оставшегося пассажира – студента, высокого черноволосого юношу, погружённого то в конспекты лекций, то в книги по юриспруденции, то в ноутбук, а порой просто дремавшего в наушниках. Поезд продолжал мчаться по среднерусской равнине, и уединение не прерывалось долго – лишь за полчаса до областного центра начинался другой ряд оживлённых посёлков и дач. Так продолжалось изо дня в день, из месяца в месяц, пока в вагоне не появился новый пассажир.

***

Девушка ждала поезд, кутаясь в летний плащ, – утро первого сентября выдалось на удивление прохладным. Худощавая и остроликая, она немного подпрыгивала на месте, но не столько от холода, сколько от нетерпения. Всматриваясь в тормозящий поезд, она не знала, что билетёр уже отложил кроссворды и с интересом изучает её. За все годы работы Юрия Валентиновича лишь три раза люди сходили или выходили на этой остановке. Как правило, здесь не было ни души, кроме разве что птиц, облюбовавших верхушки берёз.

– До города, пожалуйста, – девушка оплатила билет спокойно, как будто делала это каждый день. Затем села и уставилась в окно с каким-то жадным нетерпением в глазах – и так и сидела до конечной.

Вечером, когда поезд заполнился усталыми людьми, спешащими домой в пригород, она появилась снова и вышла на той же остановке, где зашла утром. «Видимо, тоже студентка, – сказал про себя Юрий Валентинович. – Вот уж не думал, что в этом медвежьем углу живёт кто-то молодой».

Так и пошло: каждым утром девушка садилась в поезд и читала либо смотрела в окно – пока на восьмой или девятый раз ей не наскучил пейзаж и она не скользнула взглядом по юноше на другом ряду. Он как раз уткнулся в толстый учебник по философии.

– Извините, вы же тоже учитесь в университете имени Пржевальского? – юноша вздрогнул, когда девушка к нему обратилась. – Мне кажется, я видела вас в столовой.

– Да, учусь на юридическом факультете.

– А я на педагогическом.

Спустя пятнадцать минут разговора выяснилось, что её зовут Катя, а его – Сергей, что она

первокурсница, а он уже перешёл на второй, что некоторые преподаватели у них одни и те же, в частности историк и философ, и что этим поездом они ездят в город каждый день. Катя и Сергей говорили и говорили, их громкие голоса заполняли вагон, а Юрий Валентинович, сидя в другом конце, смотрел на них поверх кроссвордов и улыбался. У каждого из его пассажиров была своя история жизни, но впервые две истории переплетались у него на глазах, и, что скрывать, наблюдать за Катей и Сергеем было гораздо интереснее, чем гадать, какое слово из семи букв может означать компьютерную программу для обработки информации.

Обратный вечерний поезд они уже ждали вместе и сели друг напротив друга. Когда Катя вышла, Сергей помахал ей в окно, а потом так и не вернулся к чтению учебника.

На следующее утро Катя сразу села рядом с Сергеем, и это повторилось и на завтра, и через неделю, и через месяц. Сергею не досталось места в общежитии, и он мало общался с сокурсниками, так как не мог по вечерам оставаться в городе; Катя и вовсе окончила малокомплектную сельскую школу, где было четыре человека в классе, – и теперь они не могли наговориться. Юрий Валентинович, невольный слушатель их диалогов, узнавал то о преподавательнице по фамилии Данченко, «самой требовательной и с самой плохой в мире памятью», которая присылала задания в ночь перед семинаром и пыталась спросить домашку для другой группы, то об американском сериале про потусторонних монстров, безумных учёных и девочку с номером вместо имени.

Спустя три месяца Катя и Сергей входили в вечерний поезд, держась за руки, а когда он тормозил у Катиной остановки, их прощальные объятия длились так долго, что девушка едва успевала выскочить на перрон до закрытия дверей.

В январе они появлялись в поезде редко – наступила сессия, и студентам было незачем ездить в университет каждый день. Но в один из этих дней они сошли на Катиной остановке вдвоём, а утром вместе ввалились в поезд счастливые и раскрасневшиеся. Сергей что-то шептал Кате на ухо, а она смеялась, а затем притянула его к себе и поцеловала в губы. «...Жаль, твои родители вернутся уже сегодня», – донёсся до Юрия Валентиновича обрывок фразы, и он понял, что прошедшую ночь эти двое провели наедине.

После этого они чаще целовались, чем разговаривали – даже в вечернем поезде, полном других пассажиров. Однажды сидящая напротив пожилая женщина закатила громкий скандал, утверждая, что в её время молодёжь не была такой распущенной. Через три остановки она сошла, ворча, а Сергей и Катя только хихикали ей вслед.

Юрий Валентинович не делал им замечаний – он-то помнил, что точно так же терял голову, забывая обо всём вокруг, в объятиях своей будущей жены Маши. Давненько было дело, больше сорока лет назад. Самой Маши уже нет на свете, а он всё ещё помнит, как они целовались прямо в автобусе по дороге в техникум, а тогдашние бабушки точно так же возмущались и читали нотации.

Он тоже мог бы многое сказать, когда Катя сидела Сергею прямо на колени, вытягивая ноги по

всей длине пассажирского сидения, а руки юноши откровенно гладили её грудь через блузку, но даже в такие моменты Юрий Валентинович предпочитал оставаться молчаливым наблюдателем. В конце концов, молодые имеют право на своё счастье, и кроме него в вагоне уже никого нет – а его они явно принимают за предмет интерьера. Да и высказанное замечание ни к чему бы не привело: влюблённые просто продолжили бы в том же духе, перейдя в соседний вагон.

Однако учеба брала своё, и в другие дни Сергей помогал Кате готовиться к семинару, или они оба сосредоточенно читали конспекты – но всегда сидя рядом. Бывало, что Катя пропадала на неделю, и тогда Сергей большую часть поездки говорил с ней по телефону, и каждый раз повторял:

– Сейчас еду мимо твоей деревни. Выздоровливай скорее! – и когда Катя выздоравливала, всё повторялось снова: поцелуи, разговоры, подготовка к занятиям, объятия, разговоры, поцелуи. И точно так же Юрий Валентинович продавал им билеты, а потом удалялся в другой конец вагона, откуда слышал многое, что ему не предназначалось: жалобы на преподавателей, порой матерные, обсуждение книг и сериалов, мечты Кати о трёх детях... Постепенно он перестал вслушиваться. О чём бы ни говорили влюбленные уже второй год, поезд продолжал свой путь сквозь леса и болота, и Юрий Валентинович думал, что для этих двоих он точно едет в долгую и счастливую совместную жизнь.

***

Был хмурый и дождливый ноябрьский понедельник, и большинство пассажиров залезали в поезд с крайне недовольными лицами. Недовольным был и Сергей – одной рукой протянув Юрию Валентиновичу деньги за билет, другой он держал телефон, по которому вёл напряжённый разговор.

– Нет, приеду один. Так получилось, – далее следовала длинная пауза, в течение которой Сергей слушал невидимого Юрию Валентиновичу собеседника. – Я сам думал, что она согласится, но кто же знал, что ей дороже её дурацкие принципы? Всё разрушить и ради чего, ради прозябания в этой дыре? – вновь пауза. – Слушай, я не думаю, что получится. Мы всё обговорили... И никогда ещё я так не ошибался в человеке. Целый год всё было здорово... целый год! – в это время поезд затормозил у следующей станции, и Юрий Валентинович отвлёкся, продавая билеты входящим. Он так и не узнал, о чём шла речь: Сергей уже не говорил по телефону, а закрыл глаза и слушал музыку в наушниках.

Дождь продолжал лить, пейзаж за окном сливался в сплошное серое пятно, а поезд бежал по рельсам, не обращая внимания на погоду.

Катя, как обычно, поднялась в вагон, но не радостно ждущая встречи с Сергеем, а грустная и подавленная. Медленно, словно для этого требовалась отдельная храбрость, она подошла к сидящему в наушниках Сергею и опустилась на противоположное сидение, как вдруг он встал и быстрым шагом прошёл в другой вагон. Юрий Валентинович от удивления едва не сел мимо сидения. Катя спрятала лицо в ладонях – наверное, беззвучно плакала.

«Должно быть, поссорились», – подумал Юрий Валентинович, и на душе у него стало так же уныло,

как за окном. Вот о чём был телефонный разговор Сергея – о Кате, это на неё он кому-то жаловался! Но как так? Юрию Валентиновичу вдруг захотелось встать и догнать Сергея – тот никуда не денется, в РА-2 всего три вагона. Но кто он такой, чтобы вмешиваться в чужую жизнь и пытаться кого-то воспитывать? Сами разберутся. В конце концов, и он до женитьбы ссорился с Машей, и его дочь однажды думала развестись с мужем. И Юрий Валентинович остался где был. Лишь когда зашли новые пассажиры, он был вынужден пройтись по всем вагонам и обнаружил, что Сергей занял крайнее место возле двери в кабину машиниста и спит в наушниках – или делает вид, что спит. Юрий Валентинович не стал его будить, и, когда поезд остановился на конечной станции, Сергей и Катя вышли по отдельности – она сразу, а он – спустя несколько минут, словно специально выждав время.

Ни на вечернем рейсе, ни утром Сергей не появился. Катя точно так же вошла в поезд и обошла все три пустых вагона, прежде чем сесть, а когда села, то неотрывно смотрела в одну точку, будто серость за окном могла чем-то заинтересовать.

Это повторилось на следующий день, и ещё, и ещё. Снова и снова Юрий Валентинович продавал Кате билет, снова и снова смотрел на неё с сочувствием, но она оставалась погружённой в переживания, и ему ничего не оставалось, кроме как вздохнуть и в очередной раз приняться за разгадывание кроссвордов.

На шестой день тишину в вагоне прервал громкий всхлип – и словно взорвал изнутри душу Юрия Валентиновича. Он больше не мог наблюдать безучастно.

Катя плакала, сжав в руке мобильный, и через её плечо Юрий Валентинович увидел фото на экране. Очевидно, оно было сделано прошлым летом – Катя прижалась к груди Сергея, а он одной рукой обнимает её за плечо, а другую вытянул, делая селфи. За их спинами сверкает на солнце зелёная листва и синее кусок речки или озера, и оба они улыбаются.

– Что случилось? – глухо спросил Юрий Валентинович, заставив Катю вздрогнуть. – Где ваш... – он на миг запнулся, не зная, как назвать Сергея, – спутник?

Девушка смотрела на него заплаканными глазами – пристально, как никогда не смотрела до этого – и молчала, а на её лице медленно появлялось понимание, что всё это время, больше года, у её отношений с Сергеем был непрошенный свидетель.

– Он уехал, – наконец сказала она. – Решил переехать в московский институт.

«Так вот о чём Сергей говорил тогда по телефону», – сообразил Юрий Валентинович. Но многое всё ещё оставалось непонятным.

– Это же не навсегда. Он может вернуться.

Катя покачала головой.

– Он мечтает о большой карьере, стать адвокатом или юристом в крупной фирме. Он просто не захочет возвращаться, – её голос дрогнул. – Я просила его остаться, говорила, что хорошую работу можно найти и здесь, но он не слушал, всё время повторял, что не хочет, как его родители, всю жизнь горбатиться за копейки в жопе мира... И звал ехать с ним.

– Но вы не поехали?

– Нет, – ответ явно был для Кати как само собой

разумеющееся. Юрий Валентинович не ждал дальнейших пояснений, но, похоже, девушке было необходимо выговориться, и откровенный разговор с почти незнакомым стариком не казался ей странным. – Я никогда не думала уезжать, я собираюсь стать учителем. Знаете, сколько в моей школе было учителей? Всего двое, и они учили нас всем предметам. Сорок человек из пятнадцати деревень, разных возрастов, и, если бы не они, школы в окрестностях совсем бы не осталось. Её и так грозят закрыть, им обоим уже за шестьдесят, детей вот-вот станет учить некому. Разве это хорошо, когда никого не осталось – все уехали в город? А все уедут, потому что не смогут возить детей в школу за многие километры.

На это Юрию Валентиновичу возразить было нечего: хотя он сам и проработал большую часть жизни на единственном заводе у себя в городке, но его дочь уже давно жила в Питере, и своих внуков он видел только три раза, когда выбирался туда в гости. С другой стороны, если есть возможность добиться лучшей жизни, почему нет? Когда ещё стоит предпринять попытку переехать в крупный город, если не в молодости?

– Я не знаю, – честно сказал он, хотя вопрос Кати был скорее риторическим. – Но я видел, что вы любите друг друга – и что теперь?

– Любила, – Катя ещё раз посмотрела на фото в телефоне, но на этот раз в её взгляде была злость. – А он любил не меня, а свои мечты. Сказал, что я дурочка и угроблю свою судьбу... Это мы ещё посмотрим.

Она двинула рукой по экрану, а затем резко и решительно вдавила палец в возникшую на экране надпись «удалить».

– Я больше никогда так не обманусь.

Юрий Валентинович покачал головой. Он хотел сказать, что не стоит так решительно рвать связи, что стоит дать Сергею второй шанс, общаться по переписке, может быть, навестить его позже – но поезд тормозил, на перроне ждали пассажиры, а значит, было пора возвращаться к своим обязанностям.

– Надеюсь, вы всё же будете счастливы, – но Катя только скривилась.

За окном мокрыми хлопьями повалил снег, первый в этом году, но всегда любивший зиму Юрий Валентинович не был ему рад. На душе было тяжело, словно он заблудился в одном из многочисленных болот своего родного края и никак не мог выбраться.

Когда поезд остановился, он вышел на перрон, подставив голову и плечи снегопаду, и долго смотрел вслед уходящей Кате. Сердце Юрия Валентиновича сжималось от боли. Может быть, это он виноват, что не поговорил с Сергеем, когда была возможность? Но послушал бы тот чужого старика, если даже любимую девушку не услышал?

Юрий Валентинович смутно чувствовал, что финала этой истории так и не узнает. Ему оставалось только наблюдать, как за пеленой снега исчезает Катя, а вместе с ней исчезают из поля зрения дома, автомобили, деревья... Казалось, весь окружающий мир желал скрыться от мысли, что даже любовь не всегда способна заставить человека изменить принятое решение.

Вадим КУЛАКОВ (Московская область)

МОЛДАВСКИЙ КНЯЗЬ

Про нового учителя я узнал раньше остальных девятиклассников: рассказала мама. Молодой, спортивный, с рычащей японской машиной – как и подбоает физруку.

Модные очки в черной оправе, густые каштановые волосы, глаза цвета наступающей осени, фамилия талантливого молдавского князя.

Мне было пятнадцать лет. Впервые в жизни у меня появились друзья, подработка, прогулки до утра и рыжая девочка с короткой стрижкой, которая много курила, любила целоваться и вскоре бросила меня, окрасив солнечный август в выцветшую меланхолию.

На линейку я пришел помятым и слегка простуженным. Раздражали сентиментальность учителей, равнодушие одноклассников, плавные метаморфозы природы. Лил дождь.

А он очаровал всех. Директрису, которая ненавидела всё живое, лстивых завучей, замученных коллег. Англичанка от греха подальше сразу ушла в декрет. Русичка попросила кабинет поближе к спортзалу, куда, как бы случайно, захаживали учительницы начальных классов. Краснощечкий трудовик бросил пить, сменил рваные джинсы на спортивные штаны, и теперь они вместе бегали по утрам...

Я игнорировал его как только мог. Не здоровался, затыкал уши во время болтовни его обожателей, игнорировал его схожесть с античными статуями. Чтобы заглушить неясную горечь, увел девочку у лучшего друга. У нее были богатые родители, владевшие сетью ресторанов, где подавали недурную пиццу. После уроков я неторопливо, в новых кедах, шел к ней, пропадал до вечера. Через неделю мы надели друг другу и разошлись.

Он улыбался теплым цветением черемухи и купальным сезоном. На своих занятиях играл с учениками в мяч, иногда подбивал пробежаться, сдать несложный зачет. Не лежит душа – делай что хочешь: гуляй по территории, готовься к следующему уроку, болтай с кем-нибудь. Он не злился, не ставил плохих оценок, только искренне улыбался. Поэтому все активно занимались, хотели находиться рядом с ним, упивались его обаянием.

Я чувствовал какое-то внутреннее сопротивление, избегал сближения. Наверное, боялся.казалось, стоит поверить этому молодому физруку, как тут же потеряешь часть себя, ослепнешь, оглохнешь или лишишься вкуса. И, что самое страшное, даже не заметишь этого. Я был единственным, кто не занимался.

Тогда, в один из злополучных дней догорающего сентября, я случайно открыл для себя русскую классическую литературу. Забавно, но до этого момента я ничего не читал. А тут – Лермонтов. Меня привлек портрет в учебнике: маленький, скорее подросток, а не великий классик, темненький, с усами – слишком уж он отличался от моего добродушного учителя. Ни о чем не думая, я положил книгу в

портфель, открыл её на уроке, вздохнул прочитал «Героя нашего времени», все редакции «Демона», «Маскарад», стихи – и твердо решил стать писателем.

Наступил октябрь. Мы перешли в пыльный спортзал. Во время уроков я сидел в подсобке, на матах, пробовал одиночество за книжкой. Он как-то незаметно подошел ко мне и спросил с улыбкой:

– Что читаешь?

– Как солнце зимнее на сером небосклоне, так пасмурно жизнь наша... – вытянул я из книжки. Вытянул неуверенно, неловко, глухо.

И тут же замаялся. Никогда я ещё не казался себе так противен.

Думал, что ношу внутри что-то драгоценное и горячее, древние секреты, крошечную частичку вселенной, которая может затеряться при неосторожной близости. Оказалось – то была простая зажатость подростка, который не может даже нормально прочитать любимое стихотворение.

Кто заставляет меня сидеть под зимним солнцем, втягиваться в пасмурную действительность?

Что мешает людям цвести вечно?

Он, кажется, почувствовал перемену внутри меня. Молча погладил по голове, по-дружески рассмеялся и вернулся к своим подопечным.

В тот день я сбежал с уроков. Купил оранжевой газировки. Много ходил по городу, от парка к парку, тонул в осени и пятнадцатилетии.

Конечно, до меня доходили различные слухи. Говорили, что он часто собирает у себя на квартире старшеклассников, покупает им алкоголь и сигареты, гоняет с ними по ночному городу... Но все это исходило от тех самых учительниц начальных классов, к которым никто не питал доверия. В конце концов, даже если это так – какое мне дело? Он пробудил во мне какой-то неясный трепет: то ли чувство свободы, то ли жажду открытий, то ли принятие совершенства – и я был благодарен ему за это...

На следующий день я пошел в местную театральную студию. Её вела экспрессивная дама, желающая вместить в подростков свои эстетические воззрения. Было весело. Там я познакомился с милой девочкой-цыганкой. Её родители были уважаемыми актерами местного театра. Много путешествовали. Жили на окраине города. Разводили лошадей, давали уроки верховой езды.

После театралки мы, как правило, проводили время у нее. Играли в настольные игры, смотрели старые фильмы. Она несколько раз гадала мне, показывала, как можно смастерить ловца снов, рассказывала про шаманские ритуалы, учила играть на гитаре, метать топор и заговаривать погоду. Именно с этой девочкой...

Узнав, кто её родители, мама запретила мне с ней общаться. Спорить не хотелось. Уходить из дома – слишком страшно. В театральную студию приходило было как-то неловко.

Разбитый, не знал, что делать. Сдуру взялся за Достоевского. «Бедные люди» решительности не прибавили.

Тогда жизнь снова свела меня с ним. В последний раз.

В пятом классе не хватало преподавателей. Нашего молодого учителя поставили вести им математику и русский язык. С нашего класса сняли. Расстроились все. Я – не показывал виду.

За неделю до холодного, жизнью обиженного ноября у нас ежегодно проводят День города. Приглашают эстрадных певцов, талантливых школьников, местные творческие коллективы...

Терпеть не могу такие мероприятия, но в тот день деть себя было некуда. На сцене, как только пришел, увидел бывших товарищей по театралке. Стало обидно и грустно.

Повсюду шумели продавцы уродливых детских игрушек. Пахло шашлыком и луком. Одна пьянь. Фонила музыка.

Гулял не один. На класс младше училась одна любопытная девочка. Она читала Паустовского, сидя на подоконнике, иногда что-то таинственно писала в тетрадь, рисовала пейзажи. Темные кудрявые волосы, большие квадратные очки и немного широкая фигура, что, впрочем, смотрелось очень органично.

Обычно мы целовались по подъездам. Мне особенно нравился один в центре города, где неизвестный художник залил лампочки разными цветами, и можно было выбирать площадку в зависимости от настроения: розовая, тускло-красная, зеленая; ей – на окраине города, с балконом, откуда было видно дикое поле.

Со мной пришел один дурашливый приятель, который очаровывал своей абсолютной недалекостью, с ней – миловидная подружка-блондинка, которую бил отчим. В общем, стандартная компания подростков.

Призраками бродили среди людей. Не то, чтобы нам было скучно, просто каждый хотел бы оказаться в другом месте, с другими людьми, другим человеком.

И тут мы встретили нашего любимого учителя с

фамилией талантливого молдавского князя. Он стоял с выпускниками, но, увидев нас, подошел. Улыбнулся. Спросил:

– Чего скучаете, ребята?

– Да так... – ответил за всех мой приятель.

– Может, хотите чего?

– Сладенького, – ответила за всех миловидная подружка-блондинка.

– Тогда – время действовать! – он чуть ли не подпрыгнул, окончательно забыв про выпускников.

Через пять минут мы уже находились в его машине, ехали в ближайший магазин. Окончательно стемнело, но гирлянды, развешанные по всему городу, придавали улицам оттенок чего-то зазеркального, фантастического. Люди на улице казались частью карнавала.

В магазине он купил чипсов, газировки, кукурузных хлопьев и конфет. Потом мы поехали в тот самый подъезд с балконами, уплетали сладости, болтали. Он рассказывал про занятия спортивной гимнастикой, тяжелую травму, длительное восстановление и педагогический колледж. Мы внимательно слушали, делились своими проблемами. Наверное, в первый и последний раз по-настоящему сопереживали друг другу.

Я чувствовал легкость и любовь ко всему вокруг, про которую позже прочел у Льва Толстого. Весь мир лежал в моей ладони, а мне хотелось гладить его, как котенка, и поить молоком из бутылочки. Все, что казалось слишком взрослым, неразрешимым, неизбежным, рассеялось в один миг. Я видел перед собой талантливого молодого учителя, который действительно относился к своим ученикам как к личностям, приятную умную девушку, её подружку, похожую на сказочную принцессу, которой не повезло с родителями, и добродушного парня, не боявшегося открыться миру. Хотелось жить.

Учитель уволился через пару месяцев. Перегорел. Год работал доставщиком пиццы, затем охранником в театре. Потом вернулся на родину. Больше мы не виделись.

Участники Мастерской молодого писателя. Закрытие

СТРАНА ПОЭЗИЯ

Мария БОРУХОВА родилась 15 апреля 1988 года в г. Саратове. Поэт, автор книг «Точка прозрачности» и «В переулке потерянных снов». Стихи печатались в альманахах «Каштановый дом», «Впечатления», в журналах «Плавучий мост» и «Симбирскъ» и др.

ОСЕНЬ У ДВЕРЕЙ

***

О чём ты говоришь мне, воробей?
И что услышать хочешь от меня ты?
Что, несмотря на множество скорбей,
Все обвиненья с нас не будут сняты?

Ты напеваешь песенку свою:
Понять тебя – нелёгкая задача.
Перед тобой растерянно стою
И, голову склонив, едва не плачу.

Ты на меня взираешь, как судья.
Вердикт твой угадать мне не под силу.
Плывёт моя надежда, как ладья,
А ты, чеканя шаг, заходишь с тылу.

Мой адвокат – пронира и ловкач:
Любой вердикт мне рядом с ним не страшен.
И оттого ты мой не слышишь плач,
Что каждый долг мой вовремя погашен.

31 АВГУСТА

Сегодня город опустел –
ни улиц, ни машин.
Сегодня воздух загустел –
Хоть лей его в кувшин.

На землю падает листва,
Дождавшись сентября,
И неземные существа
Глядят из янтаря.

Слепые сумерки хрустят
В объятиях травы,
А мысли выбраться хотят
На свет из головы.

Неслышно прячется луна
В созвездии сверчков,
И ужасает глубина
Расширенных зрачков.

Сегодня город опустел –
Ни птиц, ни фонарей:
Лишь хоровод небесных тел
И осень у дверей.

***

Ночью папоротник зацвёл
Но земля остудила пыл
Ранним утром уныл и квёл
Тот кто имя своё забыл

Вечер спрятался в проводах
А песок принял форму дна
Тот сажает любовь в садах
Кому тень пустоты видна

Солнце свой завершило круг
Сон исчез в предрассветной мгле
Но дитя не спускает с рук
Тот кто нить позабыл в игле

Днём на пажить осел туман
Мокрый хворост не стал гореть
Тот кто жизнь положил в карман
Не заполнил его на треть

Шишки хмеля легли под снег
Там где ночь перешла черту
И почувствовал человек
Привкус прожитых дней во рту

***

Вода утекает сквозь пальцы,
и ключ застревает в замке,
уходят в ночи постояльцы
из сонных домов налегке.

Мелькают заблудшие звёзды,
весь мир покрывается льдом,
и птицам, покинувшим гнёзда,
их хлеб достаётся с трудом.

Нам снятся дорожные знаки,
мы мимо бежим по сплошной,
и жёлуди, как козинаки,
зверёк поедает пушной.

В пространстве потерянных истин
слова превращаются в пар.
Мы время, как овощи, чистим,
а жизнь принимаем, как дар.

***

В небе белый след от самолёта.
От страданий след в твоей душе.
Знаешь ты, как с помощью азота
свет зажечь на пятом этаже.

Море носишь ты в пустом кармане,
ставишь точку после запятой,
вечером купаешься в тумане
и пускаешь ветер на постой.

Буквы разбегаются в кроссворде,
их тебе руками не поймать:
всё узнав о весте и о норде,
ты, закрыв окно, ложишься спать.

По ночам забвеньё наступает.
К небу жизни лестница ведёт.
Самолёт садится и взлетает.
Царствие Небесное грядёт.

ГДЕ-ТО В МИРЕ ЕСТЬ ТАКОЕ МЕСТО...

Науму Резниченко

1
Держа весь город на ладони,
Я обращаю время вспять:
Гром слышен в Тире и Сидоне,
А в Вифлееме снег опять.
Бушует ветер в Вифсаиде,
Покрылся льдом Капернаум,
И гибнет царство ниневитян,
Как предрекал пророк Наум.
Уйдя от истины библейской,
Содом исчез с лица земли,
Пируют в Кане Галилейской,
Закинув сети на мели.
Мой город спит в лучах рассвета,
И нет ему пути назад.
Здесь строки Нового Завета
На сердце пламенем горят.

2
Где-то в мире есть такое место,
Где волхвы глядят по сторонам,
Где в домах замешивают тесто
И не верят сумеречным снам.
Место, где вино течёт рекою,
Веселя уставшие сердца,
Где не просят мира и покоя
Люди у Небесного Отца.
Место, где кладут младенцев в ясли,
Где звезда указывает путь,
Где танцует рыба в постном масле,
В мир иной пытаюсь заглянуть.
Где-то в мире есть такое место,
Где ложится снег на провода,
Где жених печален, а невеста
Рядом с ним не плачет никогда.

* * *

Март. Утро. Кофе. Понедельник.
Соцсети. Лента новостей.
Твой пёс – бродяга и бездельник –
упрямо требует костей.

Автобус. Книга в телефоне.
Дорога. Времени в обрез.
Смотреть в квадрат на чёрном фоне
ты отказался наотрез.

Закат. Растерянные лица.
Неуловимый курс валют.
И лишь последние синицы
свой хлеб отчаянно клюют.

А нам Господь сказал когда-то:
«Вы лучше многих малых птиц».
Для Бога важен даже атом –
мельчайшая из всех частиц

* * *

Дом казенный накрылся пледом.
В клетке прыгают два щегла.
Скатерть новая за обедом
Спать на столике прилегла.

На окне шевелятся шторы.
В ванне соль шебуршит на дне.
Длятся в комнате разговоры
То о мире, то о войне.

Под кроватью узор из пыли.
Сверху кто-то кричит: «Позор!!!»
Статуэтка в японском стиле
Заступает в ночной дозор.

Встав с утра с головы на пятки
Мир резвится, беря своё,
А в аптечке играют в прятки
Валерьянка и мумиё.

Доедая паштет из мяса,
Хлеб безжалостно надкусив,
Достаю я из-под матраса
Вилочку медных лесной массив.

Быт домашний в костюме строгом
Был продуман до мелочей.
Все предметы живут под Богом.
Все: от вешалок до ключей.

* * *

Плыл апрель по бездонному небу
Плыл, как окунь в глубокой реке,
Плыл навстречу Борису и Глебу,
Покидая весну налегке.

Наблюдали деревья и птицы,
Как плывёт над землёю апрель,
И о тех кому ночью не спится
Пела тихую песню свирель.

Плыл апрель к своему завершенью,
И в прозрачной его чистоте
Становилось пространство мишенью,
Словно точка на чистом листе.

* * *

Там, где клин вышибают клином,
Места нет преклонить главу –
А на острове Соловьинном
Вместо хлеба едят халву.

Там, где клин вышибают клином,
Спит открытый огонь в печи,
Ночью он превращает глину
В тёмно-красные кирпичи.

Там, где клин вышибают клином,
Нет метелей и жизнь проста:
Журавли пролетают клином,
Можно ягоду есть с куста.

Там, где клин вышибают клином,
День дрожит у подножья скал.
Камень, названный Соколиным,
Тот находит, кто не искал.

Между Тверью, Москвой и Клином
Просит свежей воды Сестра.
Там, где клин вышибают клином,
Рыба греется у костра.

* * *

Тучи сгущаются в небе над нами,
скоро цветы поменяют цвета,
в люльке младенец обвит пеленами,
и у прохожего совесть чиста.

В воздухе запах табачного дыма,
сладких духов и прохлады ночной,
кто-то на лодке плывет из Чардыма,
и закрывается ящик свечной.

В сердце с любовью соседствует жалость,
плющ на заборе похож на коралл...
В жизни нужна нам лишь самая малость:
чтобы из близких никто не хворал.

Ирэна СЕРГЕЕВА, г. Санкт-Петербург. Член Союза писателей России, руководитель секции «Поэзия» Санкт-Петербургского отделения СП РФ. Поэт, литературовед, переводчик. Лауреат литературных премий «Традиция», имени Николая Заболоцкого, имени Николая Тихонова, им. Святого благоверного князя Александра Невского. Редактор альманаха «Северные цветы» и многих коллективных сборников петербургских поэтов.

С ЛЮБОВЬЮ В СЕРДЦЕ К РУССКОМУ, РОДНОМУ

***

Сыну твоему пришла повестка,
видно, подходящие года.
Вовсе не расстроилась невестка –
или не любила никогда?..
Ну а ты, его родная мама,
назовёшь его «защитник наш»,
слёзы вытрешь на пороге храма
и на год «о здравии» подашь.
Хорошо ли ты его учила?
Может, и молитв не знает он?
Пусть в бою, когда уходит сила,
произносит «Господи, помилуй!» –
будет с Божьей помощью спасён!

ЗА ВОИНОВ

Была то Белая, то Красная,
то армия, а то дружина,
но для страны моей – прекрасная:
в ней каждый воин был – мужчина.
Мой брат и прадед – это воины,
на Первой мировой – два дяди,
наград и званий удостоены,
пролили кровь России ради...
За воинов, хранящих Русь,
гост возглашу и помолюсь!

***

Брату Николаю

Мой брат крестьянствует, не пьянствует,
к весне готовит огород.
Но вижу на родном пространстве я:
на тружеников – недород.
Мой брат и печь поставит добрую,
мотор починит и забор.
Таких бойцов найти попробую,
да новобранцев недобор.
Зато в застолье все не стопорят,
так много лодырей теперь...
Мой брат на праздник выпьет стопочку
и зарулит наутро в Тверь.

***

Так много пишущих. Читающих так мало.
Образованья уровень убог.
Я помню: с книгой и отец, и мама...
И многое читалось между строк.
Библиотека дедова в блокаду
пропала... В доме – книги... Негде жить...
В противовес компьютерному стаду
что я могу свершить?

***

Музыка жизнь украшает – исконно
в годы войны – и давно, и сейчас...
Тенор звучит, баритон саксофона –
чтобы любви огонёк не погас...
Наша любовь от мелодий зависит.
Музыка в пятидесятых годах
сопровождала и чувства, и мысли,
всё отгоняя – печали и страх...
Музыка блюза сманила в глубь зала,
но о любви ничего не сказала...

«ЛУНА»

Дождь очень музыкален,
он в окна наших спален
ударником стучит...
Ты скажешь: «Вот зараза!»
А я любила джаза
мелодии в ночи.
Ритмичны, мелодичны
от нынешних – отличны,
особенно – одна...
Во времена Союза
тогда под вздохи блюза
с названием «Луна»
я танцевала с милым,
как звать его – забыла...
Припомню ль погода?..
Зато «Луну» сегодня
напомнила, как сводня,
мелодия дождя.

***

Увековечьте деда, прадеда
хотя бы в строчке стиховой.
Нам память для того и дадена,
чтоб лучше думать головой.
Мы сами рождены не случайно,
а по мечтам своих родных.
Увековечим подвиг – лучшее,
что нам завещано от них.

ГРОЗА

Люблю грозу в начале мая...
Ф. Тютчев

Люблю Москву в начале мая –
девятого... В цвету земля...
Тогда страна моя родная
парад проводит у Кремля.
Проходят воины России,
ракетных комплексов семья...
Я рада этой грозной силе...
И с нею вместе – в силе я!

***

Здесь, на берёзе, птичка завелась.
Я голосок её всегда узнаю.
Живое пенье надо мной имеет власть,
любая песня добрая, не злая.
Так выживаю с песнями в душе,
с любовью в сердце к русскому, родному...
Берёза – высотой – подобна дому,
мы с птичкой – на четвёртом этаже.

***

Тебя блокирует YouTube? *
За что ЮТУБУ ты не любишь?
За то, что в СЛОВЕ ты не трусишь!
Зато тебе от наших – плюс.
И впредь в делах своих не трусь,
и не молчи, что любишь Русь,
России служишь, не «трубе»...
Воздаст ли Родина тебе?

*YouTube – труба (англ.)

В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Смотрю, крещусь и славлю Бога...
Да здравствует моя страна!
С себя я спрашиваю строго:
всегда ли ей была верна?
Да, так воспитана семьёю,
примером всех моих родных –
кто воевал, тот был – не скрою –
примером скромным для живых.
Они России пригодились,
трудясь на совесть – не за страх,
но если чем-то и гордились,
то славой Родины в веках!

В ПОЛНОЧЬ

Какая-то нежная птичка
тихонько поёт в тишине.
Петь в полночь? Такая привычка –
весьма удивительна мне.
Я тоже бы с нею запела!
Петь, не поклоняясь рублю, –
такое достойное дело...
Но только я – громко – люблю!

***

Автору песен Андрею Куряеву

Лет шестьдесят ему сейчас,
не старый вроде.
Играет так, что тянет в пляс,
Слова находит.

Слова о родине своей
поёт и, грустный,
хотя не курский соловей –
душою русский...
Слова с призывом: сделать шаг,
вселяя гордость,
увидеть, если рядом враг,
и врезать в морду...
Такие родине нужны
певцы простые
для возрождения страны,
родной России.

***

Какая там всемирная поэзия,
тем более на нынешнем веку!?
Она звучит – как бы по стёклам – лезвия,
а иногда, увы, – «кукареку!»
Поэзия бывала только русская
не в нынешнем – в прошедшие века,
идеями – глубокая, не узкая,
душою, словно Волга, широка.

***

Душа поэзии родной
всегда в душе, всегда со мной,
чужими строчками живёт:
один – прочтёт, другой – споёт...
За жизнь своё сказать успел,
у каждого найдётся перл.
Я рада слушать, повторять,
когда найду строку «на ять»,
жить в русском русле и в судьбе...
Нельзя всё время о себе.

НА СТРАЖЕ

*Вечный светоч не погас
Под ветрами гнусными.
Даже мёртвых бойтесь нас –
Не воюйте с русскими.*

Андрей Куряев

Живыми и мёртвыми вами горжусь...
Мои дорогие! Вы, братья и предки,
стоите на страже, надёжны и крепки,
собой защищая Россию и Русь.
Вы – лучшие люди! Честны и верны,
вы вечны, вы венчаны с воинской славой.
Стоите, не чуждые жертве кровавой,
на страже Истории, Речи, Страны!

Марина БИРЮКОВА, Саратов. Поэт, редактор, публицист. Лауреат литературной премии имени Валерия Прокошина в номинации «За собственный голос в поэзии». Автор книг «Щегол», «Калитка», «Чувство весны».

ТРИ НАШИХ ВРЕМЕНИ В ЕДИНСТВЕ БЫТИЯ...

ЖУРАВЕЛЬ

На листе холодной роса блестит,
от луны таинственно и светло;
журавель колодца во сне летит,
над селом раскачивая ведро.

Он, курлыча, кружится над собой,
наяву торчащим серёд села –
так и я кружу над своей судьбой,
а над нами горня даль светла.

Я кружу и тоже курлычу – про
то, что подняло-таки над бедой –
мне опорожнить бы ещё ведро,
горькой переполненное водой!..

...Или мы с колодезным журавлем –
Он во сне, а я-то уж, верно, нет –
не за кругом круг над землей кладем,
по спирали всходим туда, где свет?..

БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Благословляю тех, кто меня счастливей,
вам велю на полную жить катушку...
Ветер колеблет кроны и гонит ливень,
птицы умолкли, слышно одну кукушку.

Благословляю, рада за вас – и верю,
что за себя не менее буду рада:
всякую нашу восполнит Господь потерю...
Вон, по траве поскакали крупинки града.

Благословляю тех, кто меня моложе:
время свое цените превыше злата –
я ведь его тогда не ценила тоже,
и не покрыта мною его растрата.

Радуга встала над лесом-болотом-полем,
пресная соль на мокром лежит асфальте...
Благословляю тех, кто пока не понял,
не оценил, не выбрал... Не опоздайте!..

СЕНОКОС

*Два стихотворения памяти моего прапрадеда,
смоленского крестьянина Емельяна Колесова.
Я ничего о нем не знаю, так что все это мои
домыслы.*

Коси, коса, пока роса,
пока цветут лесные травы;
подрагивает у дубравы
нескошенная полоса –

там голубые мотыльки,
шмели, кузнечики, стрекозы...
Но вот, уже недалеко,
сверкают молниями косы.

За день без летнего дождя
легла ничком трава живая,
зеленой кровью исходя,
сладчайший запах издавая.

Косой разрезана змея –
срастутся ночью половинки.
Без проволоочки и заминки
работа спорится твоя,

и ты, Емеля, молодец,
хоть не дошел до старых сосен,
хоть не до песен под конец
большого дня на сенокосе.

Ты растянулся на траве,
стожок домётывают бабы –
одна-то Мотя не смогла бы,
соседки ей в подмогу две.

***

По всему селу отбивают косы –
перезвон стоит, облака плывут,
по утрам густы выпадают росы,
отражает зорьку заросший пруд.

По утрам на яблоне свищет птаха,
огурцы рядком на сухом рядне.
Не просохла за ночь твоя рубаха,
жёнкою помытая, на плетне.

По утрам поет, рассекая травы,
хорошо отбита вечер, коса,
и стоят в лучах восходящей славы
города, деревни, луга, леса.

И поет он сам, Емельян прапрадед...
Кровные, некровные – сохраним
эту безотчетную радость ради
многоскорбной матушки нашей с ним.

* * *

Тебе однажды все вернут:
цветущий сад, осенний пруд
с огромным кленом надо водою...
Ты выйдешь прямо в снегопад
зимы, что много зим назад,
и снова будешь молодою.

И в гости к тем, кого уж нет,
пойдешь опять – на желтый свет
в недвижных сумеречных волнах,
прихватит кожу щеколда,
на стук ответят:
– Да-да-да! –
и тех минут, любовью полных

уж не отнимут у тебя
ни зло, ни время. Жить, любя
всю жизнь свою. Дойти до края
бескрайней памяти своей –
а там все тот же соловей
в листве над крышею сарая

ЧЕТВЕРТОЕ МАРТА

Снежок желтоватый, похожий на манку,
береза и старого дома стена;
ворона ворочает ржавую банку –
найти в ней надеется что-то она.

Четвертое марта. Зима за плечами –
тяжелой была она, эта зима!
Молилась, конечно, но часто ночами
казалось, что я уж на грани ума...

Однако же я не подобна вороне:
в пустом не ищущу, но иду к полноте;
при великопостном размеренном звоне,
при ясном закате, при том, что не те

мои уже годы, чтоб жить ожиданьем –
я эту весну принимаю свою
и, словно ключом, отворяю страданьем
сладчайшей живительной влаги струю.

ДОМ-МУЗЕЙ

...А в доме столько тайн, вещей и фотографий!
И бабушка моя рассказывает мне
о маленьком своем фарфоровом жирафе,
о дедовом гнедом директорском коне,

истертом кошельке, бамбуковой корзинке,
колоде бурых карт и правилах игры,
серебряном ноже, советской керосинке...
– А это Петя наш, Наташи муж, сестры –

ужасная судьба... Такой ведь был хороший!..
А это мы в Москве. А вот – Эссендуки...
И давний ветер жив, и россыпью горошин
сквозит ее подол, всем бедам вопреки.

...Сейчас она берет тяжелую шкатулку,
справляется с ключом и письма достает –
и с почты вновь домой бежит по переулку,
прижав к себе конверт, и шепотом поет.

А маленький жираф своей белеет шейкой,
а в чашке вековой сменяется вода,
а дед несет пиджак: «Голубушка, пришей-ка...» –
в комод тот пиджак до Страшного суда.

ЖУРАВЛИ И ЛЮДИ

Что дают журавли человекам,
проходя то дугою, то клином,
направленье сверяя по рекам,
по торфяникам, крышам и глинам?

Что нам дарят они, оглашая
то стерню, то озимое поле?
– Видишь, стая какая большая!..
– Хорошо им на вольной-то воле!..

Окликаемы их голосами,
прислонив свои грабли к забору,
мы уносимся, кажется, сами
на закат, за болото и гору...

Нелегко нам, несладко усну я
этой ночью – но что эта стая
нам оставила, скоро минуя,
в заповедную глушь улетаю?

* * *

«Что у вас там за погода?» – Тепло.
Дождики. Птицы щебечут и свищут,
и ничего уже больше не ищут
люди, которым и так повезло:

быть – и до боли за грудной вдыхать
запах черемухи, яблонь, сирени...
Вон, под кустом на скамейке тетрадь –
пять неоконченных стихотворений.

Быть. Понимать. И владеть языком –
зная, что он навсегда озадачен
яблони майской одним лепестком...
Жить. Провести выходные на даче

и довести хоть одно из пяти
стихотворений до подлинной точки.
Время идет, не давая отсрочки –
всё, чего нет у тебя, отпусти.

ЧАША ТРОИЦЫ

Пойдем на Троицу в ту церковь на горе,
где справа, в мареве и в черном серебре –
три этих ангела за низеньким столом;
ни ждать не надобно, ни плакать о былом:
минута полная, как чаша на столе,
три наших времени в единстве бытия...

Тоски и ужаса в себе не одолев,
туда, где старая целебная моя
икона Троицы, – на Троицу пойду,
и, не готовая ни к Божьему Суду,
ни ко Причастию, ни к жертве... ни к чему, –
сигнал из Вечности во времени приму.

И мне ль не ведомо – вне времени она,
та Чаша полная, что к нам изнесена
из мира горного – земного алтаря.
И я вне времени – когда, благодаря,
иду по скошенной, по вянущей траве
к ней – от нее уже – и вижу: во главе
стола Один из них, и Два – по сторонам;
и я не продана в неволю временам.

ДЕД ИВАН

Ох, дед Иван, ты снова пьян,
бредешь и валишься в бурьян,
в огонь и грохот, стон и мат,
и снова наши танки справа,
а немец – вон; а ты солдат,
надежда Родины и слава.

Глотая слезы, каждый раз
о награждении приказ
я перечитываю к датам:
убиты все, снарядов нет,
и перед прущим немцем дед
один – с горячим автоматом...

И это орден уж второй!..
Ты победитель. Ты герой.
Ты дома, Ваня! Почему же
ты, что ни вечер – за стакан,
а к ночи каждой ты, Иван,
уже в снегу, в соломе, в луже?..

Откуда это зло взялось?..
Ты что задумал, Ванька, брось!..
Веревка, стул, гвоздок повыше...
Ты совершил тягчайший грех
пред памятью святою – тех,
кто, верно, жил бы, кабы выжил...

Но что мы, дед, тебе за суд?..
Они одни тебя поймут,
простят и в полк небесный примут...
А я, старшого Саньки дочь,
тебе надеюсь, дед, помочь,
чтоб Небом не был ты отринут.

ЛОШАДЬ И НЕБО

Пустил попасться и треножить не стал:
старуха и так далеко не уйдет.
Ковыль серебрился, алел краснотал,
шмели собирали с татарника мёд,

лягушки кричали на дальнем пруду,
а лошадь, седая гнедуха, брела...
По брюхо в траве, задремав на ходу,
стояла и снова брела от села –

туда, куда весь свой безропотный век
тянула телегу, несла седока,
стремила невольный ли, вольный ли бег:
к черте, что обманчиво недалеко, –

туда, где смыкается с небом земля...
Знакомо горчила степная трава,
кричали орлы, колыхались поля,
а лошадь жива всё была и жива,

и шла, и дошла, и уже при звезде –
как в озеро, в небо... Летела? Плыла?
...Зарыл, где нашел, – от села в полверсте,
добычу отняв у степного орла.

Литературная гостиная
«УлправдаТВ».
Программа с участием
Ивана Сивопляса

Иван СИВОПЛЯС, краевед, научный сотрудник
музея-заповедника «Родина В.И. Ленина».

ПО СЛЕДАМ ПУГАЧЁВА, ИЛИ КАК ПУШКИН В СИМБИРСК ПРИЕЗЖАЛ

Если брать знаменитые личности всех времён и народов, что когда-либо посещали наш город, родились или жили в нём, то первый номер достанется Александру Сергеевичу Пушкину (1799–1837). Потому что «Пушкин – это наше всё», как сказал поэт Аполлон Александрович Григорьев (1822–1864), который, кажется, не бывал в Симбирске. А Николай Васильевич Гоголь (1809–1852), который, кажется, посещал симбирские пределы, лапидарно и чётко сформулировал, почему оно так:

«Пушкин... это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится чрез двести лет. В нем русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла».

«Всё» – это первое русское слово, напечатанное в 1795 году с буквой «ё», самой «симбирской» буквой русского алфавита. Русская культура – культура книжная, и потому так важны в ней именно литераторы, писатели и поэты.

Пушкин приезжал в Симбирск в сентябре 1833 года на несколько дней, проездом, путешествуя в Оренбург. Об этом путешествии написано много: научные и научно-популярные книги и статьи, проза и стихи, картины художников. Много, но не всё. Данный очерк посвящён пребыванию Пушкина в Симбирске и Симбирску в творчестве Пушкина. В этой истории – два главных героя, два исторических персонажа: Пугачёв и Пушкин. Не будь Пугачёва, Пушкин, может быть, никогда не доехал бы до Симбирска.

17 сентября 1773 года донской казак Емельян Иванович Пугачёв (1742–1775) открыто провозгласил себя самодержавным императором, великим государем Петром III Федоровичем Всероссийским. «Великий государь император» призвал казаков, татар и калмыков послужить ему за своё отечество, обещал награды и прощение прошлых обид. Начался Пугачёвский бунт. Крестьянская война стала одним из самых серьёзных потрясений в политической жизни Российской империи в богатом на потрясения XVIII столетии. По сути, это была гражданская война, самая кровопролитная и ожесточённая из всех видов войн, поскольку в неё неизменно втягиваются и воспринимаются врагами массы гражданского населения. Война длилась почти два года. От рук пугачёвцев во внесудебных расправах погибло более полутора тысяч дворян – только за то, что они дворяне. И половину убитых составляли женщины и дети. Пугачёвщина охватила обширные пространства от Поволжья до Западной Сибири и грозила стать всеобщим бедствием.

Летом 1762 года с государственного переворота, стоившего трона и жизни российскому императору Петру III (1728–1762), началась эпоха блистательного царствования императрицы Екатерины II Великой (1729–1796), продлившаяся 34 года. При ней Российская империя бесповоротно вошла в число великих держав Европы, приросла Новороссией, Крымом и Польшей. При ней рождалась великая русская литература и во весь голос заявил о себе великий уроженец земли Симбирской Николай Михайлович Карамзин (1766–1826), литератор, поэт, реформатор русского языка.

Но успехи, победы, прорывы щедро оплачивались потом и кровью, унижениями «подлых» сословий. «В помещичьих имениях наказать крепостного розгами, батогами, плетью, посадить в цепях и колодах на хлеб и воду было делом обыденным. К таким наказаниям прибегали и военачальник А.В. Суворов, и учёный – агроном А.Т. Болотов, и поэт Г.Р. Державин, и писатель и историк М.М. Щербатов, и многие другие образованнейшие люди эпохи, становясь, по существу, в один ряд с Салтычихой. И это являлось нормой», – писал известный советский и российский историк и пушкинист Морган Рахматуллин. Чувашский просветитель Иван Яковлев рассказывал о симбирском помещике из рода Глинок, который запросто справлял малую и даже большую нужду на виду у работавших в поле крестьян. «Не буду же я стесняться собаки», – объяснял он своё поведение, равняя людей с животными.

Можно терпеть голод и лишения, но унижения терпеть труднее всего. Пугачёва не раз унижали, и потому он восстал и увлёк за собою массу таких же униженных, но вольных духом людей, казаков, кочевников, беглых. Они яростно бились до конца, несмотря на неравенство в силах и в вооружении.

Да, Крестьянская война являла примеры самоотверженности и героизма, высокого долга и человеческих чувств. Это была яркая война – с конными атаками и переходами, с казаками в высоких папахах, с азиатскими всадниками в диковинных нарядах, осыпавших врагов стрелами на скаку.

А сколь ярок был предводитель восставших, беглый донской казак Емельян Иванович Пугачёв!

Объявить себя императором, не зная ни грамоты, ни привычек и манер высшего света. Не кланяться ни пулям, ни ядрам на бранном поле и без страха вступать в бой с регулярными войсками, с пиками против пушек, с луками против ружей!

Известно, что Пушкин занялся историей XVIII столетия, желая сосредоточиться на его 1-й четверти, на фигуре и эпохе Петра I. Но личность ложного Петра III заслонила на время Петра I и даже сделала его антигероем. В Болдинскую осень 1833 года Пушкин пишет поэму «Медный всадник» про страшный монумент Петра Великого, готовый раздавить маленького человека, решившегося на собственный бунт.

Пугачёв просто не мог не привлечь к себе внимание Александра Сергеевича Пушкина, который однажды назвал самой поэтической фигурой во всей истории России атамана Степана Разина, земляка Пугачёва, предводителя Крестьянской войны 1670–1671 годов. Кстати, центральным эпизодом той войны стала неудачная для восставших осада Симбирского кремля осенью 1671 года.

История простого мужика, объявившего себя императором, – это история о роли личности в историческом процессе и в окружающем его обществе. Последняя тема была особенно личной для Александра Сергеевича. Он знал меру своего таланта – его при жизни провозглашали гением, и слава не просто пережила Пушкина, но приумножилась за прошедшее после его ухода время. Но гений занимал в современном ему окружающем обществе неподобающе скромное место. Да, император Николай I мог назвать его «умнейшим человеком России» и объявить себя личным цензором Пушкина, но ведь не приблизил Пушкина, не сделал его вторым или хотя бы десятым человеком в государстве. Милости царя казались унижительны. «После неумеренных похвал и лестных приемов охладели к нему, начали даже клеветать на него, взводить на него обвинения в ласкательстве, наушничестве и шпионстве перед государем», – писал известный литературовед, академик Степан Петрович Шеврёв (1806–1864).

Эта «слава» преследовала Пушкина во время путешествия 1833 года. Нижегородский губернатор, генерал-майор Михаил Петрович Бутурлин (1786–1860), вдруг решил, что история Пугачёва – только ширма, а на самом деле Пушкин послан из Петербурга высматривать по провинции недосмотры и упущения, о чём и стал письменно предупреждать коллег-губернаторов. Он распорядился установить за Александром Сергеевичем в нижегородских пределах полицейский надзор. Конечно, Пушкин с друзьями смеялся над этим, но осадок остался...

Своими глазами видел Александр Сергеевич Русско-турецкую войну 1828–1829 годов, также происходившую в экзотичном Закавказье среди гор, камней, бурных речных потоков – с отважными воинами: казаками, горцами, курдами, турецкими конниками-делибашами. И сам он под турецкой крепостью Арзрум, одетый в бурку и вооружённый пикой, в передовой цепи конных казаков единственный раз в жизни скакал в настоящую атаку! Эту яркость и чёткость пережитого и виденного А.С. Пушкин воплотит потом во многих

замечательных произведениях. Война у него не героична, а обыденна и драматична и потому правдива. Но только так можно раскрыть тему гражданской войны: не подвиги, но боль, когда у каждого своя правда, но льётся общая кровь. Интерес Александра Сергеевича к теме Крестьянской войны 1773–1775 годов вылился в законченные и большие прозаические произведения: «История Пугачёва» и «Капитанская дочка».

К осознанию личности предводителя казачьей вольности и драматических событий Крестьянской войны А.С. Пушкина подвигли те события, современником и очевидцем которых он был и которые будоражили Российскую империю и всю Европу: революция во Франции 1830 года, восстание 1830–1831 годов в вассальном к России царстве Польском, народные бунты, сопровождавшие свирепствовавшую в 1830–1831 годах в нашей стране холерную эпидемию. Своим гениальным чутьём А.С. Пушкин осознал весь ужас той глубокой, зияющей трещины, что прошла через российское общество и чревата была куда большими и трагическими потрясениями. По глубокому недоверию, существовавшему между сословиями, гибли даже врачи от рук крестьян, которым пытались помочь.

Важна и другая, человеческая связь. Пушкин – ровесник Пугачёву и ровесник императору Петру III Федоровичу, за которого выдавал себя самозванец. Пётр III был человеком незлым и простодушным. За 186 дней своего правления он успел упразднить страшную Тайную канцелярию и издать указ, предусматривавший пожизненную ссылку для помещиков за «тиранское мучение», убийство своих крепостных крестьян. Главным же достижением недолгого царства Петра III стал «Манифест о вольности дворянской». Впервые в российской истории одно из сословий в государстве освобождалось от обязательной службы, получало право выходить в отставку и заниматься собственным хозяйством и семьёй. В народе говорили, что добрый государь следующим манифестом собирался вовсе отменить крепостную неволю, но тут его свергли и убили злые помещики...

Пугачёв был одним из десятков самозванцев, выдававших себя за Петра III. Почему же массы пошли именно за ним? Как, почему Пугачёв стал Петром III? Он – сложившийся, состоявшийся для своей среды, сословия и возраста воин, семьянин. И в одночасье всё меняется, жизнь рушится! Но именно это и делает Пугачёва историческим персонажем, достойным памяти и внимания потомства.

Пушкин тоже мог казаться самозванцем. Он жил не по чину и не по средствам, роскошествуя в долг, в огромной квартире в самой престижной части Санкт-Петербурга. Книжки, которые он покупал, тоже считались в XIX веке предметами роскоши. Он пытался жить литературой, сделать свой талант предметом извлечения прибыли. Не все одобряли подобный образ жизни. Пушкин так и не стал своим в большом свете. Хлестаков из гоголевского «Ревизора» с его: «Литераторов часто вижу. С Пушкиным на дружеской ноге. Бывало, часто говорю ему: “Ну что, брат Пушкин?” – “Да так, брат, – отвечает, бывало, – так как-то всё...” Большой оригинал» – это ведь не только поток сознания мелкого выдумщика, но и

болезненная переоценка кумира со стороны автора бессмертной комедии – кстати, подсказанной Гоголю Пушкиным...

Кризисом среднего возраста называют состояние между 30 и 45 годами человеческой жизни, когда то, о чём мечталось в детстве и юности, кажется безвозвратно потерянным и упущенным, а старость всё явственнее напоминает о себе морщинами, полнотою, редющей шевелюрой, насмешливыми взглядами особ противоположного пола.

Лидия Петровна Никольская, 29 лет, обедавшая с путешествовавшим Пушкиным в Нижнем Новгороде у губернатора, вспоминала потом «молодого человека», которому не была представлена: «По виду ему было более тридцати лет. Он носил баки. Немного смуглое лицо его было оригинально, но некрасиво: большой открытый лоб, длинный нос, полные губы – вообще неправильные черты».

13-летняя Констанция Короткова, встретившая Пушкина в Симбирске, ещё более критична: «господин небольшого роста, в черном фраке, курчавый шатен с бледным или, скорее, мулатским лицом, мне тогда он показался очень некрасивым...»

«Довольно полным господином в дорожной шубе и укутанном шарфом» явил себя Пушкин в Оренбурге кадету Николаю Иванову.

Да, во время своего увлечения Пугачёвым Пушкин тоже переживал этот кризис – эмоциональный, творческий, жизненный. Для Пугачёва всё закончилось плахой и топором – для Пушкина роковым ранением на дуэли с Дантесом («Стрелять за тебя кто будет, Пушкин?» – будто подначил поэт замешкавшегося француза, и тот не промахнулся).

Дитя просвещённого века, Пушкин был паразитически суеверен. Он верил в свою несчастливую звезду. Из какого-то «Брюсова календаря», бросового издания XVIII века, он однажды собственноручно сделал выписку «несчастливых дней» на каждый месяц года. И женился Пушкин в «несчастливый день»: 18 февраля 1831 года. Во время обряда венчания в московской церкви Большого Вознесения у Никитских ворот с 19-летней красавицей Натальей Николаевной Гончаровой упало на пол золотое кольцо поэта и сквозняк потушил венчальную свечу в его руках. Побледневший Пушкин произнёс: «Всё – плохие предзнаменования»...

Но Пушкин, и как Пугачёв, принявший имя Петра III, никогда не сдавался. Он всегда бросал вызов судьбе – наперекор приметам и обстоятельствам.

«Я женюсь, то есть я жертвую независимостью, моею беспечной, прихотливой независимостью, моими роскошными привычками, странствиями без цели, уединением, непостоянством, – написал Александр Сергеевич в автобиографическом прозаическом отрывке. – Я готов удвоить жизнь, и без того неполную. Я никогда не хлопотал о счастье, я мог обойтись без него. Теперь мне нужно на двоих, а где мне взять его?»

Нелёгкий крест супружества Александр Сергеевич пытался нести достойно: четверо детей родилось и выросло в этом браке. Но это был очень тяжёлый крест: светская красавица в расцвете юности и поэт, ощущавший наступление конца.

«Моя косая Мадонна», – называл Александр Сергеевич Наталью Николаевну, вкладывая в эту

фразу неизмеримую бездну чувств, испытываемых им к жене, от иронии до восхищения.

Наталья Николаевна желала жить на широкую ногу – и семья жила в долг. Это было тем более непереносимо, что ситуация выглядела беспросветной. Род Пушкиных был небогат. Маленький чин и отсутствие реального опыта государственной службы не позволяли поэту рассчитывать на чиновную карьеру. А поэтическая слава Пушкина среди современников, увы, меркла. Он становился старше, мудрее, серьёзнее – и его не принимал «массовый читатель», смотревший на литературу как на развлечение.

А тут новые заботы, пополнение в семействе, где 6 июля 1833 года родился второй ребёнок, старший сын Александр (1833–1914), благодаря которому род поэта продолжает существовать доселе. Но тогда, конечно, об этом никто не думал. Пополнение в семействе – новые заботы, новые траты, и поэт ищет, у кого бы занять деньги.

Занять, чтобы потратить в том числе и на доброе дело. 14 июля 1833 года с участием А.С. Пушкина в Санкт-Петербурге был дан обед в честь литературного патриарха, поэта-баснописца, ближайшего сподвижника и друга Н.М. Карамзина, симбирского уроженца Ивана Ивановича Дмитриева (1760–1837). Присутствовавший на обеде министр внутренних дел граф Дмитрий Николаевич Блудов (1785–1864), знакомый Пушкину с юности по литературному обществу «Арзамас», объявил о разрешении императора Николая I на сооружение в Симбирске памятника Н.М. Карамзину. Тут же была открыта подписка. Литераторы и сановники, бывшие на обеде, собрали 4000 рублей на памятник, который был открыт в 1845 году.

Александр Сергеевич считал Николая Михайловича своим литературным предтечей. Издание в 1818 году Карамзиным «Истории государства Российского» совершило революцию в читающей России. «Все, даже светские женщины, бросились читать историю своего отечества, дотоле им неизвестную. Она была для них новым открытием. Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка – Колумбом», – писал А.С. Пушкин.

С конца 1820-х годов, под влиянием творчества знаменитого английского писателя Вальтера Скотта читающая Россия вновь заинтересовалась собственной историей. Писатель Михаил Николаевич Загоскин (1789–1852) в 1829 году опубликовал роман «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году».

Иван Иванович Лажечников (1790–1869) в 1831–1833 годах издал в четырёх частях роман «Последний Новик, или Завоевание Лифляндии в царствование Петра Великого». Наконец главный литературный противник и даже личный враг А.С. Пушкина, зачинатель «жёлтой прессы» в России Фаддей Венедиктович Булгарин (1789–1859) выдал целую серию исторических романов, всякий раз заставлявших искренне негодовать Александра Сергеевича: «Иван Выжигин», «Дмитрий Самозванец», «Петр Иванович Выжигин», «Мазепа». И потому, обращаясь к исторической теме, Пушкин рассчитывал на коммерческий успех. 30 тысяч рублей (жалованье Симбирского гражданского губернатора за десять лет службы) – такой суммой тешил поэт свою

супругу, принимаясь за работу, сулившую продолжительное расставание и немалые накладные расходы. Ведь для того, чтобы написать историю Пугачёва, поэту было необходимо путешествие к местам, где бушевало шестьдесят лет назад пламя Крестьянской войны 1773–1775 годов. Ещё до отъезда, 5 августа 1833, года Александр Сергеевич начал писать художественное вступление к задуманному им историческому роману – будущей «Капитанской дочке».

Пушкин очень любил путешествовать. Он провёл в дороге год и три месяца из тех недолгих тридцати семи лет и семи месяцев жизни, что отвела ему судьба. Он проехал по России около 40 тысяч километров – фактически обогнув земной шар по экватору. Осенний вояж 1833 года стал для него последним большим земным путешествием.

Из столичного Санкт-Петербурга поэт поехал на Урал, в город Оренбург, чьё название переводится с немецкого как крепость на реке Орь. Целью поездки он указал сбор архивных материалов и свидетельств очевидцев для исторического сочинения, посвящённого Крестьянской войне 1773–1775 под предводительством Емельяна Пугачева.

17 августа 1833 года поэт выехал из Петербурга в неблизкий путь. В город на Неве он вернулся только 20 ноября. «Приключения мои начались у Троицкого моста, – писал он жене Наталье Николаевне, – Нева так была высока, что мост стоял дыбом; верёвка была протянута, и полиция не пускала экипажей. Чуть было не воротился я на Черную речку. Однако переправился через Неву выше и выехал из Петербурга. Погода была ужасная. Деревья по Царскосельскому проспекту так и валялись, я насчитал их с пятьдесят. В лужицах была буря. Болота волновались белыми волнами. По счастью, ветер и дождь гнали меня в спину, и я преспокойно высидел все это время».

Путешествовать было очень недёшево и очень непросто. Без особой бумаги-разрешения, которая называлась подорожной, путника просто не выпустили бы за пределы города – выезды перекрывали шлагбаумы, у которых дежурили полицейские солдаты: они проверяли бумаги и открывали путь тому, кому это было разрешено. Без подорожной на почтовых станциях нельзя было получить свежих лошадей в упряжку. За лошадей платили деньги – за каждую лошадь и версту (верста насчитывала 1067 метров). Эти деньги назывались прогонами – 8–10 копеек за версту. Если ехать тройкой (чаще ездили парой), то сумма утраивалась. Впрочем, иногда поэту в 1833 году приходилось ехать даже шестёрнёй – сплошные «дыры» в семейном бюджете!

С лошадьми могли быть задержки. При отсутствии на станции свежих, отдохнувших, лошадей, приходилось ждать, и ожидание могло затянуться на часы, а то и на сутки, когда вдруг неожиданно являлся более важный и богатый путешественник или фельдъегерь, мчавший куда-то с неотлагательными государственными бумагами или везший «во глубину сибирских руд» тайного государственного преступника. Так 12 октября 1827 года Пушкин в последний раз в жизни встретил своего лицейского друга, поэта и декабриста Вильгельма Карловича Кюхельбекера (1798–1846), отправленного в

арестантские роты при Динабургской крепости. Он бросился к другу, поцеловал и обнял его, но сопровождавший арестантов фельдгеръ Подгорный тотчас распорядился отогнать повозку с арестантами на полверсты от станции. Пушкин просил Подгорного передать для Кюхельбекера денег, а когда тот отказал в категоричной форме, стал кричать, угрожая доложить по приезде в Петербург Его императорскому величеству и шефу жандармов генерал-адъютанту Александру Христофоровичу Бенкендорфу «о недопущении с другом и дать ему на дорогу денег».

В уездном городке Лаишеве, припечатанном Пушкиным выражением «город в шлафроке», поэту, ехавшему в Симбирск, предложили часов пять «обождать» лошадей, на что возмущённый Александр Сергеевич разразился известной эпиграммой:

*Я Пушкин, но не Мусин!
В стихах весьма искусен
И крайне невоздержан,
Когда в пути задержан!..*

Официально рекомендуемая средняя скорость путешествия в осеннее время составляла восемь вёрст в час (летом – 10, зимой – 12). В сутки, при непрерывной езде и своевременной подаче лошадей на почтовых станциях, располагавшихся на расстоянии 18–25 вёрст одна от другой, можно было запросто проехать до сотни вёрст (зимой – все 200!). И это считалось быстро! Особенно иностранцы, путешествовавшие по России, трепетали от ухадей-ямщиков. Ну а качество российских дорог не раз воспевала муза Александра Сергеевича:

*Теперь у нас дороги плохи,
Мосты забытые гниют,
На станциях клопы да блохи
Заснуть минуты не дают...*

И дальше – про голод, про поломки в пути, когда сельские кузнецы кое-как ремонтировали не выдержавшие на русских ухабах рессоры экипажей.

Своё путешествие 1833 года Пушкин совершал на отечественном тарантасе – одном из самых распространённых видов конных экипажей, «длинной четырёхколёсной телеге, у которой обе грядки соединены только сверху рядом тонких, упругих жердей. Для прикрытия седоков устраивалась кибитка из кожи, грубой ткани или просто из рогожи, натянутой в виде полуцилиндра на дуги из прутьев». Тарантас был прочен и прост, надёжен в дороге, а конструкция обеспечивала достаточную амортизацию на бесконечных российских ухабах и выбоинах.

Большой проблемой в многодневных поездках было питание. После возвращения Александра Сергеевича из вояжа 1833 года его отец Сергей Львович Пушкин (1770–1848) отмечал, что сын похудел. Только на оживлённой трассе между Москвой и Петербургом успела сложиться «инфраструктура» трактиров и гостиниц, в которых можно было без особого опасения покушать. В глубинке эта система ещё только развивалась. Трактиры были редки, питание дорогое и низкого качества. Путешественники, как правило, запасались провизией, но это спасало в двух-трёхдневных вояжах: без холодильников и «химии» пища скоро портилась. А Пушкин был поразительно легкомыслен в том, что касалось подготовки к дороге, особенно к запасу провианта.

Один случайный попутчик осенью 1833 года вспомнил голодного Пушкина, пытавшегося на маленькой станции что-то добыть у хладнокровной хозяйки, хотя бы щей да каши, а та отговаривалась постным днём, что ничего не готовили. Раздосадованный поэт вслух ворчал сам с собою: «Вот я всегда бываю так наказан, черт возьми! Сколько раз давал себе слово запастись в дорогу какой-нибудь провизией и вечно забывал, и голодал, и голодаю, как собака!»

Так что обеды, которые устраивали в честь поэта почитатели его таланта в Нижнем Новгороде, в Казани, в Симбирске и в других городах, были редкой возможностью хорошо покушать и скрасить дорожные тяготы.

К числу тягот добавлялись неизменные пыль и грязь, невозможность соблюдать в пути многие естественные требования гигиены. Банный дух становился для поэта самым желанным ароматом, и ради бани после многих часов надоедливой езды он готов был запросто разоблачиться даже в обществе малознакомых людей.

«Он стоял перед трюмо, – описывал свою «незабвенную» встречу с поэтом 18 сентября 1833 года кадет Оренбургского кадетского корпуса Н.П. Иванов, – правую рукою расправляя кудрявые волосы, а левой прикрываясь, так как был уже совершенно раздет. На это директор корпуса Артюхов заметил, смеясь: «А видел ли ты, Александр Сергеевич, своё сходство с Венерою Медицейской?» Последний взглянул в зеркало, как бы для проверки сходства, и отвечал: «Да, правда твоя. Только ты должен вообразить её степенство, когда она была на второй половине своего интересного положения».

Обязательный спутник в дороге – казённый ямщик или собственный кучер. Он же служил и телохранителем на небезопасной большой дороге, где очень часто пошаливали грабители. Кучера были физически очень крепкими людьми. Взятая за гуж – не говори, что не дуж! Эта пословица пришла из кучерского быта: гужами назывались кожаные ремни, которыми крепился хомут. Чтобы затянуть их, требовалась не только сноровка, но и немалая сила.

Пушкин, судя по всему, пользовался услугами сменных казённых ямщиков – они, как и лошади, менялись на каждой станции. В небезопасной дороге поэт всегда надеялся в первую очередь на себя. Констанция Короткова, с которой Пушкин вальсировал в Симбирске в губернаторском доме, сохранила красноречивую деталь: поэт достал из кармана пистолет и положил его на подоконник, прежде чем пуститься в пляс.

От Москвы до Симбирска Пушкин добирался 12 дней с двумя большими остановками: в Нижнем Новгороде и Казани. В июле 1774 года Пугачёв взял Казань, устоял только Кремль – а потом был наголову разгромлен правительственными частями. «Пугачёв бежал, но бегство его казалось нашествием».

Именно в это время восставшие ворвались в пределы будущего, с 1780 года, Симбирского наместничества – Симбирской губернии (с 1796 года). «20 июля, – писал Александр Сергеевич, – Пугачёв под Курмышем переправился вплавь через Суру. Дворяне и чиновники бежали. Чернь встретила его на берегу с образами и хлебом. Ей прочтен

возмутительный манифест. Инвалидная команда приведена была к Пугачеву. Майор Юрлов, начальник оной, и унтер-офицер, коего имя, к сожалению, не сохранилось, одни не захотели присягнуть и в глаза обличали самозванца. Их повесили и мертвых били нагайками. Вдова Юрлова спасена была ее дворовыми людьми. Пугачев велел раздать чувашам казенное вино; повесил несколько дворян, приведенных к нему крестьянами их». Казаки ворвались в соборную церковь, «где иконы кололи и утварь церковную раздирали».

23 июля 1774 года Пугачёв без боя вошёл в город Алатырь. Здесь его ожидала поистине царская встреча: с хлебом-солью, под колокольный перезвон. За два дня царствования «государь анператор» безденежно раздал горожанам по два фунта соли, казнил через повешение более двадцати окрестных помещиков и членов их семей и приказал вылить в Суру все запасы обнаруженного в городе «горячего вина» – из-за опасения пьянства среди казаков. Рассыпавшимися по уезду отрядами пугачёвцев был захвачен расположенный недалеко от уездного города большой винокурный завод. На нём пытались найти убежище большое количество местных жителей, дворян и помещиков по преимуществу. На винокурном заводе пугачёвцы учинили резню, стоившую жизни более чем полсотни человек, в том числе стариков, женщин и детей. Этот эпизод стал одним из самых бессмысленно кровавых в истории Крестьянской войны 1773–1775 годов.

Реальная опасность нападения пугачёвцев нависла над Симбирском... Но Пугачёв свернул от Алатыря на запад, к Ядрину и Пензе.

Пушкин не стал заезжать за Пугачёвым в Курмыш и Алатырь. Здесь история Крестьянской войны стремительно катилась к своему финалу, а поэт хотел оказаться там, где всё начиналось и разворачивалось во всей своей пугающей силой: на Урал, в оренбургские степи. И потому поехал прямо в Симбирск, который Пугачёв словно проигнорировал. Но симбиряне были уверены, что это была победа, за которую город в 1780 году даже был пожалован своим особым гербом, не похожим ни на какой другой в России. Белая колонна – символ симбирской дворянской стойкости и чести – подпирала золотую корону российской государственности. Герб воспринимался как признание ратных заслуг.

Но в чём заслуга? А вот в чём. Пугачёв здраво просчитал неудачу предстоящей атаки. С северо-западной стороны, если брать от Алатыря, город защищали мощные естественные рубежи: река Свияга, река Симбирка, глубокие овраги. Город надо было обходить по широкой дуге и атаковать с юга, как это потом успешно делали и белые, и красные во время Гражданской войны в 1918 году. Но у Пугачёва на манёвры не было времени. На «плечах» у восставших сидел неутомимый подполковник Иван Иванович Михельсон, гнавший их от самой Казани и неизменно выходявший победителем из всякой схватки с пугачёвцами. Михельсон вошёл бы в город скорее, чем казаки смогли бы его атаковать. Пугачёв не рискнул идти на Симбирск, и битва была проиграна, ещё не начавшись.

Уже после решающего разгрома пугачёвцев 25 августа 1774 года в битве у Чёрного Яра 27 августа 1774 года в бою у Уренского городка погиб симбирский комендант, полковник Андрей Петрович Рычков (1740–1774), сын первого члена-корреспондента Петербургской академии наук Петра Ивановича Рычкова (1712–1777). Полковник А.П. Рычков выступил навстречу одному из отрядов пугачёвцев, под командой «полковника» Фирса Иванова, или Фирски, из мордовских крестьян. Его команда состояла из 400 солдат при одном орудии, и господин комендант был уверен, что он легко разгромит «скопище» Фирски числом в семь сотен человек. А.П. Рычков даже взял с собою 16-летнего сына Афанасия, уже приписанного к армии, чтобы показать ему настоящий бой.

Но на месте воинская команда почти в полном составе перекинулась на сторону повстанцев, и Андрей Петрович только что успел приказать сыну мчаться обратно в город – не как отец, но как командир. Изрубленные саблями тела А.П. Рычкова и двух десятков сохранивших верность присяге солдат были брошены без погребения на поле короткого боя... Что бы случилось с войском и горожанами, подойди Пугачёв к Симбирску, не знает никто. Но – не случилось.

И потому Симбирск истинным победителем встречал 1 октября 1774 года пленённого Пугачёва. Его привезли к квартире главнокомандующего генерал-аншефа, кавалера ордена Св. Георгия 1-й степени (за всю историю с 1769 по 1917 год им было награждено всего 25 человек) Петра Ивановича Панина (1721–1789) в Верхне-Чебоксаровской улице, против симбирского Спасского женского монастыря.

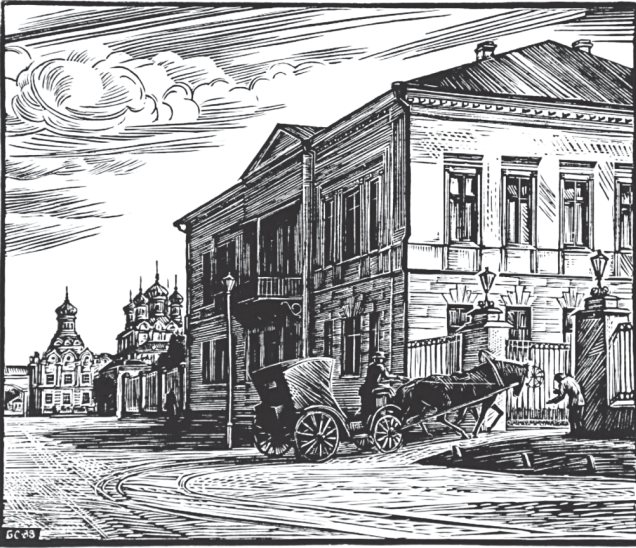
Пушкин наверняка слышал легенду про симбирский герб. Героя его «Капитанской дочки», молодого симбирского дворянина, зовут Пётр Андреевич Гринёв – и его дедушка тоже Пётр Гринёв. А Пётр по-гречески значит камень, скала – твёрдое основание, что зиждется на твёрдом отцовском завете: «Береги платье снову, а честь – смолоду».

По пути Пушкин старался не упустить никакой информации о пугачёвщине. Память о ней цепко жила в сознании местного населения: «Пугачёв ехал мимо копны сена – собачка бросилась на него – он велел разбросать сено. Нашли двух барышень, коих, подумав, велел повесить. Слышал от смотрителя за Чебоксарами». Историю о майоре Юрлове и его жене поэт слышал от старухи, жены последней, «жившей милостынею». Пугачёвское разорение отзывалось и 60 лет спустя после печальных событий...

Пушкин выехал из Казани ранним утром 8 сентября 1833 года и провёл в дороге, с неизбежными остановками на перемену лошадей, почти полтора суток. Он приехал в Симбирск вечером 9 сентября, ещё засветло – время достаточное, чтобы устроиться в гостинице и нанести визит симбирскому губернатору, действительному статскому советнику Александру Михайловичу Загряжскому (1798–1883). Он по-настоящему торопился в Симбирск девятого, ибо 10 сентября – «несчастливый день» в его списке.

А.М. Загряжский приходился родственником Наталье Николаевне, и здесь поэта ожидало письмо

Б.Н. Склярук. Дом Языковых. Линогравюра

от супруги, единственное за всё путешествие, ибо остановки поэта были кратки, а письма шли долго.

Александр Сергеевич, конечно, ещё не мог знать, что десять лет спустя, в 1843 году, его родной брат Лев Сергеевич Пушкин (1805–1852) сочетается браком с дочерью А.М. Загряжского Елизаветой Александровной (1823–1898). Кстати, в тот же вечер поэт познакомился со своей будущей невесткой, которой было от роду всего десять лет. Вместе с упомянутой выше Констанцией Коротковой дочка Загряжского в губернаторском доме брала урок танцев – и Пушкин протанцевал с барышнями по несколько туров вальса, который наигрывали две скрипки, сопровождавшие урок.

На другой день поэт закрепил знакомство с родственником-губернатором, обедая у него. Они были почти сверстники, но внешне Александр Михайлович преуспел в этой жизни гораздо больше Александра Сергеевича. Четырнадцатилетним подростком, ординарцем легендарного командира 27-й пехотной дивизии Д.П. Неверовского (в эту дивизию входил 24-й Симбирский пехотный полк), он участвовал в Отечественной войне 1812 года, был за отличие удостоен офицерского чина прапорщика и переведён в гвардию.

Потом он отличился «особенными трудами» при подготовке коронации императора Николая I в Москве осенью 1826 года, был награждён орденом святой Анны 2-й степени. Он служил чиновником для особых поручений при министре внутренних дел графе Арсение Андреевиче Закревском (1786–1865). С августа 1831 года статский советник, штатский полковник А.М. Загряжский служил гражданским губернатором в Симбирске. «Он был очень недурён собой, образован для гостиницы, имел кроткую жену, малолетнюю дочь и любил хвастаться победами над женщинами», – характеризовал А.М. Загряжского в мемуарах симбирский жандармский штаб-офицер Эразм Иванович Стогов (1797–1880), дедушка поэтессы Анны Ахматовой.

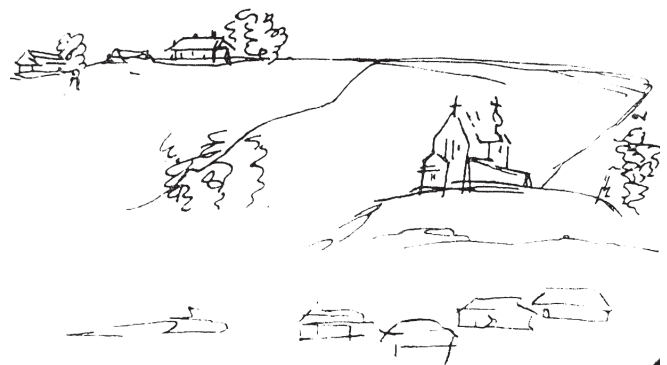
Александр Сергеевич с удовольствием обедал у Александра Михайловича, общество родственника ему было вполне симпатично. Можно было бы, наверное, злоупотребить родственными чувствами и

погостить в губернаторском доме. Но Пушкин, приехав в Симбирск, первоначально поселился в гостинице. Он делал это и в Нижнем Новгороде, и в Казани, где жил его друг, замечательный поэт Евгений Абрамович Боратынский (1800–1844). Их соединяли общие взгляды на жизнь и искусство и даже общее увлечение светской красавицей графиней Аграфеной Фёдоровной Закревской (1799–1879), женой того самого министра графа А.А. Закревского, внучкой симбирского купца Ивана Семёновича Мясникова (ок. 1710–1780), одного из богатейших людей России в XVIII столетии.

Запросто воспользоваться родством или дружбой мешали светские ритуалы. Семейному человеку, каким был Пушкин, считалось неприличным, путешествуя без семьи, останавливаться дома у людей семейных, будь то Е.А. Боратынский или А.М. Загряжский. Кроме того, губернаторский дом – это не просто место квартирования конкретного начальника, это официальная резиденция, «дворец», в котором по статусу останавливались императоры, великие князья и члены императорской фамилии. В Российской империи гений, увы, был не равновелик членам императорской фамилии.

Зато непосредственные впечатления поэта от симбирского гостиничного быта, от «проклятого трактира» нашли своё выражение в лапидарных строках «Капитанской дочки», писанных от лица литературного героя Петруши Гринёва: «В ту же ночь приехал я в Симбирск, где должен был пробыть сутки для закупки нужных вещей, что и было поручено Савельичу. Я остановился в трактире. Савельич с утра отправился по лавкам. Соскуча глядеть из окна на грязный переулок, я пошёл бродить по всем комнатам. Вошёл в бильярдную, увидел я высокого барина лет тридцати пяти, с длинными чёрными усами, в халате, с кием в руках и с трубкой в зубах». С новым знакомцем, гусарским ротмистром Зуриным, он постигает науку игры в бильярд, распития пунша. Гринёв ездит с Зуриным к некоей Аринушке. Он не видит ни пейзажей, ни зданий, ни жителей. Город не вдохновляет литературного героя: «С неспокойной совестью и безмолвным раскаянием выехал я из Симбирска»...

Записная книжка и рисунок Пушкина фиксируют два симбирских адреса: дом Пустынникова и дом Карамзина. Пустынников – это тот же самый Иван Семёнович Мясников, дедушка «медной Венеры» и «беззаконной кометы» А.Ф. Закревской, один из богатейших людей в Российской империи

Рисунок А.С. Пушкина с видом на дом В. Карамзина

в эпоху правления Екатерины II. Двойная фамилия или прозвище – свидетельство старообрядческих симпатий этого человека. В симбирском доме И.С. Мясникова-Пустынникова гостила в июне 1767 года императрица Екатерина II. В том же доме под караулом содержался в октябре 1774 года Пугачёв, претендовавший, чтобы считаться её «мужем».

Роковым для самозваного Петра III стало решение жениться на 17-летней казачке Устинье Кузнецовой в феврале 1774 года. Емельян Иванович состоял в законном браке: законная жена и дети будто бы отдавшего жизнь за «анператора» казака Емельяна Пугачёва сопровождали его в царском обозе. По праву победителя и «царственной особы» он широко злоупотреблял вниманием особ противоположного пола, так или иначе оказывавшихся в его власти. Но одно дело – излишества, другое – мезальянс с «мужичкой», да при живой жене! Как бы Пугачёв ни уверял соратников, что Екатерина II ему больше не жена после всех тех злодейств, что совершила против него, казаки негодовали: «царь» должен жениться или на принцессе, или на генеральше. А коли на казачке женится царь, так царь ненастоящий!

Кстати, и сам Александр Сергеевич наверняка прибыл 9 сентября 1833 года прямо к бывшему дому Пустынникова, ведь здесь теперь располагался Симбирский почтамт (был уничтожен пожаром 1864 года), а поэт ехал на почтовых лошадях. И отсюда же он уезжал потом из Симбирска. Считается, что это был первый каменный дом гражданской архитектуры в городе. Если считать «первый» указанием на качество, а не на хронологию, возможно, так оно и было. Двухэтажный, с дополнительным мансардным и цокольным этажами, с колоннадой и портиком по главному фасаду, он был настоящим дворцом.

Дом Пустынникова стал центром администрации генерал-фельмаршала графа Петра Ивановича Панина, руководившего как военными операциями, так и всей административно-хозяйственной жизнью на территориях, переживших драму Крестьянской войны. Потомки любят «загонять» пленного Пугачёва в Симбирске в подвал. На самом деле арестованный в подвале не содержался. В подвале легко оставить здоровье, заболеть, потерять физическую форму, а государству был нужен живой и здоровый Емельян Пугачёв. С пленным Пугачёвым обращались максимально бережно и даже вежливо – он становился важнейшим элементом пропагандистской кампании, саморазоблачением самозваного «анператора». Его перевозили и содержали на людях, в открытой тесной клетке, в которой он не мог встать в полный рост. Согбенная поза и нарочито подобранная «мужичья» одежда подчёркивали «подлое» происхождение самозванца. Его хорошо кормили «мужичьим» меню, при этом не давая пользоваться ложкой – еда при помощи рук и всасывания пищи тоже расчётливо унижала. Пугачёв находился под неусыпным контролем значительного числа офицеров, что следили не только за пленником, но и друг за другом, предупреждая возможный сговор и бегство Пугача.

День 10 сентября 1833 года действительно оказался для Александра Сергеевича вполне несчастливым днём. Пушкин по-настоящему желал бы

увидеть в Симбирске своего современника, единомышленника и друга поэта Николая Михайловича Языкова (1803–1846) – своего поэтического героя, чьё имя прямо прописано с строфах поэмы «Евгений Онегин»:

*Так ты, Языков вдохновенный,
В порывах сердца своего,
Поёшь бог ведает кого,
И свод элегий драгоценный
Представит некогда тебе
Всю повесть о твоей судьбе.*

Пушкин серьёзно считал Языкова своим преемником на поэтическом Олимпе, наследником, что однажды займёт его место, которое добровольно уступил ему однажды Василий Андреевич Жуковский (1783–1852), поднеся свой собственный портрет с лаконичной надписью: «Победителю ученику от побежденного учителя». Истинный гений всегда бескорыстен, а Пушкин был настоящим гением. И, кажется, отправляясь в Симбирск, Пушкин ещё и по-человечески завидовал Николаю Михайловичу. В 1833 году увидел свет первый сборник стихотворений Н.М. Языкова, и в этом же году «вечный студент» Языков вырвался из суевы излишеств богемной жизни и уехал в провинцию, в деревню. Он наслаждался, по собственным словам, «поэтической ленью», делал то, что нравится, а не то, что должен.

Отыскать дом Языковых в Симбирске на Спасской улице нетрудно – Пушкин должен был проезжать мимо него накануне, но в нём нет Николая Михайловича. Где же он? Оказывается, в деревне. Шестьдесят вёрст...

Туда и обратно – почти сутки дороги! Но Пушкин едет! Дружба – это не только слова. Дружба – это усилия, что мы готовы предпринять ради наших друзей.

11 сентября Пушкин выехал в Языково. День прошёл в пути, к вечеру показалась барская усадьба – всё ближе и ближе. На балконе – фигура барина. Неужто Николай Михайлович?! Нет, это не он!

Гостеприимный хозяин, внешне похожий на поэта Языкова, спешит навстречу гостю, изумляясь, радуясь и переживая, что брата нет. Это был Пётр Михайлович Языков (1798–1851), старший из братьев Языковых. Николай Михайлович вместе с средним братом Александром Михайловичем (1799–1874), с которым Пушкин был лично знаком с 1827 года, отбыл в гости к сестре Прасковье Михайловне Бестужевой (1807–1862), жившей в замужестве в Сызранском уезде, в фольклорную экспедицию, записывать русские песни, сказки и тосты – как же без них! Они должны были вернуться со дня на день, но пока ещё не возвращались.

То, что поначалу показалось досадой и огорчением, в итоге принесло Пушкину великую радость. Пётр Языков был разнообразно талантливым человеком. Он окончил Горный кадетский корпус в Санкт-Петербурге, но вынужден был заняться делами имения, впрочем, до конца жизни искренне интересуясь геологией и палеонтологией, собирая коллекции, публикуя научные работы. Его интересовали также история, фольклор. Пушкин нашёл в Петре Михайловиче замечательного собеседника и писал жене, что готов полюбить его, как Петра Александровича Плетнёва (1791–1866) или

Павла Воиновича Нащокина (1801–1854), своих самых близких, самых надёжных и добрых друзей.

События Крестьянской войны 1773–1775 годов не обошли стороной семьи Языковых. В официальном списке погибших от рук восставших в Симбирском уезде значатся убитыми до смерти: «полковница, вдова Марья Теплова, помещица, вдова Домна Пospelова, сестра её... Ульяна Александрова, подпоручик Иван Манахтин, майор Василий Аристов с дочерью девицею, помещицы, вдовы Прасковья и Анна, Петровы дочери, Насакины, Симбирского батальона полковник и комендант Андрей Рычков; экономический казначей, поручик Тишин с женою и два малолетних сына, экономический крестьянин Александр Васильев, подполковник Василий Языков, майор Александр Родионов, ... приказчик Василий Ерофеев, ... приказчик Тимофей Михайлов, фабриканта Воронцова формовальщик Алексей Адрианов».

Пётр Михайлович сделал Александру Сергеевичу истинно «царский» подарок – рукописный дневник П.И. Рычкова, главного правителя оренбургских соляных дел, замечательного учёного, географа, историка и краеведа. Он вёл дневник во время пугачёвской осады Оренбурга. «Осада Оренбурга (летопись Рычкова)» составила основу «Приложений к истории Пугачевского бунта». В 1838 году они были изданы в качестве VI тома «Сочинений Александра Пушкина».

На страницах дневника П.И. Рычков описал свою личную встречу с пленным Пугачёвым в Симбирске в октябре 1774 года:

«Вошед к нему в такое время, когда он сидел и ел щербу (уху), налитую на деревянное блюдо, первое его слово было ко мне: «Добро пожаловать» с просьбою – с ним обедать, а сие он не только удвоил, но и утrophил. Я, из сего познав подлый дух и помолчав немного, стал ему говорить: как он отважиться мог на такие злодейства и дерзости? На сие он отвечивал, что виноват пред Богом и Ее Величеством и будет стараться всё оное заслуживать, что он по своей подлости и божбою неоднократно подтверждал. После того спросил он у меня, кто я? – и как я ему отвечал о моём звании, в ответ сказав притом, что я от него и от его сообщников совсем разорён, а тягчее всего, что лишился моего сына, бывшего в Симбирске комендантом и полковником, который убит недавно под пригородом на сражении с его сообщниками, то он отвечивал на сие, якобы всё то сделано без его ведома, ибо де сообщники его, что ни похотели, то не спрашиваясь его, сами делали. А как я, выговоря об моём покойном сыне, смутился и от слёз удержаться не мог, тогда якобы и он, Пугачёв, как-то бывшие со мною штаб- и обер-офицеры уверяли, заплакал же: но сие было в нём от его великого притворства, к которому, как от многих слышно было, так он приучился, что, когда бы ни захотел, мог действительно плакать. Впрочем, из лица и речи его, Пузачёва, приметно было, что он самый изверг природы и ко всякому злему предприятию склонный человек; глаза у него чрезвычайно быстры, волосы и борода чёрные, росту небольшого, но широк в плечах и весьма скор в поворотах к воинским делам по казацким обыкновениям, и при многих случаях оказывал он великую склонность и пророчность».

Трудно ждать полной объективности и сочувствия от заинтересованного лица – от отца, оплакавшего сына, погибшего в неравном бою. Пётр Иванович Рычков приехал, чтобы перевезти на родину его бранные останки. Но он историк и смог сохранить те подробности, из которых складывается подлинный облик Емельяна Ивановича. Мы видим человека, даже в плену сохраняющего чувство собственного достоинства, человека контактного и открытого, способного разделить чужое горе, а не равнодушно и даже злорадствующего над ним – человека мужественного, умного и привлекательного своей силой и ловкостью.

И, кажется, Пугачёв чем-то внешне напоминает Пушкина: невысокий рост, чёрные волосы, быстрые глаза! Каждый художник, рисуя кого-то, рисует не много свой автопортрет – каждый писатель влагает частицу себя в своего литературного героя!

Великий русский художник Илья Ефимович Репин точно выразился, характеризуя последний прижизненный портрет поэта, исполненный в роковом 1837 году жившим и работавшим в России английским художником Томасом Райтом (1792–1849): «Обратите внимание, что в наружности Пушкина отметил англичанин. Голова общественного человека, лоб мыслителя, государственный ум».

В симбирском заточении писались портреты Пугачёва. Их рисовал некий местный художник-иконописец. Рисовал много, ибо «бунтовщик и обманщик Емелька Пугачев» пользовался повышенным вниманием и спросом у местных дворян и господ офицеров. Художник был не очень искусным, но явно небесталанным, создал образ человека умного, волевого, решительного, не сломленного неудачами и пленом, человека сильного и готового принять свою судьбу. И это ощущение роднит оба портрета. В них нет трагичности, надлома, ощущения скорой смерти – есть ощущение вечности.

«Я путешествую, кажется, с пользою, – писал Пушкин жене из Языково рано утром 12 сентября 1833 года, – но ещё не на месте и ничего не написал. И сплю и вижу приехать в Болдино и там запереться».

День 12 сентября был посвящён обратной поездке из Языково в Симбирск. Поэт собирался отобедать у губернатора А.М. Загрязского и выехать в сторону Оренбурга. И дальше – начинается загадка.

«Опять я в Симбирске, – пишет Пушкин жене 14 сентября 1833 года. – Третьего дня, выехав ночью, отправился я к Оренбургу. Только выехал на большую дорогу, заяц перебежал мне её. Чорт его побери, дорого бы дал я, чтобы его затравить. На третьей станции стали закладывать мне лошадей – гляжу, нет ямщиков – один слеп, другой пьян и спрятался. Пошумев изо всей мочи, решил я возвратиться и ехать другой дорогой... Повезли меня обратно – я заснул – просыпаюсь утром – что же? Не отъехал я пяти вёрст. Гора – лошади не взвезут – около меня человек 20 мужиков. Чорт знает как Бог помог – наконец взехали мы, и я воротился в Симбирск. Дорого бы дал я, чтоб быть борзой собакой; уж этого зайца я бы отыскал. Теперь еду опять другим трактом. Авось без приключений».

Эмоционально и ярко – и оттого, кажется, не вполне убедительно. Кажется, что Пушкин, как это

говорится, литературно мистифицировал Наталью Николаевну, желая объяснить через вмешательство внешних обстоятельств ревновавшей его красавице-жене дальнейшую задержку в Симбирске.

Да, Пушкин был очень, очень суеверен. Лев Николаевич Павлищев (1834–1915), племянник и биограф поэта, со слов близких родственников писал о своём гениальном дяде: «Многим покажется очень странным, что Пушкин при всём своём умственном развитии... придавал подобные значения и февральским дням, и встрече с попами и зайцами. Он также терпеть не мог подавать или принимать от знакомых руку, особенно левую, через порог, не выносил ни числа тринадцати за столом, ни просыпанной на стол соли, ни подачи ему за столом ножа. Почешется у него правый глаз – ожидает он в течение суток неприятностей. Встретит ли, выйдя из дома, похороны, говорит: «Слава Богу! Будет удача». Если же, находясь в пути, увидит месяц от себя не с правой, а с левой стороны, – призадумается и непременно прочтёт про себя Отче наш да три раза перекрестится».

Владимир Иванович Даль, замечательный русский врач, фольклорист и лексикограф, автор «Толкового словаря живого великорусского языка», с которым поэт встречался во время путешествия 1833 года, свидетельствовал: «Пушкин говаривал о приметах, которые никогда его не обманывали, и, угадывая глубоким чувством какую-то таинственную, непостижимую для ума связь между разнородными предметами и явлениями».

Но репутация, сложившееся мнение о человеке способно играть ему на руку и позволяет незаметно лукавить. Был ли Пушкин суеверен? Да! Мог ли вернуться из-за зайца обратно? Конечно! И так история становится анекдотом, психологически возможным происшествием.

Пушкин будто бы вернулся с дороги в Симбирск. Но возвращаться, гласит суеверие, плохая примета! Напугавшись зайца, надо было искать других, окольных путей, а здесь Пушкин как ни в чём не бывало проводит в Симбирске почти два дня и не торопится отправиться в дальнейший путь.

Сочинитель – на то он и сочинитель, чтобы уметь присочинить... «Синим чулком», «сорокалетней несносной бабой с вощёными зубами и ногтями в грязи» характеризует поэт в письме к жене из Симбирска поэтессу Александру Андреевну Фукс (1805–1853), жену профессора Казанского университета Карла Федоровича Фукса (1776–1846), с которой он познакомился в Казани. На имеющемся портрете (пусть даже портреты и льстят!) мы видим хошенькую молодую женщину.

И даже не внешностью, а умом и поэтическим дарованием Александр Фукс восхищались поэты Николай Языков и Евгений Боратынский. «Люта, как преисподняя, ревность», – читаем мы в библейской Песне Песней царя Соломона, большого любителя и знатока противоположного пола. Ревность – чувство иррациональное. Поэтому приходится или молчать, или присочинять некоторые вещи. Тем более что Пушкин очень хотел дожидаться, увидеть Н.М. Языкова. А ещё у поэта в Симбирске было одно деликатное поручение.

Да, поэт постоянно подавал поводы к ревности, позволяя себе увлекаться – по привычке ли,

из поэтического чувства. «Посредственная красота и посредственный ум других женщин не перестанет кружить поэтическую голову ея мужа», – писала Софья Николаевна Карамзина (1802–1856), старшая дочь историографа и добрая знакомая Пушкина, описывая те «мучения ревности», от которых часто преискренне страдала Наталья Николаевна. Но Пушкин тоже был искренен, и его увлечения выливались в блестящие стихи:

*Нет, нет, не должен я, не смею, не могу
Волнениям любви безумно предаваться;
Спокойствие мое я строго берегу
И сердцу не даю пылать и забываться;
Нет, полно мне любить; но почему ж порой
Не погружуся я в минутное мечтанье,
Когда нечаянно пройдет передо мной
Младое, чистое, небесное созданье,
Пройдет и скроется?.. Ужель не можно мне,
Любуясь девой в печальном сладострастье,
Глазами следовать за ней и в тишине
Благословлять ее на радость и на счастье...*

Эти проникновенные строки написаны поэтом на втором году супружества и посвящены юной графине Надежде Львовне Соллогуб (1815–1903).

Ко времени путешествия 1833 года Александр Сергеевич сблизился с писателем князем Владимиром Фёдоровичем Одоевским (1804–1869), «русским Фаустом», знатоком музыкальной гармонии, поклонником химии и оккультизма, своеобразным зачинателем в России жанра научной фантастики и литературной утопии. При жизни князь В.Ф. Одоевский слыл за чудака и теперь незаслуженно подзабыт – все помнят разве что детскую сказку «Городок», но современная критика сходится на том, что именно он предсказал интернет и социальные сети.

С князем В.Ф. Одоевским и Н.В. Гоголем А.С. Пушкин вынашивал планы издания литературного альманаха «Тройчатка». Князь Владимир Фёдорович, один из самых титулованных людей в Российской империи, очень рано лишился отца. Его мать, бывшая крепостная крестьянка Екатерина Алексеевна, вышла второй раз замуж за Павла Дмитриевича Сеченова, военного и полицейского офицера, который в 1830-е годы служил начальником полиции в Саранске, а после – городничим в разных городах Симбирской губернии, Ставрополья-Волге, Буинске, Самаре – и послужил прототипом городничего Сквозник-Дмухановского для бессмертной гоголевской комедии «Ревизор».

Замужество это было не очень счастливым, и Екатерина Алексеевна «терпела от мужа неверность». При содействии П.Д. Сеченова бежала из родительского дома в Саранске 22-летняя девушка Варвара Ивановна Кравкова. Родители подали на городничего в суд. Сам П.Д. Сеченов уверял, что экспансивная барышня всего лишь хотела при его содействии поступить в симбирский Спасский монастырь, против чего возражали её домашние. Девушка даже угрожала покончить жизнь самоубийством.

Как бы там ни было, но история с пикантным оттенком дошла до Санкт-Петербурга и очень встревожила князя В.Ф. Одоевского, к авторитету которого в симбирских присутственных местах постоянно апеллировал отчим П.Д. Сеченов.

Владимир Фёдорович опасался, что слухи вокруг этой истории бросят тень на его имя, и поручил Пушкину, когда тот будет в Симбирске, разобраться в происходящем.

Пушкин навестил В.И. Кравкову в Спасском женском монастыре. Для этого, кстати, совсем не обязательно входить в монастырскую келию. В.И. Кравкова могла вполне вольно проживать в одном из принадлежавших монастырю зданий, что выходило на Дворцовую улицу и сдавались внаём под жильё и торговлю.

«Будучи в Симбирске, видел я скромную отшельницу, о которой мы с Вами говорили перед моим отъездом. Недурна. Кажется, губернатор гораздо усерднее покровительствует ей, нежели губернаторша. Вот всё, что мог я заметить. Дело её, кажется, кончено», – написал потом Пушкин князю В.Ф. Одоевскому. Наталье Николаевне в любом случае пришлось бы не по нраву весть об общении мужа с эксцентричной молодой особой. И тогда поэт свалил всё на зайца.

Литературный герой Петруша Гринёв дарит литературному Пугачёву заячий тулупчик – и тем спасает свою жизнь и жизни близких ему людей, и честь дворянина. Так что встретиться с зайцами, тем более изделиями из заячьего меха, может означать большое счастье – счастье, которое дарит человеческое милосердие.

А вот между Пушкиным и князем В.Ф. Одоевским после этой истории, кажется, по-настоящему пробежал симбирский заяц. Планы по изданию альманаха «Тройчатка» расстроились, и поэт не раз публично высказывался с сарказмом о литературном таланте и произведениях первого русского фантаста. Однажды князь заметил, как непросто пишутся фантастические сказки. «Если оно так трудно, зачем же он их пишет? – сказал на это Пушкин. – Фантастические сказки только тогда и хороши, когда писать их нетрудно».

Однако Симбирск готовил Пушкину-историографу и более приятные встречи – например, с пугачёвским фореитором, престарелым дворянином Шуваловым (ок. 1750 – после 1833). Фореитором назывался помощник кучера, сидящий на одной из передних лошадей, запряжённых в повозку цугом, как правило, четвёркой или шестёркой, попарно в ряд. Часто это были мальчишки-подростки. Взрослый фореитор казался фигурой комичной, и именно таким увековечен Пушкиным в «Евгении Онегине»:

На кляче тощей и косматой

Сидит фореитор бородатый...

Пугачёв сохранил Шувалову жизнь «для смеху», оставил жить, чтобы ещё сильнее унижить. Самым страшным в Крестьянской войне, как и во всякой гражданской войне, был элемент взаимного унижения. Пугачёв вешал пленных дворян – казнь эта считалась особенно унижительной; «своим»: казакам, крестьянам, солдатам – с «почётом» рубили головы. Немилосердие и жестокость – вот что губит самозванца, являя лживость его поползновений. Власть императрицы Екатерины II оказывается легитимной именно потому, что может подняться до милосердия там, где имеет право быть немилосердной. В симбирских пределах Пушкин услышал трагическую историю российского академика

Георга Морица Ловица (1722–1774), казнённого повстанцами 24 августа 1774 года: «Пугачёв бежал по берегу Волги. Тут он встретил астронома Ловица и спросил, что он за человек. Услышав, что Ловиц наблюдал течение светил небесных, Пугачёв велел его повесить поближе к звездам». На другой день самозванец был наголову разбит в сражении у Чёрного Яра...

Видимо, братья Языковы обещали вернуться из своей фольклорной экспедиции к празднику Воздвижения Креста Господня, дню 14 сентября 1833 года. Этот день считался нерабочим, неприступным днём. Но в Симбирск приехал только Александр Михайлович, а Николай решил остаться и разделить праздник с сестрой.

Неприсутственный день давал братьям Языковым неплохую возможность дать в честь поэта званный обед у себя дома на Спасской улице, который бы могли почтить своим вниманием и другие гости. На обеде у Языковых присутствовал генерал-майор Григорий Васильевич Бестужев (1786–1845), с которым Александр Сергеевич встречался в юности, Иван Семёнович Аржевитинов (1792–1847), братья Александр Иванович и Петр Иванович (1793–1869) Юрловы, просвещённые и деятельные симбиряне, участники наполеоновских войн. И.С. Аржевитинов слыл в Симбирске за вольнодумца. Он приходился двоюродным братом симбирянину Александру Ивановичу Тургеневу (1784–1845), очень близкому Пушкину человеку, умному и выдающемуся человеку. А.И. Тургенев в 1811 году устраивал Пушкина в Царскосельский лицей – «духовное отечество» будущего гения. Он, приближённый императора Александра I, неизменно вступался за юного поэта, вольным поведением и мыслями навлекавшего на себя «высочайшее неудовольствие».

А.И. Тургенев был сыном Ивана Петровича Тургенева (1752–1807), директора Московского университета, выдающегося и деятельного российского масона, поплатившегося за свои взгляды и труды ссылкой в симбирские имения, продлившейся четыре года, вплоть до смерти Екатерины II.

В 1784 году И.П. Тургенев организовал в Симбирске масонскую ложу «Златой венец», членом которой в звании товарища, или подмастерья, состоял Н.М. Карамзин. Недалеке от города, в имении Киндяковка, был даже построен настоящий масонский храм, увенчанный статуей Иоанна Крестителя, небесного «патрона» симбирских масонов. Но вслед за Великой французской революцией 1789 года, за гонением на писателя-просветителя Александра Николаевича Радищева (1749–1802) и на его «Путешествие из Петербурга в Москву» в 1790 году («Бунтовщик, хуже Пугачёва», – припечатала писателя стареющая императрица), на российских масонов обрушились репрессии.

Новая волна масонства накатилась на Россию в начале XIX столетия – особенно после победоносного окончания Наполеоновских войн 1812–1814 годов. В конце 1817 года в Симбирске открылась новая масонская ложа «Ключ к добродетели». Но опасения, вызванные новой волной освободительного движения в Европе, привели к официальному запрету масонских лож в империи в августе 1822 года. За год до этого, в мае 1821 года, в городе Кишинёве

Пушкин вступил со степенью ученика в масонскую ложу «Овидий». Г.В. Бестужев и И.С. Аржевитинов были видными симбирскими масонами.

И масонство Пушкина, как ранее масонство Карамзина, и их отход от «вольных каменщиков» были совершенно органичны. «Аристократизм духа», «избранность», тайные ритуалы и реальная взаимопомощь, идеалы свободы и братства оказались банальны, плоски и тесны для тех, кто ощущал величие собственного таланта, свой долг перед историей и вечностью.

«Улица моя тесна; воли мне мало», – вздыхает в «Капитанской дочке» литературный Пугачёв, и этот вздох звучит приговором желанию по собственному произволу пытаться решать судьбу отечества.

Кстати, свой отход от масонства сам Пушкин тоже вышучивал своим суеверием. Как известно, ещё в юности поэту было предсказано несчастье от «человека с белой головой» – Жорж Шарль Дантес (1812–1895), убийца Пушкина, был блондином. Один же из самых влиятельных и известных европейских масонов, основатель ордена Иллюминатов звался Адам Вейсгаупт (1748–1830), чья фамилия, в переводе с немецкого, собственно, означала: «Белая голова». «Как же мне приставать к нему?» – весело ехидничал поэт.

У Юрловых, судя по воспоминаниям сына Петра Ивановича, симбирского краеведа, литератора и общественного деятеля Владимира Петровича Юрлова (ок. 1830 – 1903), поэт провёл вечер 14 сентября. Пушкин был весел и общителен, много каламбурил. Трудно, конечно, во всём доверяться памяти трёхлетнего мальчика, но, видимо, общение действительно было и прошло к взаимному удовольствию. История об отважном Курмышском комманданте Василии Юрлове попадает на страницы «Истории Пугачёва», а в «Капитанской дочке» Авдотей Васильевной Ю. зовут матушку главного героя! Есть ли ещё в симбирских пределах дворянские роды на букву «Ю»? Юрловы, никто больше не приходит в голову!

Ранним утром 15 сентября 1833 года Пушкин покинул Симбирск, паромом переправившись через Волгу. Но вначале надо было съехать вниз с крутой Симбирской горы. Такое путешествие в августе 1836 года оказало незабываемое впечатление на императора Николая I, вынужденного из царского кабриолета пересесть в симбирскую долгушку, безрессорный экипаж, особым образом сконструированный безвестными российскими умельцами под российское бездорожье. Но и на долгушке император катил по ухабам, опасаясь в любой момент выпасть или опрокинуться вместе с повозкой. Благополучно съехав с горы, Николай I в шутку назвал долгушку «неопровергаемым экипажем».

Кажется, сходные чувства посещали и Пушкина, набросавшего в записной книжке свой знаменитый симбирский пейзаж: «Смоленская гора. Церковь Смоленская и дом Карамзина. 15 сентября. Волга». Двухэтажный дом на симбирском Венце, хорошо видный с Волги, строил в начале XIX столетия Василий Михайлович Карамзин (1751–1827), старший брат историографа Н.М. Карамзина, горячо любимый им и почитаемый. Николай Михайлович принял самое живое участие в хлопотах

по обустройству этого дома, заказывая и отсылая в Симбирск мебель, утварь и зеркала. Дом вскоре был продан казне, но сохранил имя своего первоначального владельца.

В Симбирск Пушкин ехал как на родину Карамзина и уезжал отсюда с особым чувством. С 1831 года Пушкин официально служил историографом, заняв место, что оставалось вакантным пять лет, после смерти Николая Михайловича. Пушкин вспоминал, как сам, оказавшись в 1818 году на пороге смерти, прикованный болезнью к постели, он зачитывался только что изданной «Историей государства Российского», и как после первых восторгов высшее общество обрушилось на Карамзина с глупыми светскими суждениями. ««История государства Российского» есть не только создание великого писателя, но и подвиг честного человека», – написал поэт, который сам создаст «Историю Пугачёва».

Конечно, симбирский пейзаж Пушкина не относится к числу графических шедевров поэта, но имеет безусловную ценность для потомства. Пушкин описался, назвав симбирскую гору Смоленской, как бы дополнительно выделяя Смоленскую церковь в центре композиции, в половине горы. Мать Божия Смоленская – Одигитрия, Путеводительница – считалась покровительницей путешественников, а ещё защитницей от врагов; само местоположение храма имело глубокий смысл.

А венчает непокорную симбирскую гору дом Карамзина. Наука, искусство, труд стремятся подчинить природную стихию – венчают её плодами своих трудов. Но сколь прочно это величие?..

В XIX столетии Симбирск величали «городом-дворянином на Волге», сравнивая его с «городом-дворянином на Неве», столичным Санкт-Петербургом! Оба города возникли и жили вопреки природным стихиям – неврским болотам и крутизне симбирской горы. Природа делала их неприступными крепостями для внешних врагов, но и превращала население их в своеобразных заложников, страдавших от многих бытовых неудобств и природных катаклизмов.

Симбирский парадокс – город на двух реках, Волге и Свияге, до строительства в конце XIX века водопровода постоянно страдал от нехватки воды: попробуй привези её на кручу! Бедой Санкт-Петербурга были наводнения, а Симбирска – оползни. Один из них в 1915 году разрушил Смоленскую церковь...

Перебравшись на левый берег Волги, Пушкин не покинул симбирских пределов – Ставропольский и Самарский уезды, по которым пролегал его дальнейшее путешествие в сторону Оренбурга, до 1851 года входили в состав Симбирской губернии.

Эти места были интересны поэту тем, что здесь разворачивались непосредственные события Крестьянской войны 1773–1775 годов. На Самарско-Ставропольской линии действовал удачливый атаман из крепостных крестьян Илья Арапов, который 25 декабря без боя овладел Самарой. Восставших встречали с честью – с колокольным звоном и образами, с хлебом-солью. Арапов безденежно раздавал самарским жителям казённую соль, по пять фунтов, более двух килограммов в руки. Было роздано 276 пудов 35 фунтов продукта. Четыре дня спустя пугачёвцы были разгромлены.

Пушкин поместил в приложениях к Пугачёвской истории документы о боях с восставшими в симбирском Заволжье:

«Капитан Фаддеев около Черемшана – реки под деревнями Афонкиной и Туармой, нагнав злодеев до 200 человек, убил их на месте, да 25 человек в плен взял... Капитан Квашин-Самарин при деревне Сантимире, напав на собравшихся тут злодеев, коих было до 800 человек, совершенно их разбил и взял из них в плен немалое число... Господин подполковник Гринёв после завладения злодеями Ставропольской крепости, напав на тех злодеев около Красноярской крепости, сию злодейскую толпу разбил, и взятые ими в Ставрополе пушки и порох с снарядами у них отбил».

Именно так. Среди тех, кто отличился при подавлении Пугачёвского восстания, был подполковник Петр Борисович Гринёв (1731–1785). Он немало похож на литературного Петра Андреевича Гринёва: выходец из дворянской семьи среднего достатка, с юных лет служил в гвардии, потом перешёл на армейскую службу. В чине подполковника П.Б. Гринёв командовал 22-й лёгкой полевой командой и с декабря 1773 года участвовал практически во всех основных событиях самого решительного этапа войны – в её подавлении.

В подавлении Пугачёвского восстания под командой исторического Гринёва воевал, по первоначальному авторскому замыслу, главный герой «Капитанской дочки», который вначале звался Буланиным:

«Не стану описывать нашего похода и окончания Пугачёвской войны. Мы проходили через селения, разорённые Пугачёвым, и поневоле отбирали у бедных жителей то, что оставлено было им разбойниками.

Они не знали, кому повиноваться. Правление было всюду прекращено. Помещики укрывались по лесам. Шайки разбойников злодействовали повсюду. Начальники отдельных отрядов, посланных в погоню за Пугачёвым, ...самовластно наказывали виновных и безвинных... Состояние всего края, где свирепствовал пожар, было ужасно. Не приведи Бог видеть русский бунт – бессмысленный и беспощадный. Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты или молоды и не знают нашего народа, или уж люди жестокосердые, коим чужая головушка полушка, да и своя шейка копейка».

В окончательной редакции – это пассаж, написанный уже от лица Петра Андреевича Гринёва, был сокращён и немного смягчён. Пушкин жил в жёсткие цензурные времена и понимал, что не только предостерегает тех, кто готовит перевороты и революции, но и критикует власть, что не раз оказывалась не на высоте своего положения. Но слова про русский бунт остались почти без изменения. Уже давно это одна из самых известных цитат Пушкина.

Итак, Пушкин поехал в Оренбург через симбирское Заволжье. Он проехал Мелекесс, на подступах к которому во время пугачёвщины капитан Сербулатов «с копейщиками, соединясь с отставными поселенными в Тиинске солдатами, разбил и рассыпал злодейскую шайку, отняв четыре малые пушечки, и захватив восемь человек», Новую Майну, село Красный Яр. Здесь 11 января 1774 года, прикрывая транспорт с провиантом, шедший из Симбирска в

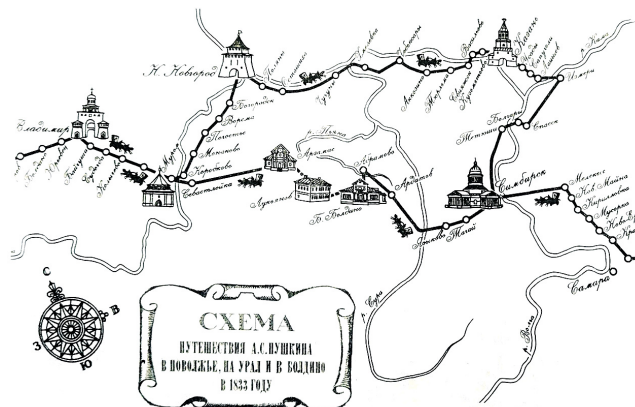

Схема путешествия А.С. Пушкина в 1833 году

Самару, исторический подполковник Гринёв разгромил «развратившихся из ставропольских крещеных калмык и другую с ними соединившуюся пугачёвскую сволочь».

Пушкин отнюдь не «коллекционировал» города и селения, вписанные в документы Крестьянской войны 1773–1775 годов. Он не захватил ни Самару, ни Ставрополь, не поехал в Саратов и в Пензу, хотя посещение этих городов и входило в его первоначальные планы.

Нельзя объять необъятное – справедливо сказал русский писатель Козьма Прутков. На самом деле битвы и стычки Крестьянской войны носили вполне локальный, ограниченный характер. Под них не рылись окопы, не строились укрепления. Давно были вновь отстроены когда-то сторевшие избы, и внешне мало что напоминало о когда-то вершившейся здесь драме. Люди – вот главные свидетели происходивших событий, а очевидцев пугачёвщины за прошедшие шесть десятилетий оставалось совсем немного... Впрочем, для того и дан поэту, писателю, историку его талант, чтобы из немногих фактов, часто разрозненных, создать единую картину, исчерпывающую и поучительную. Пушкину это вполне удалось.

Одним из факторов, актуализировавших события Крестьянской войны 1773–1775 годов в народной памяти и в сознании, были «пугачёвские клады». Легенды о сокровищах, награбленных и зарытых в землю, были и остаются невероятно популярными в разных уголках Симбирского края. Считалось, что на таком клade поднялся Кротков Степан Егорович, богатейший помещик в пределах Симбирской и Нижегородской губерний, владелец 500 тысяч десятин земли и 10 тысяч крестьянских душ. Летом 1774 года одна из пугачёвских шаек оказалась в окрестностях села Ишеевка Симбирского уезда, которым владел С.Е. Кротков. Барин с верными ему людьми бежал и спрятался в лесу.

«Пугачёвцы сделали на гумнах Ишеевки привал, но, застигнутые гусарами, бежали, оставив награбленное в Казани имущество, состоявшее из золотых и серебряных вещей, драгоценных тканей и мехов. Гусары в пылу преследования не заметили этих богатств, и все они достались Кроткову».

Зимой 1774 года захвативший Самару атаман И.Ф. Арапов перед боем с отрядом П.Б. Гринёва будто бы спрятал клад в окрестностях деревни Старый

Салаван Ставропольского уезда. Захваченные ценности и отрядную казну спустили в прорубь на одном из многочисленных в этой местности озерков или болот. За скрытыми сокровищами, как и положено, никто после боя не вернулся...

Впрочем, для сокрытия клада совсем не требовались чрезвычайные обстоятельства. Парадоксально, но сокровища зарывали вполне осознанно и без перспективы пользоваться в будущем – их зарывали «на удачу», как своеобразную жертву, желая приманить и удержать счастливый случай, позволивший нажиться, праведно или не очень. Сокровища оставались в земле именно потому, что так желали их владельцы, а не потому, что они не имели возможности их забрать. С этим была связана практика заклятий, налагаемых на спрятанный клад, а с ней – разнообразных сверхъестественных явлений и происшествий, сопровождавших и указывавших место сокрытия сокровищ.

Против деревни Глазов Луг, поблизости от уездного Карсуна, на берегу реки Барыш, как утверждали окрестные жители, сам Пугачёв зарыл несметные сокровища, награбленные им в Казани. Более того, призрачный Емельян Иванович продолжал хранить свою казну, являясь, сидя верхом на красивом, в яблоках, коне, в одежде «военной формы», с золотыми седлом и уздечкой. «Он не ездил и не стоял, лошадь его на одном месте будто переминалась, и вдруг он неизвестно куда исчезал. С тех пор местные жители ещё больше убедились, что в том месте скрыт богатый клад»...

18 сентября 1833 года Пушкин приехал в Оренбург. 20 сентября в обществе Владимира Ивановича Даля он выехал в город Уральск, бывший Яицкий городок, куда приехал вечером 21 сентября через крепости Черноозерную, Татищеву, Нижнеозерную, места, связанные с началом Крестьянской войны 1773–1775 годов, свидетели первых успехов Пугачёва. 23 сентября Пушкин выехал из Уральска, направляясь в сторону Болдино. Ему показывали дом, где Пугачёв справлял свою казацкую свадьбу, и церковную паперть, на которой стояла батарея пугачёвцев, обстреливавшая оборонявшихся в Яицком городке солдат и казаков, оставшихся верными законной власти. Он встречался с живыми очевидцами событий и даже вдыхал живой дух того времени:

«А ну-ка, дедушка, расскажи нам, сделай одолжение, про Пугача». – «Для кого Пугач, ваша милость, а для меня царь-батюшка Петр Федорыч».

И всё-таки поэт торопится назад. Шесть дней вместе проводит он в Оренбурге и в Уральске – столько же, сколько в Симбирске. Говорят, что испортилась погода, и поэт торопился с обратной дорогой, готовой обратиться в бесконечное море грязи. Может быть.

Он пренебрёг и Саратовом, и Пензой, где первоначально хотел побывать. Но что интересно – на обратной дороге Пушкин опять приезжает в Симбирск! Кто-то говорит, что тем же путём, которым ехал в Оренбург. Кто-то утверждает, что, избрав новый путь из-за непогоды, переправился через Волгу у Сызрани – там же, где переправлялся с пленным Пугачёвым конвоировавший его легендарный полководец Александр Васильевич Суворов (1730–1800).

В «Истории Пугачёва» Пушкин так описывал это: «Пугачев сидел в деревянной клетке на двухколесной телеге. Сильный отряд при двух пушках окружал его. Суворов от него не отлучался. В деревне Мостах (во ста сорока верстах от Самары) случился пожар близ избы, где ночевал Пугачев. Его высадили из клетки, привязали к телеге вместе с его сыном, резвым и смелым мальчиком, и во всю ночь Суворов сам их караулил. В Коспорье, против Самары, ночью, в волновую погоду, Суворов переправился через Волгу и пришел в Симбирск в начале октября». Искажение название, видимо, прочитанного по документам: Коспорье, вместо действительно Кашпир, даёт основание считать, что в Сызрани, всё-таки, поэт не был...

Творчество живёт по своим, нелогичным законам. Гармония проверяется алгеброй, но только после того, как вдохновение неожиданно и непостижимо приносит свой плод, стихотворение, песню, картину. По этим законам слагались «История Пугачёва» и «Капитанская дочка». Пушкин хотел писать историю Петра I – а получилась история самозваного Петра III. «Капитанская дочка» начинается и заканчивается в симбирских пределах, где в тридцати верстах от *** «благоденствуют» в одном селе десять помещиков, потомки Петра Андреевича и Марьи Ивановны Гринёвых, сберегая своё главное богатство, одно на всех собственноручное письмо Екатерины II за стеклом и в рамке.

Пушкин без сожаления выбросил из «Капитанской дочки» целую главу, в которой главный герой является в родную деревню, захваченную бунтовщиками, освобождает родителей и невесту, схваченных и брошенных «злодеями» в амбар – слишком получалось наигранно и мелодраматично, а Пушкина занимала не мелодрама, а истинная драма российской истории. Он не желал заискивать перед читателем, как не заискивал перед властью имущими – перед императором Всероссийским.

Из путешествия за Пугачёвым, говорили современники, он привёз и «ввёл в обычай» единственное слово для обращения к царственным лицам: государь, минуя сложные и нарочитые «многоязычные» словесные конструкции. Когда наследник престола, будущий император Александр II как-то заметил поэту, что он ещё не государь, Пушкин просто ответил ему: «Вы государь наследник, а отец ваш – государь император». Это тем более интересно и символично, поскольку именно в конце 1833 года впервые прозвучал государственный гимн Российской империи «Боже, царя храни», написанный жандармским офицером и скрипачом-виртуозом Александром Фёдоровичем Львовым (1798–1870) и поэтом Василием Андреевичем Жуковским.

«Местью» стало присвоение поэту придворного звания камер-юнкера. С формальной точки зрения Пушкин был возвеличен – придворный чин равнялся армейскому полковнику, давал право на посещение придворных балов и прочих высокотождественных мероприятий, а главное, право на работу в императорских архивах. Но само звание звучало уничижительно, вроде «комнатный дворянчик»: им награждали, как правило, золотую молодёжь, начинающую расчётливый восход к карьерным вершинам, и поощряли провинциальных предводителей дворянства.

А Пушкин не желал быть комнатным и не желал молодиться. Он знал себе цену и наверняка предчувствовал, что судьба совсем немного оставляла времени ему на земную жизнь. Он переживал об одном: не быть смешным. И шутил: «...хоть в камерпажи, только б не заставили меня учиться французским вокабулам и арифметике».

Но пока Пушкин вновь подъезжает к Симбирску, к Симбирскому почтамту в бывшем доме Пустынникова-Мясникова, в котором был заключён Пугачёв. Это было 28 сентября 1833 года – за считанные дни до 59-й годовщины событий 1 октября 1774 года, когда пленного Емельяна Ивановича привезли в Симбирск.

«Пугачева привезли прямо на двор к графу Панину, – описывал Пушкин в «Истории Пугачёва», – который встретил его на крыльце, окруженный своим штабом. «Кто ты таков?» – спросил он у самозванца. «Емельян Иванов Пугачев», – отвечал тот. «Как же смел ты, вор, назваться государем?» – продолжал Панин. «Я не ворон (возразил Пугачев, играя словами и изъясняясь, по своему обыкновению, иносказательно), я вороненок, а ворон-то ещё летает».

Надобно знать, что яицкие бунтовщики в опровержение общей молвы распустили слух, что между ими действительно находился некто Пугачев, но что он с государем Петром III, ими предводительствующим, ничего общего не имеет. Панин, заметя, что дерзость Пугачёва поразила народ, столпившийся около двора, ударил самозванца по лицу до крови и вырвал у него клочок бороды. Пугачев стал на колени и просил помилования. Он посажен был под крепкий караул, скованный по рукам и по ногам, с железным обручем около поясницы, на цепи, привинченной к стене».

Наверняка поэта вновь влекло в Симбирск не желание проехаться по историческим местам и закрепить то, что в первый раз ускользнуло от взора. Он ехал не к мёртвым, а к живым – к братьям Языковым в их родовое имение, в Языково. На сей раз все братья были в сборе, включая Николая Михайловича. В обществе братьев поэт провёл день 29 сентября 1833 года.

Николай Михайлович Языков относился к Александру Сергеевичу – точнее, к творчеству Александра Сергеевича – с большой долей скепсиса и критически.

Несмотря на немногие годы разницы, Пушкин и Языков были людьми разных поколений, «бойцами разных станов». Николай Михайлович был провозвестником славянофильства, «особого русского пути», искажённого реформами Петра I. С энтузиазмом, вдохновляясь идеей изучения «народного предания», Языков взялся за собиранье фольклора и с ревностью смотрел на Пушкина, вступившего на ту же стезю:

*Дай напишу я сказку. Нынче мода
На этот род поэзии у нас.
И грех ли взять у своего народа
Полузабытый небольшой рассказ.
Нельзя ль его немного поисправить
И сделать ловким, милым, как-нибудь
Обстричь, переодеть, переобуть
И на Парнас торжественно поставить.
Грех не велик, да не велик и труд.
Это камушек в пушкинский «огород».*

После встречи с Пушкиным Николай Михайлович писал Михаилу Петровичу Погодину (1800–1875), историку и литератору: «У нас был Пушкин с Яика – собирал-де сказания о Пугачёве – иногда собрал, по его словам, разумеется. Заметно, что он вторгался в область Истории (для стихов ещё бы туда и сюда) – собирается собирать плоды с поля, на коем он ни зерна не посеял – писать Историю Петра, Екатерины I, и далее вплоть до Павла Первого (между нами)».

Однако все разногласия во взглядах и мыслях о прошлом и будущем родной страны бледнели перед искренним приятельством и дружбой, «родством по вдохновению», а не по долгу и общности убеждений. Поэт говорил братьям Языковым, что очень хотел бы приехать в Симбирск зимой, в январе 1834 года. И, может, и приехал бы, если бы не злостное камер-юнкерство!..

30 сентября 1833 года Пушкин попрощался с Языково и с Симбирским краем – уже навсегда.

1 октября он был в Болдино и сразу же, на другой день, приступил к работе над «Историей Пугачёва». Больше месяца он работал «запоём». Эта вторая в жизни Пушкина болдинская осень сотворила для России и мира поэмы «Анджело», которую сам поэт называл своей лучшей поэмой, «Медный всадник», «Сказку о рыбаке и рыбке», «Сказку о мёртвой царевне и семи богатырях», роман «Дубровский», повесть «Пиковая дама»...

«История Пугачёва» будто отошла на второй план на фоне признанных поэтических шедевров. Но драма «Медного всадника», напряжённость «Пиковой дамы» проистекали и подкреплялись из того же источника – из путешествия по пугачёвскому следу, из встреч и впечатлений, так насытивших его. Пушкин очень хотел заработать на издании истории Пугачёвского бунта, но у него получалось работать, а не зарабатывать.

Поэт всю работу над своим исторически трудом, и уже к весне 1834 года «История Пугачёва» была окончена. «Странно, как он успел так скоро состряпать историю Пугачёва! Верно будет тата-та!» – поёрничал по этому поводу А.М. Языков.

Ровно через год после своего визита в Симбирск, 9 сентября 1834 года, Пушкин ждал из печати «Историю Пугачёвского бунта», названную так по личному распоряжению императора Николая I. В этот день в Москве он читал А.И. Тургеневу рукопись «Пугачёва». «Много любопытного и оригинального, – записал А.И. Тургенев в дневник, – Пушкин расшевелил душу мою... Симбирск всегда имел для меня историческую прелесть. Он устоял против Пугачёва и Разина». Поэт обещал в подарок другу первый печатный экземпляр нового издания – и в тот же день вновь поехал в Болдино, встречать свою третью – как оказалось, последнюю – Болдинскую осень...

«История Пугачёва», ставшая, по императорской воле, «Историей Пугачёвского бунта», в двух томах, вышла из печати 28 декабря 1834 года. Неприятный Александр Михайлович Языков стал одним из первых читателей и суровых критиков Александра Сергеевича:

«Пушкинскую историю Пугачёва я прочёл. Она написана весьма небрежно и поверхностно;

заметно, что у него слишком мало материалов и что он историк не дальний. Почти вся 2-я часть доставлена нами». «Пугачёв Пушкина, кажется, написан для того, чтобы скорее продать заглавие».

Современники имеют право быть строгими – их не тяготят прошлые заслуги и выработанные авторитеты. Да, Пушкин работал скоро, он рассчитывал на массового читателя и покупателя своего труда, а такому читателю нужны интрига и простота, а не долгое перечисление всех известных фактов и скучных версий развития событий. Да, Пушкин не был глубоким, серьёзным историком – он был популяризатором. И поэтом! А поэтическое наитие, переживание, сопереживание часто оказывается куда глубже и трогает душу куда сильнее, чем множество фактов. Говоря о прошедших войнах, люди чаще всего вспоминают стихи и песни, что слагались в то суровое время или стали откликом на переживание минувших событий.

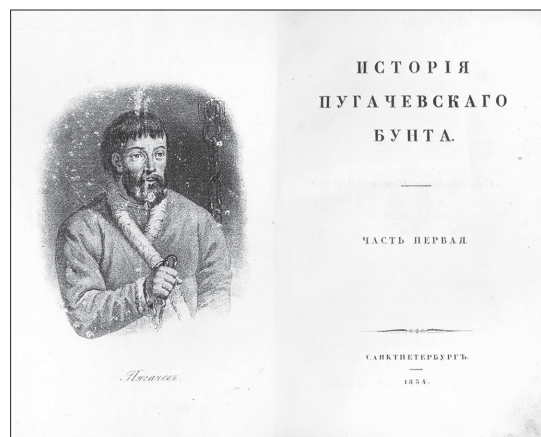
На пиру у Пугачёва в покорённой Белогорской крепости чудом выживший Пётр Гринёв слушал песню, что пели пугачёвцы: «Невозможно рассказать, какое действие произвела на меня эта простонародная песня про виселицу, распеваемая людьми, обречёнными виселице. Их грозные лица, стройные голоса, унылое выражение, которое придавали они словам и без того выразительным – всё потрясло меня каким-то пиитическим ужасом». Поэзия, художественное творчество дают возможность осмыслить историю – её самые непростые и драматичные страницы.

Время расставляет всё по своим местам. Роль и место Пушкина в изучении Крестьянской войны 1773–1775 годов под предводительством Емельяна Пугачёва давно приняты и оценены по заслугам. О Пушкине и Пугачёве написано, наверное, даже больше, чем просто о Пугачёве. И если бы не поэтический гений Александра Сергеевича, как знать, нашло ли это событие столь широкий отклик как в историографии, так и в культуре. Стал бы Емельян Иванович, наравне с Александром Васильевичем Суворовым, самым известным российским деятелем Екатерининской эпохи?..

А нам важно, что, путешествуя вслед за Пугачёвым, Пушкин приезжал в Симбирск, связав даже физически наш город со своим гением. И здесь, в Симбирской губернии, он поселил Петра Андреевича Гринёва, своего последнего литературного героя.

Окончание работы над «Капитанской дочкой» поэт датировал 19 октября 1836 года – двадцать пятой, юбилейной лицейской годовщиной, последней в его земной жизни. Отпраздновал последний, по-настоящему счастливый и беззаботный день среди лицейских товарищей, за вкусным и шумным обедом, с тостами и пением национальных песен. Пушкин умел дружить и знал истинную цену дружбе. «Он выше всего ставил в человеке качество благоволения ко всем, – писал П.А. Плетнёв, лучший друг поэта. – Пушкин был застенчив и более многих нежен в дружбе».

Жить оставалось совсем недолго. В два часа сорок пять минут пополудни 29 января 1837 года Пушкин произнёс свои последние слова: «Хорошо. Жизнь кончена. Теснит дыхание».

В последний путь, от Санкт-Петербурга до Святогорского Успенского монастыря в Псковской губернии, места его последнего покоя, поэта провожал симбирянин Александр Иванович Тургенев.

Пушкин верил в высший Промысел и был человеком чести. Но честь для него не была набором формальностей. Блюсти честь для поэта – значит жить и поступать в согласии с собственной совестью, с самим собой, на благо тех, кого ты любишь и ценишь, кто тебе доверяет.

Пётр Гринёв вполне справедливо был осуждён военным трибуналом, но наши симпатии – с Гринёвым, кому за минуту до казни Пугачёв кивнул с эшафота. А ведь замёрзши злодей в чистом поле без заячьего тулупчика – глядишь, и не было бы кровавой смуты. Но нам ценна человечность, а не жестокий расчёт.

Нам симпатичен и сам Пугачёв, ибо и он, отрицательный вроде персонаж, есть человек чести, способный помнить добро, и по чести, сполна держать ответ за всё содеянное.

«Некто ***», симбирский дворянин, бежавший от Пугачёва, приехал на него посмотреть и, видя его крепко привинченного на цепи, стал осыпать его укоризнами. *** был очень дурен лицом, к тому же и без носу. Пугачёв, на него посмотрев, сказал: «Правда, много перевешал я вашей братии, но такой гнусной образины, признаюсь, не выдывал», – записал Пушкин однажды исторический анекдот о Емельяне Ивановиче.

Наши симпатии – с Пушкиным, не ценившим широты императорских жестов, но ценившим друзей, людей, книги. С Пушкиным, мучительным и достойно умиравшим от смертельной раны... Хотя... что за глупость – дуэль! Реальная глупость, смертельный риск для двух человек и конец карьеры для их секундантов. Но и здесь поэт не погрешил против собственной совести, ведь именно он получил смертельную рану, легко ранив Дантеса.

Книги, как правило, переживают своих авторов. Но Пушкин по-прежнему интересен нам как человек.

Давно ли перечитывали вы «Историю Пугачёва»? Что, никогда не брали в руки? Бывает! Зато вы знаете, кто написал эту книгу! Правильно: Александр Сергеевич Пушкин!

Ольга ДАРАНОВА, председатель Ульяновского отделения Союза писателей России, учёный секретарь Ульяновской областной научной библиотеки им. В.И. Ленина – Дворца книги.

«МИНУВШЕЕ МЕНЯ ОБЪЕМЛЕТ ЖИВО...»

Эссе

Знакомо ли вам чувство, когда, попав в незнакомое место, вдруг ловишь себя на мысли, что ты бывал здесь, жил или мог бы жить?..

Я люблю это странное чувство. Оно возникает в долгих прогулках по старым улицам и дворам, там, где присутствие волнует твою душу и рождает причудливые фантазии, и ты уже не разделяешь, где реальность, а где вымысел, потому что вымысел – это тоже жизнь твоей души, и он становится твоим бытием.

Это чувство возникает и тогда, когда неожиданный толчок в настоящем стирает временные границы, возвращает любимые тени прошлого, вызывая восторг и изумление от неразрывной связи всего сущего в этом мире, в едином потоке реки времени.

...В тот день мы встречали высокого гостя из Москвы, сопровождали его в двухдневном пребывании в нашем городе. В какой-то момент гость захотел отдохнуть, и у нашей маленькой группы выдалось свободное время. Была середина июня, жарко, зелено, хорошо дышалось. Хотелось кофе. «Поехали к Пушкину!» – неожиданно предложил наш коллега. Мы знали, что великую фамилию носит его приятель, и с удовольствием согласились.

Раньше улица Кирова представляла собой длинную вереницу деревянных домов, на задах которых буйно цвели сады, террасами спускаясь вниз, к Волге. Узкие переулки с домами, окна которых смотрели друг на друга, пересекали её, образуя несколько тесных, дружно живущих слобод. Сейчас уже не то... Старые дома вытесняются современными коттеджами, образующими свою замкнутую частную территорию с ухоженным искусственным газоном, вычурной плиткой, непременно туями, гаражами, фешенебельными мезонинами. Старина уходит, её нещадно вытесняет нахрапистое, равнодушное настоящее. Но всё же она ещё есть в нашем городе.

Наша белая «тойота» катилась к Волге, грузно пробираясь по узким спускам между ветхими деревянными постройками. Казалось, ей тут тесно и неуместно...

Остановились перед низким деревянным домом, сами открыли калитку и вошли во двор. Щёлкает щёлкнула – и пыльный, суеющийся город

остался позади. Длинная тропа вела нас в чьё-то живописное частное хозяйство.

«Шум и сутолока Петербурга мне стали совершенно чужды – я с трудом переношу их. Я предпочитаю Ваш чудный сад и прелестные берега Сороти...».

Это удивительное существование «деревни в городе» всегда изумляло меня. Всего лишь переулок, скромная полоса земли разделили шумный город с несущимися по шоссе автомобилями и эту тихую, уютную пристань частных владений. Вроде ты в городе, но нет – другая здесь картина, другие пейзажи, другой ритм жизни. И воздух чище, и зелень гуще, и звуки земли ярче.

Мы попали в такое место, где трава и деревья растут вольно, естественно, растут как дышат; где покосившийся забор живописен проросшими сквозь него львиным зевом и люпином, где кроны деревьев заслоняют шатром половину поляны, а цвет чубушника осыпается и при дуновении ветра летит белой кисеей на тропинку, траву, скамейку, на всё вокруг. У старой части дома, в котором когда-то жили, а теперь использовали как летний дачный флигель, темнело высокое скрипучее крыльцо, перила с облупившейся краской, сквозь крыльцо проросла трава. Окна распахнуты, лёгкие тюлевые занавески на них дрожат. Каждая ступенька крыльца имеет свою мелодию и скрипит по-особенному. В комнатах тень, прохладно, пахнет травой. Солнце ещё не проникло в них, оно пока нежится на крыльце, пробивается дрожащими пятнами сквозь спутанные ветви нависших деревьев.

Во дворе деревянные хозяйственные постройки разного калибра: сарайчики, мастерские с садовыми инструментами и необходимой утварью, особенными, неповторимыми деталями, составляющими живописный мир имени своего хозяина. Лейки, ведра, бельё на верёвках, корзины, скамейки, тряпье, детские мячи и велосипед – всё дышит домом, солнцем, своей естественной, устойчивой правдой, миром и покоем.

Мои друзья стоят под деревом с задумчивым видом, наши мысли и чувства похожи.

*...Здесь опять
Минувшее меня объемлет живо,
И кажется, вчера ещё бродил
Я в этих рощах. Вот опальный домик,
Где жил я с бедной нянею моей...*

А хозяин уже ждёт нас, стоя поодаль на тропе. На нём лёгкое пёстрое трико, просторная блуза, на голове широкополая соломенная шляпа. Окинув нас быстрым приветливым взглядом, он обнимает своего приятеля и приветствует нас в своих пенатах.

Хозяйство у Пушкина живописно. Купив половину старого дома много лет назад, он многое преобразил на его территории. По профессии архитектор, хозяин выстроил новый дом по своему вкусу и умению. Особняк стоит у самого ската к реке, фасад его обращён к Волге, а вернее к её дальней голубеющей полосе, до которой террасами спускаются заросли старых фруктовых садов, ещё в старину посаженных здесь местными помещиками. Высокий цоколь держит просторный балкон с резными пилястрами, ажурными решётками и изящными арками под сводом для тенистости. Балкон открыт, сквозь густо перевитые ветви яблони, свисающие на чайный столик, видна Волга и её дальний берег. Рядом, на плетёном стуле, лежит связанный заботливой рукой хозяйки коврик. В углу балкона на деревянной этажерке ярусами сушится трава. Вокруг дома выются густые заросли левкоя, аромат которого особенно хорош после захода солнца.

С балкона широкая дверь ведёт в гостиную. Посредине стоит большой овальный стол, вокруг – широкий диван и кресла, покрытые пледом, зеркало на стене, цветы на столе в вазе, приглушённый свет – всё создаёт уют и покой. Потолок в доме высокий, сводчатый, напоминающий крышу терема, что делает комнату зрительно выше и просторнее. В доме ещё несколько комнат с разными входами, соединённых между собой лестницами. Кругом лёгкий беспорядок, и та обстановка, что удобна и мила своему обитателю: камин, кушетки, диванчики с множеством подушек и подушечек, этажерки с газетами, плетённые из соломки панно на стенах, напольные вазы с сухоцветом. В таком доме можно наслаждаться жизнью на природе и в то же время чувствовать комфорт в своих интерьерах.

...Хозяйка накрывает стол скатертью, раскладывает приборы, ставит вазочки с вареньем, молочник, рюмки с золотым ободком. В гостиной кроме нас ещё одна гостья, дама почтенных лет, миловидная, в платье с белым кружевным воротничком. Пахнет свежемолотым кофе, на блюде лежат пирожные. Присаживаемся к столу, едим бутерброды, пьём чай, кофе, кому что по вкусу. А вот и наливочка! Её приятный вишнёвый цвет мерцает в тонких рюмках. *«И полился мирный разговор помещика со своими гостями...»*

*О сенокосе, о вине,
О псарне, о своей родне...*

Хозяин смугл, улыбчив, разговорчив. Черты лица его остры, мимика подвижна, когда улыбается, видны крупные белые зубы. Он пьёт чай вприкуску

с кусочками сахара, рассказывает о давнем времени, когда поселился здесь, о старой Волге и пристани, о Симбирской горе и садах на её спуске. Вот он достаёт из старинного шкафа орехового дерева потрёпанные книги, журналы прошлых лет, листает, рассказывает о деревянном Симбирске, его прежних улицах, о минувшем.

А дальше мы проживали этот день жизни каждый как хотел. К этому располагало всё: радушие хозяина, привыкшего встречать гостей, тепло и уют дома, вся атмосфера этого живописного райского уголка. Хозяин показывал нам свою территорию, любовно дотрагиваясь до каждого куста, до каждой огуречной плети, молодой зелени перцев, кабачков. В помидорной ботве уютно грелись кошки, на покосившемся заборе сушились садовые вещи. Июнь – время пионов, их тут было много, целые кущи, аромат пионов плыл в воздухе. Ирисы вспыхивали фиолетовым и бордово-белым огнём, нежно трепетали бархатные петунии, тянулись к солнцу стройные оранжевые циннии. Вдоль изгороди росли кусты смородины, малины, крыжовника. Террасы разделялись между собой яркими кустами фиолетовых рододендронов с пышными соцветиями и глянцевыми, плотными листьями. Всё жило, дышало, колыхалось. В небе был виден крестик самолёта, а внизу синева небесная сливалась с синей гладью Волги. Присмотревшись, можно было увидеть маленький прогулочный пароходик, причаливший к берегу. Белый, конечно...

Ухоженный огород здесь чередовался с диким, буйно разросшимся садом, террасами спускавшимся вниз к Волге. Чем ниже спуск, тем были гуще деревья, темнее сумрак в них. Сквозь листву и спутанные ветви мелькали скромные деревянные домики с лёгкой паутиной на стёклах давно не открывавшихся окон. Хотелось рассмотреть здесь всё, постоять у каждого куста, заглянуть в каждое оконце, посидеть на тёплой земле, спуститься вниз, по этим заросшим фруктовыми деревьями скатам. Каждая ступенька приглашала задержаться, взять в руки ветку, присмотреться к листочку, вдохнуть аромат цветка.

...Двери дома открыты, чувствуется дыхание летнего ветерка. Пахнет кофе, травой и ещё чем-то уютным, исчезающим. Хозяйка подливает чай, мои друзья ведут беседу, а я молчу и не тягочу молчанием, а наслаждаюсь им, прислушиваясь к звукам этого дня, впитываю каждую мелочь, стараясь всё удержать в памяти. Мне нравится это необъяснимое ощущение несуетной дружеской связи, тайного внутреннего родства, лёгкого взаимопонимания. Нравятся эти новые люди, не стремящиеся искусственно занимать тебя, естественно живущие каждую минуту. Нравится этот островок странного смешения старого и нового, умеренного достатка и очаровательной бедности. Нравится этот день, уже угасающий, который останется в моей памяти лишь лёгким ощущением «божественного лета»... Нравится эта жизнь на земле, в саду, на балконе, на террасах, на волжском берегу, в доме-тереме и просто под небом...

«Сестра моя Евпраксия, бывало, заваривает всем нам после обеда жжёнку... И вот мы из больших бокалов сидим, беседуем и распиваем пунш. И что за речи несмолкаемые, что за звонкий смех, что за дивные стихи <...> сопровождали нашу дружескую пирушку <...>!»

...О чём думал поэт, сидя в Тригорском у Вульфова, на берегу любимой Сороти? Там, где река спокойно несла свои вольные воды между жёлтых песчаных берегов, в небе отшельниками плыли облака, густая трава пестрела колокольчиками, быстроглазыми ромашками и нежными васильками... Там, где вечерами на Савкиной горке с одинокой часовой и каменным крестом на закате стояли, словно часовые, три сосны, а в гнёздах спали аисты... Там, где после жаркого дня воздух опьянял, а к рассвету туман накрывал реку сплошным полотном...

*И берег Сороти отлогий,
И полосатые холмы,
И в роще скрытые дороги,
И дом, где пировали мы...*

Посмеём предположить, что в тихой прохладе розовеющего заката думал он о редких минутах счастья на родной земле, когда под стрёкот ночных цикад и легкий плеск воды вольно дышится и вольно пишется. Он, наверное, скучал без друзей и радовался их внезапному приезду, звуку колокольчика, зазвеневшего у калитки. По приезде друзей поэт оживлялся, ходил с ними на ярмарки в Святые Горы, слушал народные песни и предания. Как признавался он своему другу Пушкину, *«...в этих местах он отдыхал от волнения, с музой жил в ладу, трудился охотно и усердно»*. И Пушкину не даром бросились в глаза разбросанные кругом в доме исписанные листы бумаги и обкусанные, обожжённые кусочки перьев.

«Он, как дитя, был рад нашему свиданию... Жизнь его во всём проявлялась, в каждом слове, в каждом воспоминании, им не было конца в неумолкаемой нашей болтовне...»

Всему начало было для него на родной земле. Земля дала поэту *«часы трудов, свободно-вдохновенных»*, после которых для нас остались и «Евгений Онегин», и «Граф Нулин», и «Цыганы», и «Сожжённое письмо», и «Борис Годунов»... Там же, в Михайловском и Тригорском, родились замыслы «Маленьких трагедий», «Арапа Петра Великого», зародилась мысль об издании своего журнала, осуществлённая лишь в 1836 году.

Вечереет. Хозяин берёт лейку, включает воду, поливает свой райский уголок. Время сейчас хорошее для полива. Солнце уже не печёт, не обожжётся листва, а земля напитается, напьётся водицы и даст новые силы для роста.

Хозяйка радушно приглашает нас к ужину, предлагает закусить перед дорогой.

«Нам подали закуски. На прощанье хлопнула третья пробка. Мы крепко обнялись в надежде, быть может, скоро свидеться...»

Настала пора отъезда. Небритое, улыбчивое лицо Пушкина было добрым, приветливым. Он что-то хорошее говорил нам на дорогу. А нам было светло и грустно. Грустно расставаться с этим краешком земли, где мы прожили день в настоящем и прошлом. Этот день подарил нам краски и воздух прошлой жизни, неожиданно позволил стать *«отшельниками праздными»* и услышать едва различимое, ветром донесённое сквозь века до волжских берегов, отдалённое эхо светлой лиры поэта.

Александр МЕЛИХОВ, г. Санкт-Петербург. Прозаик, публицист, литературный критик. Лауреат премии имени И.А. Гончарова (2023) в номинации «Мастер литературного слова» за роман «Тризна».

ИВАН ГОНЧАРОВ КАК ЗЕРКАЛО РУССКОГО КОНСЕРВАТИЗМА

27 сентября 1891 года ушел из жизни Иван Александрович Гончаров.

Создатель бессмертного Обломова в обоих своих первых романах «Обыкновенная история» и «Обломов», принесших ему всероссийскую славу, столкнул восторженного романтика Адуева-младшего и мечтателя-лежебоку Обломова с трезвыми, практичными «новыми людьми» Адуевым-старшим и Штольцем, дабы выразительнее или даже, если угодно, разительнее показать торжество и необходимость для России людей дела, деловых людей.

Но как они черствы и малосимпатичны, и как трогательны романтики и мечтатели! И с какой любовной улыбкой живописует Гончаров райский уголок, Обломовку, где безмятежно расцветал ее будущий хозяин! Там и само небо не возносится над людьми чем-то далеким, холодным и опасным. *«Небо там, кажется, напротив, ближе жметя к земле, но не с тем, чтоб метать сильнее стрелы, а разве только, чтоб обнять ее покрепче, с любовью: оно распростерлось так невысоко над головой, как родительская надежная кровля, чтоб уберечь, кажется, избранный уголок от всяких невзгод».* *«Измученное волнениями или вовсе незнакомое с ними сердце так и просится спрятаться в этот забытый всеми уголок и жить никому неведомым счастьем. Все сулит там покойную, долговременную жизнь до желтизны волос и незаметную, сну подобную смерть».* В этом раю «счастливые люди жили, думая, что иначе и не должно и не может быть, уверенные, что и все другие живут точно так же и что жить иначе – грех».

Штольца Гончаров конструировал умом, а Обломовку живописал сердцем. Не удивительно, что у радикальной интеллигенции он прослыл консерваторм, тем более что к революционным фантазиям он и впрямь относился безо всякой симпатии. И все не потому, что был каким-то особенным «крепостником» – Гончаров происходил из зажиточных купцов и никогда крепостными душами не владел, он просто не верил, что жизнь можно выстроить по каким бы то ни было идеальным планам: его много лет преследовала тема человеческой слабости, неспособной удержаться на высоте каких бы то ни было идеалов, хоть «прогрессивных», хоть «реакционных», если даже допустить, что таковые возможны. Однако радикальная инквизиция в такие тонкости входит не желала и в отместку за образ нигилиста Марка Волохова из итогового романа «Обрыв» обвинила его автора не менее как в продажности. Разумеется, это была клевета, Гончаров совершенно искренне считал «жалкими и несамостоятельными доктрины материализма, социализма и коммунизма» (при том, что должность цензора, сколько ни твори на ней добрых малых дел, украсить писателя, увы, никак не может).

В августовском письме 1869 года Афанасию Фету Гончаров писал о недавно опубликованном в «Вестнике Европы» романе: *«Это дитя моего сердца; я слишком долго (с 1849, когда он зачался, во время моего посещения берегов Волги) носил его под ложечкой, оттого он и вышел большой и неуклюжий. Я его переносил».* «Обрыв» действительно продуман

И.Н. Крамской. «Портрет писателя
Ивана Александровича Гончарова». 1874 г.
Государственная Третьяковская галерея

чересчур тщательно – персонажи почти не выходят из отведенных им сюжетных функций: простушка Марфинька всегда простушка, горячка Вера всегда горячка, эстет Райский всегда эстет (хотя их внешние проявления почти неизменно точны и живописны), в якобы непринужденных диалогах герои высказываются о важных для автора предметах с полнотой, возможной лишь в научных дискуссиях, – в общем, чистый Солженицын, хотя и гораздо более роскошный в живописном и языковом отношении. Ну, и отклик явился сопоставимый – с поправкой на многократно более узкую читательскую массу. Редактор «Вестника Европы» Стасюлевич лишь публикацией «Обрыва» объяснял *«страшный успех журнала: в прошедшем году за весь год у меня набралось 3700 подписчиков, а ныне, 15 апреля, я переступил геркулесовы*

журнальные столпы, т. е. 5000, а к первому мая имел 5700». В России такие подскоки тиражей возможны лишь по политическим, но никак не по эстетическим причинам.

Притом что Гончаров в своем остро социальном романе впрямую не коснулся ни одного из животрепещущих социальных «вопросов» – ни крестьянского, ни судебного, ни армейского, ни женского, – все романские катаклизмы вращаются вокруг сугубо личного предмета – вокруг любви. И оказалось, что именно в любви старое и новое проявляются в наибольшей полноте. Гордая чистая Вера влюбляется в хамоватого Марка Волохова именно потому, что воображает за его демонстративным презрением ко всем условностям какую-то новую мечту о более осмысленной и честной жизни: он и яблоки крадет, приговаривая, что это как раз собственность есть кража. Но если его честность требует избавляться от разных романтических украшений, а спариваться так же откровенно и на короткий срок, как спариваются животные, то Веру уже не интересуют никакие Прудоны с Фейербахами.

«– Вы хотите драпировки: все эти чувства, симпатии и прочее – только драпировка, те листья, которыми, говорят, прикрывались люди ещё в раю...»

– Да, люди! – сказала она.

Он усмехнулся и пожал плечами.

– Пусть драпировка, – продолжала Вера, – но ведь и она, по вашему же учению, дана природой, а вы хотите ее снять».

«Она с изумлением увидела этот новый, вдруг вырвавшийся откуда-то поток смелых, иногда увлекательных идей, но не бросилась в него слепо и тщеславно, из мелкой боязни показаться отсталой, а так же пытливо и осторожно стала всматриваться и вслушиваться в горячую проповедь нового апостола».

Ей прежде всего бросилась в глаза – зыбкость, односторонность, пробелы, местами будто умышленная ложь пропаганды, на которую тратились живые силы, дарования, бойкий ум и ненасытная жажда самолюбия и самонадеянности, в ущерб простым и очевидным, готовым уже правдам жизни, только потому, как казалось ей, что они были готовые.

Иногда в этом безусловном рвении к какой-то новой правде виделось ей только неумение справиться с старой правдой, бросающееся к новой, которая давалась не опытом и борьбой всех внутренних сил, а гораздо дешевле, без борьбы и сразу, на основании только слепого презрения ко всему старому, не различавшего старого зла от старого добра, и принималась на веру от не проверенных ничем новых авторитетов, неведь откуда взявшихся новых людей – без имени, без прошедшего, без истории, без прав.

Она добиралась в проповеди и увлечениях Марка чего-нибудь верного и живого, на что можно опереться, что можно полюбить, что было так прочно, необманчиво в старой жизни, которой, во имя этого прочного, живого и верного, она прощала ее смешные, вредные уродливости, ее весь отживший сор.

Она страдала за эти уродливости и от этих уродливостей, мешавших жить, чувствовала нередко цепи и готова бы была, ради правды, подать руку пылкому товарищу, другу, пожалуй, мужу, наконец... чем бы он ни был для нее, – и идти на борьбу против старых врагов: стирать ложь, мести сор, освещать темные углы, смело, не слушая старых, разбитых голосов, не только Тычковых, но и самой бабушки, там, где последняя безусловно опирается на старое, вопреки своему разуму, – вывести, если можно, и ее на другую дорогу. Но для этого нужно было ей глубоко и не возвратно убедиться, что истина – впереди.

Она шла не самонадеянно, а, напротив, с сомнениями, не ошибается ли она, не прав ли проповедник, нет ли в самом деле там, куда так пылко стремился он, чего-нибудь такого чистого, светлого, разумного, что могло бы не только избавить людей от всяких старых оков, но открыть Америку, новый, свежий воздух, поднять человека выше, нежели он был, дать ему больше, нежели он имел.

Она прислушивалась к обещанным им благам, читала приносимые им книги, бросалась к старым авторитетам, сводила их про себя на очную ставку, – но не находила ни новой жизни, ни счастья, ни правды, ничего того, что обещал, куда звал смелый проповедник.

А сама шла всё за ним, увлекаемая жаждой знать, что кроется за этой странной и отважной фигурой.

Дело пока ограничивалось беспощадным отрицанием всего, во что верит, что любит, на что надеется живущее большинство. Марк клеймил это враждой и презрением: но Вера сама многого не признает в Старом Свете. Она и без него знает и видит болезни: ей нужно знать, где Америка? Но ее Колумб вместо живых и страстных идеалов правды, добра, любви, человеческого развития и совершенствования показывает ей только ряд могил, готовых поглотить всё, чем жило общество до сих пор. Это были фараоновы тощие коровы, пожиравшие толстых и не делавшие сами от того толще.

Он, во имя истины, развенчал человека в один животный организм, отнявши у него другую, не

животную сторону. В чувствах видел только ряд кратковременных встреч и грубых наслаждений, обнажая их даже от всяких иллюзий, составляющих роскошь человека, в которой отказано животному.

Самый процесс жизни он выдавал и за ее конечную цель. Разлагая материю на составные части, он думал, что разложил вместе с тем и всё, что выражает материя.

Угадывая законы явления, он думал, что уничтожил и неведомую силу, давшую эти законы, только тем, что отвергал ее, за неимением приемов и свойств ума, чтобы уразуметь ее. Закрывал доступ в вечность и к бессмертию всем религиозным и философским упованиям, разрушая, младенческими химическими или физическими опытами, и вечность, и бессмертие, думая своей детской тросточкой, как рычагом, шевелить дальние миры и заставляя всю вселенную отвечать отрицательно на религиозные надежды и стремления «отживших» людей.

Между тем, отрицая в человеке человека – с душой, с правами на бессмертие, он проповедовал какую-то правду, какую-то честность, какие-то стремления к лучшему порядку, к благородным целям, не замечая, что всё это делалось ненужным при том указываемом им случайном порядке бытия, где люди, по его словам, толпятся, как мошки в жаркую погоду в огромном столбе, сталкиваются, мнутятся, плодятся, питаются, греются и исчезают в бестолковом процессе жизни, чтоб завтра дать место другому такому же столбу.

«Да, если это так, – думала Вера, – тогда не стоит работать над собой, чтобы к концу жизни стать лучше, чище, правдивее, добрее. Зачем? Для обихода на несколько десятков лет? Для этого надо запастись, как муравью зернами на зиму, обиходным умением жить, такую честностью, которой синоним ловкость, такими зернами, чтоб хватило на жизнь, иногда очень короткую, чтоб было тепло, удобно... Какие же идеалы для муравьев? Нужны муравьиные добродетели... Но так ли это? Где доказательства?»

А он требовал не только честности, правды, добра, но и веры в свое учение, как требует ее другое учение, которое за нее обещает – бессмертие в будущем и, в залог этого обещания, дает и в настоящем просимое всякому, кто просит, кто стучится, кто ищет.

Новое учение не давало ничего, кроме того, что было до него: ту же жизнь, только с уничижениями, разочарованиями, и впереди обещало – смерть и тлен. Взявши девизы своих добродетелей из книги старого учения, оно обольстилось буквою их, не вникнув в дух и глубину, и требовало исполнения этой «буквы» с такою злобой и нетерпимостью, против которой остерегалось старое учение. Оставив себе одну животную жизнь, «новая сила» не создала вместо отринутого старого никакого другого, лучшего идеала жизни.

Вглядевшись и вслушавшись во всё, что проповедь юного апостола выдавала за новые правды, новое благо, новые откровения, она с удивлением увидела, что всё то, что было в его проповеди доброго и верного, – не ново, что оно взято из того же источника, откуда черпали и не новые люди, что семена всех этих новых идей, новой «цивилизации», которую он проповедовал так хвастливо и таинственно, заключены в старом учении.

От этого она только сильнее уверовала в последнее и убедилась, что – как далеко человек ни иди вперед, он не уйдет от него, если только не бросится с прямой дороги в сторону или не пойдет назад, что самые противники его черпают из него же, что, наконец, учение это – есть единственный, непогрешительный, совершеннейший идеал жизни, вне которого остаются только ошибки <...>

Вера не шла, боролась, – и незаметно, мало-помалу перешла сама в активную роль: воротить и его на дорогу уже испытанного добра и правды, увлечь, сначала в правду любви, человеческого, а не животного счастья, а там и дальше, в глубину ее веры, ее надежд!..».

Ужас, который «падение» Веры вызывает в ее патриархальном семействе, отдает изуверством, но настаивает Гончаров, и оно может быть преодолено любовью. И последний его «новый человек» Тушин, трепетно влюбленный в Веру, просто-таки считает ее «падение» не какой-то низостью, но просто ошибкой и несчастьем, в котором он готов ей помогать, покуда она будет в этом нуждаться. Именно этот дар верности и сострадания, а не выдающиеся деловые качества, и превращает Тушина (не переключка ли тут с толстовским капитаном Тушиным?) едва ли не в единственного безупречного – пожалуй, чересчур даже безупречного – героя романа.

Ценность экономических и политических учений должна быть испытана их отношением к любви – вот, пожалуй, главный урок «консерватора» Гончарова. Урок, возможно, сознательный. И ещё один урок, скорее всего бессознательный, – у консерватизма нет собственной грезы, пробуждающей в людях «смелость и огонь», как выразился о тайне обаяния Волохова сам Гончаров в своих критических заметках «Лучше поздно, чем никогда». Именно потому консерватизму так трудно обольщать романтическую молодежь, что она не может разглядеть смелости и огня в исполнении долга без изрядной примеси бунтарства.

Этим, «безочарованностью» грешит и «пробудившийся Обломов», пылкий эстет и одаренный дилетант Райский (тоже говорящая и более похожая на семинарскую, чем на дворянскую, фамилия): «Равнодушный ко всему на свете, кроме красоты, Райский покорялся ей до рабства, был холоден ко всему, где не находил ее, и груб, даже жесток, ко всякому безобразию». Вот его и не возбуждают серьезные дела: «Всякое так называемое «серьезное дело» мне кажется до крайности пошло и мелко. Я бы хотел разыграть остальную жизнь во что-нибудь, в какой-нибудь необыкновенный громадный труд, но я на это не способен, – не приготовлен: нет у нас дела! Или чтоб она разлетелась фейерверком, страстью!».

Но что представляется истинно великим самому Гончарову? Раздавленная своим унижением Вера внезапно испытывает сострадание к тоже истерзанному несчастной любовью Райскому, – «и в голове ее – отозвалось, кажется, всё, что есть великого в

сердце женщины: сострадание, самоотвержение, любовь». Райский и завершает свои метания мысленным обращением к женщинам: «Не манил я вас в глубокую бездну учености, ни на грубый, неженский труд, не входил с вами в споры о правах, отдавая вам первенство без спора. Мы не равны: вы выше нас, вы сила, мы ваше орудие. Не отнимайте у нас, говорил я вам, ни сохи, ни заступа, ни меча из рук. Мы взроем вам землю, украсим ее, спустимся в ее бездны, переплывем моря, пересчитаем звезды, – а вы, рождая нас, берёгите, как Провидение, наше детство и юность, воспитывайте нас честными, учите труду, человечности, добру и той любви, какую Творец вложил в ваши сердца, – и мы твердо вынесем битвы жизни и пойдем за вами вслед туда, где всё совершенно, где – вечная красота!»

Время сняло с вас много оков, наложенных лукавой и грубой тиранией: снимет и остальные, даст простор и свободу вашим великим, соединенным силам ума и сердца – и вы открыто пойдете своим путем и употребите эту свободу лучше, нежели мы употребляем свою!».

Райский и на последних римских страницах думает о них же, о любимых женщинах: «Ему хотелось бы набраться этой вечной красоты природы и искусства, пропитаться насквозь духом окаменелых преданий и унести всё с собой туда, в свою Малиновку...

За ним всё стояли и горячо звали к себе – его три фигуры: его Вера, его Марфинька, бабушка. А за ними стояла и сильнее их влекла его к себе – ещё другая, исполинская фигура, другая великая «бабушка» – Россия».

Намек понятен: двигателем прогресса должно быть не противоречие производительных сил и производственных отношений, а любовь к Родине-бабушке.

В письме 1877 года к известному государственному деятелю Валуеву, пробовавшему себя и в литературе, Гончаров писал, что не понимает тенденции «новых людей» заменить в художественной литературе чувство любви «другими чувствами и страстями, когда и в самой жизни это чувство занимает так много места, что служит то мотивом, то содержанием, то целью почти всякого стремления, всякого честолюбия, всякой деятельности, самолюбия и т. д.!». В этом суждении застарелого холостяка, доживавшего последние годы при чужом семействе, гораздо больше смелости и огня, чем во всех трактатах о производительности труда, ренте и финансах.

Доведенный чуть ли не до паранойи, подозревающий, что все кругом состоит в заговоре против него, измученный, но не сломленный в своих устремлениях романтик писал влюбленной в него по-видимому Софье Александровне Никитенко, дочери его коллеги по цензорскому цеху Александра Васильевича Никитенко: «Я стараюсь забыть об «Обрыве» и в этом следую общему примеру».

Но – никто не забыт, и ничто не забыто.

ПОД СЕНЬЮ ДРУЖНЫХ МУЗ

Ирина АНТОНОВА, журналист, шеф-редактор ТВ отдела ИД «Ульяновская правда», ведущая и автор телевизионных программ «На семи ветрах», «Под грифом «Секретно», «Святыни земли Симбирской» и других.

С ИМЕНЕМ ПЛАСТОВА

И снова «Пластовская осень», уже 13-я. Прислониха. Село готовилось открыть Международную ассамблею художников, посвящённую 130-летию со дня рождения народного художника СССР Аркадия Пластова, с размахом. Жители Прислонихи вдоль дороги расставляли столы, раскладывали сувениры, сделанные своими руками, на некоторых столах выложили пироги, грибы и мёд для дорогих гостей. Местный гармонист пробежался по клавишам, развернул меха – и полилась мелодия. Он сам запел весело, по-праздничному. А в другом конце ряда настраивался местный оркестр.

Слово куратору пленэра

В этом году «Пластовская осень» началась немного раньше, застав тёплые погожие деньки. Накануне в Прислониху – на малую родину великого живописца, на международный пленэр, который по традиции предваряет международную ассамблею, съехались мастера кисти из разных регионов страны и даже из Казахстана. Этот живописный уголок в Карсунском районе Ульяновской области притягивает художников не только природой, но и тем, что здесь когда-то жил и творил Пластов. Здесь до сих пор напротив Богоявленского храма утопает в зелени дом художника с резными воротами, любовно выпиленными руками самого Аркадия Александровича. А за ними находится мастерская, верно служившая Пластовым долгие годы. В ней по-прежнему

творит заслуженный художник России Николай Николаевич Пластов, когда бывает в родовом доме, – хранитель наследия деда.

Участники пленэра с первыми лучами солнца и пока не погаснут последние отблески заката быстрыми мазками стараются увековечить на холстах ускользающую красоту деревенских пейзажей.

«Такие художники приехали! Работяги! – восхищается трудолюбием своих коллег руководитель международного пленэра, лауреат премии в области изобразительного искусства им. Пластова Ирек Харисович Нуртдинов. – Они не спят. По 35 этюдов написать – это надо же! Прекрасные ребята! Компанейские, вечерами собираемся и обсуждаем». И тут же добавляет: «Ведь мы, художники, самые счастливые люди, хотя у нас карманы сейчас пустые, ничего

не покупается, но всё равно занимаемся этим делом. Это наше».

В 2017 году благодаря упорству Ирека Харисовича и при поддержке Ульяновского областного художественного музея удалось отремонтировать старый дом по соседству с домом Пластовых. Теперь этот Дом художников является местом, где живут и творят живописцы. До этого пленэристы ездили писать пластовские места из села Урень, которое находится примерно в 14 километрах от Прислонихи, что было неудобно. А сейчас даже в дождь участники пленэра могут делать зарисовки с крыльца.

Пленэристы

Художники-пленэристы

Как говорит куратор пленэра, в этом году с погодой повезло, было тепло, пасмурно и без дождей: «Когда облака, тревожное небо, это нам как раз на руку. В живописи сложная красота, она заключается в тревоге, печали и радости».

Ирек Харисович пригласил нас в Дом художников. В одной из комнат за мольбертом стоял живописец из Татарстана Ильнур Сиразиев. На его холсте девочка с косой цвета пшеницы и в ярко-розовой курточке любовалась лесными просторами на склонах Прислонихи. Ильнур Сиразиев участвовал в международном пленэре в четвёртый раз. По его мнению, Прислониха для художников святое место, поскольку здесь родился и работал Аркадий Александрович Пластов. «Мы этим именем вдохновляемся, – пояснил художник, – питаемся духом, аурой этой деревни, этих жителей, которые, слава Богу, сохраняют наследие Пластова». На 13-м пленэре Ильнур Сиразиев, по предложению куратора, писал портреты юных жителей Прислонихи – потомков тех прислонцов, которых запечатлел в своих работах Аркадий Пластов. Во время предыдущих пленэров ему позировали жители Прислонихи старшего поколения. Эти живописные портретные полотна художник уже не раз экспонировал в других регионах страны.

В этом году впервые в пленэре участвовал художник из Казахстана Нуршидин Баратов. Мы его застали во дворе Дома художников. Высокий с волнистой седой копной волос он старательно размещал свои работы на обычной приставной деревянной лестнице. «Как только я узнал, что могу участвовать в этом пленэре, меня просто-напросто стала распирать гордость за то, что поеду в такие

великие места и буду писать с такими прекрасными художниками плечом к плечу, потому что самое главное для художника – найти соплеменников и учиться у них мастерству, жить одной с ними средой. Да и сама по себе атмосфера здесь просто великолепная», – поделился своими впечатлениями Нуршидин Баратов.

Нуршидин Баратов

«График работы на пленэре напряжённый, – признался художник. Как правило, до завтрака успеваем написать один этюд, потом одну – после завтрака, после обеда и вечером – ещё по работе. Не всегда, конечно, так получалось, но старались сделать как можно больше. Но этот труд – большое наслаждение».

По словам Нуршидина Баратова, первое его знакомство с работами Аркадия Пластова состоялось ещё в школьные годы, когда он стал изучать «Родную речь». В учебнике он тогда впервые увидел картину Пластова «Сенокос». «Все художники, чьи работы были в «Родной речи», они как бы вбиты в наш мозговой код, – считает художник. – И Пластов всегда воспринимался мной как большой мастер. С годами раскрываешь всё больше и больше граней этого мастерства. Когда мы были в мастерской Пластова, мы почувствовали его дух. И когда пишешь здесь этюды, то происходит какой-то диалог с ним,

который сложно объяснить. Потом ты понимаешь, что в этих местах писал великий Мастер. Это обязывает относиться ко всем своим работам более корректно, более точно и более уважительно».

Нуршидин Баратов пообещал, что некоторые работы, выполненные в Прислонихе, будут выставлены на его персональной выставке в Государственном музее искусств имени А. Кастеева Республики Казахстан, он хочет показать всю красоту родины Пластова.

В день открытия «Пластовской осени» художники выставили свои итоговые работы, которые после окончания пленэра пополнят фонды Ульяновского областного художественного музея. Среди них были работы и наших ульяновских художников, Станислава Петровича и Людмилы Юрьевны Слесарских.

«Прислониха – это место, к которому хочется прислониться душой и сердцем. Прислониха – это место, которое забирает тебя полностью, если ты начинаешь с этим местом общаться, приезжать. Там надо пожить, там надо пообщаться с жителями, побывать в мастерской, испить из родника ледяной водицы. Надо это место почувствовать, чтобы оно стало близким, родным», – считает Людмила Юрьевна.

Те, кто знал Пластова

А на улицах Прислонихи до сих пор встречаются те, кого рисовал Аркадий Александрович. Напротив храма мы разговорились с Александрой Волковой (в девичестве Земчихиной), познакомились прямо напротив храма. Она призналась, что в детстве её рисовал Пластов.

«У меня была длинная коса, – вспоминает женщина. – А рисовал в саду. Я сидела на табуретке. Не раз приходила. Он мне пряников насыпет в подол, я и сижу. Пластов хороший был, я помню, у нас папа дрова ему привозил, он шофером был. Но я с ним не ездила, а брат Коля ездил. Так он говорил: «Придём – он нас в дом заведёт, угощает». Конфеты ему давал».

Тракторист Николай Шарымов

По дороге в музей разговорились с невысоким мужичком, оказалось, что это Анатолий Тоньшин. Он не позировал для картин Пластову, зато когда-то был одноклассником Николая Пластова –

Коля Кондратьев

внука Аркадия Александровича. «С Колей я десять лет учился в одном классе, – вспоминает он. – В Прислонихе тогда восьмилетка была, а 9–10-й класс мы ездили в Языково. Тогда Аркадию Александровичу завод подарил ГАЗ-69, вот на нём он нас возил в школу».

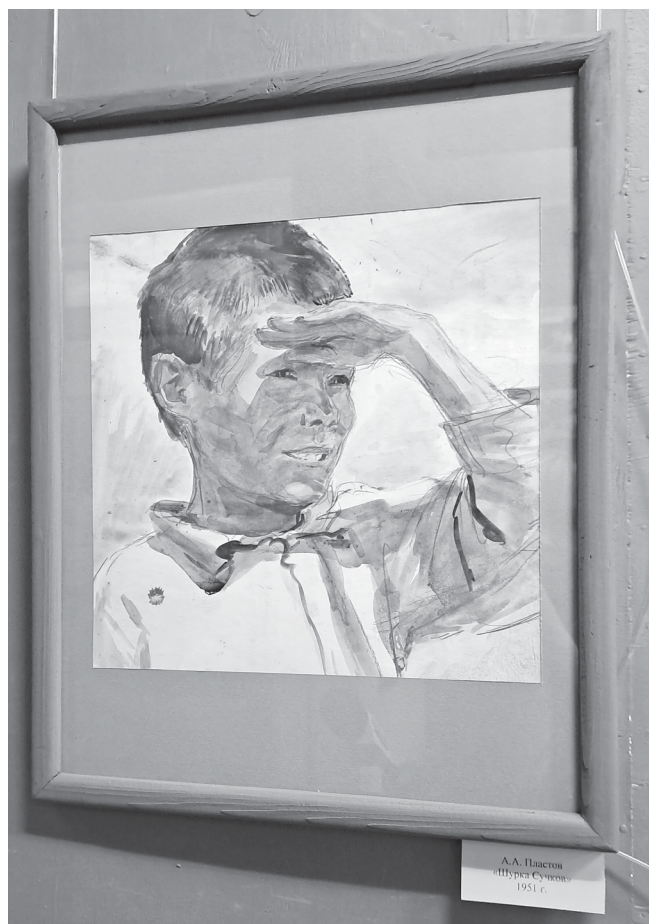
Графика Пластова

Графические портреты родственника Анатолия Тоньшина – Фёдора Тоньшина – мы увидели в Историко-художественном музее-заповеднике «Прислониха – родина А.А. Пластова» на юбилейной выставке «Аркадий Пластов. Графика» (6+). Фёдор Сергеевич был среди любимых натурщиков живописца. Портретные этюды Тоньшина вошли в композиции многих картин художника.

Портрет Фёдора Тоньшина

Экскурсию по открывшейся экспозиции нам провёл Николай Николаевич Пластов. Он отметил, что это первая выставка графических работ его деда в этом музее. В других экспозициях графика выступает как подсобный материал в витринах. «Всякое большое раздумье художника начинается с наброска, с рисунка, графического листа, – очень точно отметил Николай Николаевич, – и поэтому интересно проследить, как художник формировал свой интерес к окружающему пространству, людям, как ему было интересно в этих скупых средствах выразить полноту жизни. Это большая задача – изобразить так, чтобы в простом карандаше чувствовался почти цвет, чувствовался характер, движение души портретируемого».

Портрет Шурки Сучкова

Татьяна Юрьевна Пластова – жена Николая Николаевича, искусствовед, в свою очередь отметила, что графика Пластова ещё до конца не изучена и не экспонирована, как надо. «Пластов был великолепным рисовальщиком. Обучая своего сына рисунку, он всегда его просил посмотреть Гольбейна, Рубенса или Серова и копировать их работы. И нам бы тоже когда-нибудь хотелось выставить рисунки Пластова хотя бы с рисунками Серова. Пока мы их не сопоставим, выводов у нас точно не будет. Насколько значимая эта выставка, сложно говорить. Но Леонардо да Винчи считал, что все задачи художник выполняет в графике, а цвет – это только для публики».

Открыли голоса хора

Богослужение в Богоявленском храме, когда-то построенном по чертежам Григория Пластова, деда Аркадия Александровича, стало неотъемлемой частью всех мероприятий в Прислонихе, связанных с именем Пластова. После пожара в 2016 году его вновь возвели по чертежам и рисункам семьи Пластовых. Художник-иконописец из Сурского, ученик Пластова Александр Гордеев сделал резной иконостас.

На этот раз праздничный молебен в день открытия «Пластовской осени» украсили голоса мужского хора Московской государственной консерватории. Хор также открыл XIII Международную ассамблею художников «Пластовская осень» около памятника Аркадию Пластову, который установлен

Мужской хор Московской государственной консерватории

у дороги рядом с музеем. Первой поприветствовала гостей и участников «Пластовской осени» министр искусства и культурной политики региона Евгения Сидорова. Она напомнила, что в этом году XIII Международная ассамблея художников «Пластовская осень» является частью первого международного фестиваля «Аркадия» и включает множество мероприятий.

От этюда к картине

Вечером того же дня в ульяновском Музее А.А. Пластова состоялась открытие выставки работ Аркадия Александровича под названием «От этюда к картине...» (6+). Впервые Государственная Третьяковская галерея предоставила для выставки в Ульяновске два произведения мастера из своих фондов – «Ужин тракториста» (1961 г.) и «В деревне» («Кружка молока») (1961–1962 гг.). Экспозицию дополняют этюды к этим работам из собрания семьи художника.

Судьба картины «Ужин тракториста» складывалась драматично. В сталинское время она была подвергнута критике как не соответствующая идейным канонам социалистического реализма. Отвергнутая столичными музеями, она оказалась в собрании Иркутского областного художественного музея. Ее триумф пришелся на времена хрущевской «оттепели», когда картина прославилась не только на выставках в нашей стране, но и далеко за рубежом. Возросшая оценка живописного полотна стала причиной претензий на него со стороны Третьяковской галереи. Сотрудникам сибирского музея удалось вернуть картину в свою коллекцию. А для Государственной Третьяковской галереи Пластов в 1961 году создал ее повторение.

Картина «В деревне» была написана Пластовым в 1962 году тоже в родной Прислонихе. Другое ее название «Кружка молока» относит нас к происходящему на холсте: женщина с ребенком на коленях

доит одну из коров, а ребенок подставляет кружку, чтобы наполнить ее свежим молоком. К слову сказать, прототипом мальчика на картине является внук художника, Николай Николаевич Пластов. Произведение было написано в 1962 году.

Награды достойным

Вручением Международной премии в области изобразительного искусства имени А.А. Пластова завершилась 13-я «Пластовская осень». Награды вручал губернатор Алексей Русских. Лауреатом в номинации «За значительный вклад в развитие изобразительного искусства» стал Юрий Грищенко (г. Москва). В номинации «За значительный вклад в развитие декоративно-прикладного искусства» премии удостоена Надежда Лушина (г. Нижний Новгород). Награду в номинации «На родине А.А. Пластова» вручили Николаю Паймушкину (г. Ульяновск). В своей живописи Николай Иванович продолжает традиции русской реалистической школы. Как-то заслуженный художник России Станислав Петрович Слесарский очень точно сказал о работах лауреата: «Такой колорит может почувствовать только живописец. Нет ярких красок, потому что у нас природа такая, это же не Средняя Азия или юг. Тут очень тонко надо понять нашу природу. Краски у него сложные. Казалось бы, серо, а сейчас смотришь – да не серость это, а изысканность даже. Мне очень нравятся его весенние этюды, деревенские, снег, и то, что он пишет с натуры, когда долго не засидишься, потому что и холодно, и краски стынут. От его работ идет энергия».

Напомним, международная премия в области изобразительного искусства имени А.А. Пластова была учреждена в 2011 году. За годы существования Пластовской премии её лауреатами стали более 40 художников.

ОТ ЭТЮДА К КАРТИНЕ

Выставка в ульяновском Музее
А.А. Пластова

А.А. Пластов. «Ужин тракториста»

А.А. Пластов. «В деревне». («Кружка молока»)

ПЛАСТОВСКАЯ ОСЕНЬ

Картины и художники

«Каждая поездка в Прислониху – это отрыв от городской суеты и замкнутого пространства мастерской. Место, где можно надышаться цветом, ощутить творческую свободу, где в каждом уголке ощущается присутствие великого мастера – Аркадия Александровича Пластова. Это общение в мастерской с Н.Н. и Т.Ю. Пластовыми, которые каждый раз открывают для художников все новые и новые грани биографии и творческого наследия великого мастера».

Станислав СЛЕСАРСКИЙ

*Станислав Слесарский,
заслуженный художник России,
лауреат Международной премии А.А. Пластова*

Станислав Слесарский. «Дворик в Прислонихе». Х. м. 70x80

*Людмила Слесарская,
член Союза художников России и член Творческого
Союза Художников России от Республики Татарстан*

«Подарок августа». Картон, акрил, 60x70

Людмила Слесарская. «Тыквы в яблоках». Картон, акрил, 70x80

*Ирек Нуртдинов,
член Союза художников России,
лауреат премии в области
изобразительного искусства
имени А.А. Пластова,
руководитель международного
пенэра*

Ирек Нуртдинов. «Прислониха». Картон, масло, 50x70

Ирек Нуртдинов. «Сентябрь. Прислониха». Холст, масло, 50x70

***

Осень нынче какая! Собор сентября златоглавен.
 Я на пороге стою – полон сегодня храм.
 Скажут: «Апостол», а сердце добавит: «Павел».
 Скажут: «Креститель» – я выдохну: «Ио-анн».
 Ветер колышет листву – фолиант старой рощи листает.
 – Русь... – прошумит, а душа отзовется ему:
 – Святая.

*Гороховец на Клязьме.
 Благовещенский собор*

Нина ОРЛОВА-МАРКГРАФ

Фото Владимира ЛАМЗИНА

ОТКРЫТАЯ ДВЕРЬ

Картины Бориса Клевогина (1953–2023)

Открытая дверь. 1992

Натюрморт с книгой. 2014

Зимний день в Ульяновске. 1985. УОХМ

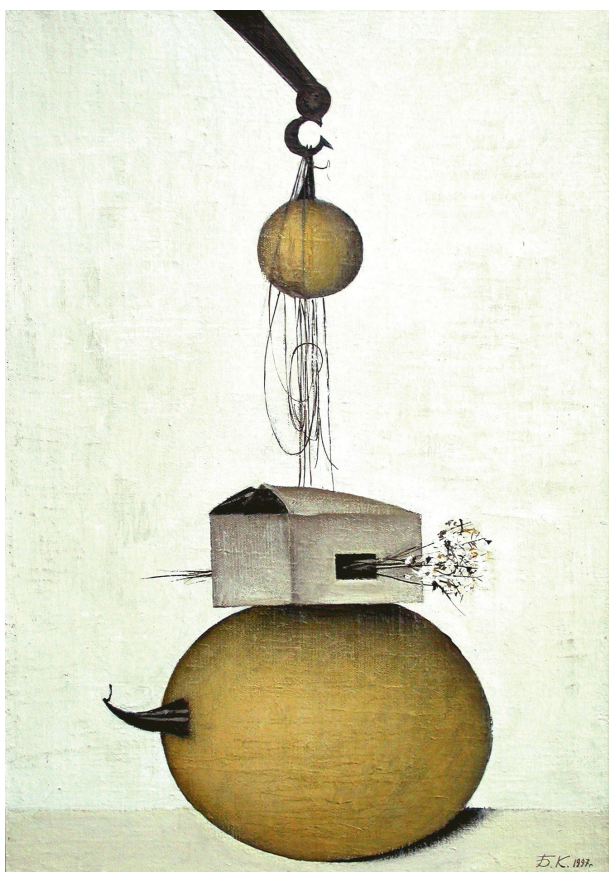

Зимний пейзаж с лиственницами. 1981

Пейзаж с церковью. Деревня Кокрять. 2015, холст, масло, 80x100

Натюрморт с тыквами. 1997

Самовары. 2002

Борис Клевогин. Автопортрет. 1981

Дети. 1985. 120x90. УОХМ

Нина. Портрет жены. 1990

Елена СЕРГЕЕВА, искусствовед, заведующая Музеем изобразительного искусства XX–XXI вв., филиала Ульяновского областного художественного музея.

ЖИВОПИСНЫЕ ГАРМОНИИ. БОРИС КЛЕВОГИН

Посвящается 70-летию художника

*В одном мгновенье видеть вечность,
Огромный мир – в зерне песка,
В единой горсти – бесконечность,
И небо – в чашечке цветка.
Уильям БЛЕЙК (Перевод Самуила Маршака)*

Борис Васильевич Клевогин (24 сентября 1953, Ульяновск – 21 июня 2023, Ульяновск). Заслуженный художник РФ, лауреат Международной премии в области изобразительного искусства имени Аркадия Пластова, награжден серебряной медалью Академии художеств РФ, серебряной и золотой медалями СХ РФ. В 1974 году окончил Пензенское художественное училище имени К.А. Савицкого. С 1982 года член Союза художников РФ. В 2002–2012 гг. член правления Ульяновской организации Союза художников РФ. С 1975 года участник областных, зональных, всероссийских, всероссийских, международных выставок. Персональные выставки проходили в Ульяновске, Димитровграде (Ульяновской области), Самаре, Цюрихе (Швейцария). Б.В. Клевогин принимал участие в концептуальных, тематических выставках в Музее изобразительного искусства XX–XXI вв., филиале Ульяновского областного художественного музея. Произведения художника находятся в собрании Ульяновского областного художественного музея, Министерства культуры РФ, частных коллекциях и галереях России (Ульяновск, Москва, Санкт-Петербург, Самара, Краснодар), во Франции, Германии, США, Великобритании, Швейцарии.

Борис Клевогин – истинный русский интеллигент, душевно тонкий человек, вобравший в себя качества художника, не гнавшегося за модными, часто временными актуальными темами. Борис Клевогин – один из известных российских мастеров лирического направления в живописи. Он любил приходить в наш музей, а мы – в его мастерскую, которую многие называли, как в XIX веке, ателье за особый простор, несмотря на плотно завешанные картинами стены, призывающими к глубоким размышлениям.

Жизнь и творчество Бориса Клевогина неразрывно связаны с Ульяновском. Здесь он сформировался как самобытный живописец, отсюда его темы, отражающие и невероятным образом соединяющие быт и Бытие, поиски ответа на вопрос о возможности гармонического существования человека в современном мире.

По характеру склонный к созерцательности, сдержанности, он и в творчестве искал тихой умиротворенности. Клевогин создавал серии пейзажей, интерьеров, натюрмортов, жанровых картин чаще

всего с одним мотивом, стремясь выразить его глубинный смысл, в то же время неизменно предлагая различные возможности интерпретаций. Это можно воспринимать как своеобразную ностальгию, но не по прошлому, а по настоящему, словно ускользающему в пространстве исторических воспоминаний.

Формирование творчества Бориса Клевогина проходило в полном единении с идеями, которые выдвигались молодыми художниками в начале 1970-х годов. Ещё не утихли волны, созданные мастерами «сурового стиля», – мощные по живописи, подчеркнутой монументальности, искренней патетике, востребованные и новым поколением. В то же время молодые художники искали новые смыслы, облаченные в иные живописные формы, что обождалось в качестве антитезы «суровому стилю». «Буре и натиску» противопоставлялось обращение не к героизации истории, а, напротив, к ее «домашнему», по-человечески светлому и бесконфликтному проживанию.

Возможным становится иной масштаб, когда основательную и устойчивую монументальность формы художник заключает в небольшой формат, при этом, однако, не фрагментируя изображение. Это соответствовало лирико-романтическому, интимному настрою, без намека на декларативность и пафос. Собственно, пафос исчезает, как часть официального искусства, давая не столько реалистически выверенные, сколько наполненные романтической символикой, включенные в обыденные параметры сюжетов.

Буквально стремительное обращение к романтическим тенденциям предлагало обозначить первородство поэтической сути окружающего пространства. Такое постижение мира принималось как данность, а уход в сферу личных чувств и переживаний ценились более всего. Не вступать в полемику, а предложить новые возможности для развития творческого процесса – главный постулат для многих художников того времени, и Клевогин был одним из них.

В то же время в формировании творческого метода знаковым становилось следование традициям мирового искусства. Острой необходимостью было доскональное изучение художественной истории, в которой можно было обнаружить аналоги с сегодняшним временем. Каждый мог обрести учителей из различных эпох, следуя собственным представлениям. Именно традиции стали своего рода проводниками в формировании нового творческого импульса, а также своеобразным спасением от зашедшего в тупик «идеологически правильного» официального искусства. Для Бориса Клевогина, скорее всего, откровением стало обращение к монументальной размерности итальянского квартученто, традициям русской художественной школы первой половины XIX века и, отчасти, русского классического авангарда.

Для художника естественность и органичность творческой эволюции достигалась посредством философски-лирического решения образов, а порой через ироничность высказывания. Но неизменными всегда оставались поэтичность, особая музыкальность и благородная изысканность колорита.

Ранние работы отличаются широкой пастозной манерой письма, особенно это проявилось в серии южных пейзажей. Уже тогда определилась важная временная основа: художник пишет все больше вечерние или ночные пейзажи, находя в них новые живописные, поистине фантастические возможности. В сельских пейзажах 1980-х – начала 1990-х годов, запечатлевших также ночное время, таинственные и потому притягательные ноты ещё более обостряются. Для Клевогина жизнь вне города – микрокосм, явный, основательный. В картинах, посвященных деревенским мотивам, усиливаются поиски нового прочтения окружающего пространства – повторяющаяся плотная «космическая» синева окон, неба, заснеженной земли. Но художник всякий раз убеждает: при кажущейся устойчивости мир каждую минуту формируется заново.

Со временем плотная живопись ландшафтных пейзажей уступает место гармонической основе колорита, построенного на тонких переходах тонов.

Еще одна особенность творчества Клевогина – органичное соединение реалистических деталей и почти абстрагированных декоративных элементов, часто представленных в единой композиции. Начало было положено в пейзажах, соединивших городские и сельские мотивы. Отправной точкой стала картина «Первый снег» (1992–2013), где яркие металлические конструкции детской площадки «поданы» на фоне сгармонизированного загородного пейзажа. Создается диалог двуполярного мира – природы и человека. «Пейзаж с восходящим солнцем» (2013) – простор декоративного свойства. Ярко-синий локальный цвет занимает почти всю поверхность холста, контрастируя с полукругом ярко-красного солнца, столбы электропередачи провоцируют на поиски едва угадываемой тропы, определяющей направление к горизонту.

Пейзажи последних лет написаны все больше за городом. Они почти монохромны, лишь детали вносят смысловое и цветовое разнообразие. И если в композициях лодки, фигуры лошадей больше угадываются, едва различимые на фоне «сдружества воды и неба», то небольшие островки на реке кажутся вполне реальными и контрастными дальнему «берегу-миражу».

Один из немногих монументальных пейзажей 1980-х годов – «На Волге» (1986, УОХМ). В нем заложено то, что станет главенствующим в более поздних панорамных полотнах: путь от обыденности мотива к необычности его выражения. Ощущение свежести и ясности передается через общее состояние природы, не загруженной повествовательными деталями, именно эти свойства отражены в пейзажах 2000-х годов.

Борис Клевогин. На Волге. 1986. УОХМ

Близки пейзажам по настроению композиции, в которых главное место занимают масштабные изображения животных – пронзительные по лирическому звучанию картины. В них органично присутствуют мифологические чувствования: сказочно-фольклорная основа передается не формально, а в ее глубинном представлении о воссоединении всех форм существования. Композиция «Бык» (2014) – живописный символ доброй силы, решенный строго и лаконично, как и «лунная дорожка – ковер», не столько видимая, сколько угаданная. Огромная «Сова» (2013), занимающая почти

все пространство холста, любопытна, большой глаз смотрит на мир не с тревогой, а надеждой.

Город в картинах Клевогина полон парадоксов. Мегаполис становится полем, на котором встречаются незнакомцы в автобусах, переходах, телефонных будках. Присутствие человека не всегда обязательно – пустынные лестницы многоэтажек и коридоры. С одной стороны, Клевогин подчеркивает аскетизм новостроек, с другой – в современном ритме избирает своеобразную паузу. За монументальностью современных зданий, безликостью городских окраин прячется таинство затихшего города, тени людей словно ускользают от зрителя. Будничная простота мотивов обманчива. В большом диапазоне колористических оттенков, в кажущейся тишине Клевогин точно отыскивал нужные для устройства собственного мира гармонии.

Вечернее время в городских композициях диктует человеку спокойную естественность, в каком-то смысле умиротворенность. В то же время место действия придает новую смысловую нагрузку сюжету, наполняя картины случайными попутчиками в салоне автобуса, прохожими около уличного перехода («Переход». 1988). Однако художник резко разграничивал поиски гармонического существования человека в мегаполисе и ту «закованность» и своеобразно решенную «несвободу». Знаковой картиной в этом ряду можно считать «Телефоны» (1990), в наше время ставшие архаикой ушедшего столетия. Монохромная живопись, состоящая из разнообразных градаций серого цвета, резко ограничивает минутную жизнь в телефонной будке от уличных шумов. Ограничитель – выкрашенные в резкие красные тона двери будок. Такой же ограничитель в виде ярко-красных перил – в интерьере многоквартирного дома («Лестница». 1989). Но художник уверен, что резкому красочному «вторжению» не суждено разрушить тонкую хрупкую основу миропорядка.

Клевогин – признанный мастер картин с изображением интерьеров. Причем в ранних работах большая роль придавалась сюжетным мотивам. Если пейзажи, как правило, безлюдны (в них человек предугадывается как часть цельного мира), то интерьеры – место для бесконечных и доверительных диалогов («Лунный свет. Веранда». 1983, «Затянувшаяся партия». 1983. УОХМ). «Объектом внимания» часто становится мастерская художника: в 1980–1990-е годы созданы работы «Мастерская» (1987), «Открытая дверь» (1989), «Зеркало» (1989), «Открывшаяся дверь» (1989), «Зимние сумерки» (1990, УОХМ), «Мастерские. Первая и четвёртая» (1991). В них обитают тени людей, оставляющих после себя чуть смутные силуэты. Это соединение прошлого, настоящего, может быть, неожиданно будущего. Клевогин безошибочно находил в современных интерьерах связь времен: тот же благородный покой, та же неспешность, что запечатлена была в картинах русских мастеров первой половины XIX века. Имманентная идентичность в поисках гармонии дает возможность для воссоединения эпох. Движение теней дается без напряжения, они есть и современность, в то же время – частица прошлого.

Борис Клевогин. Зимние сумерки. 1990. УОХМ

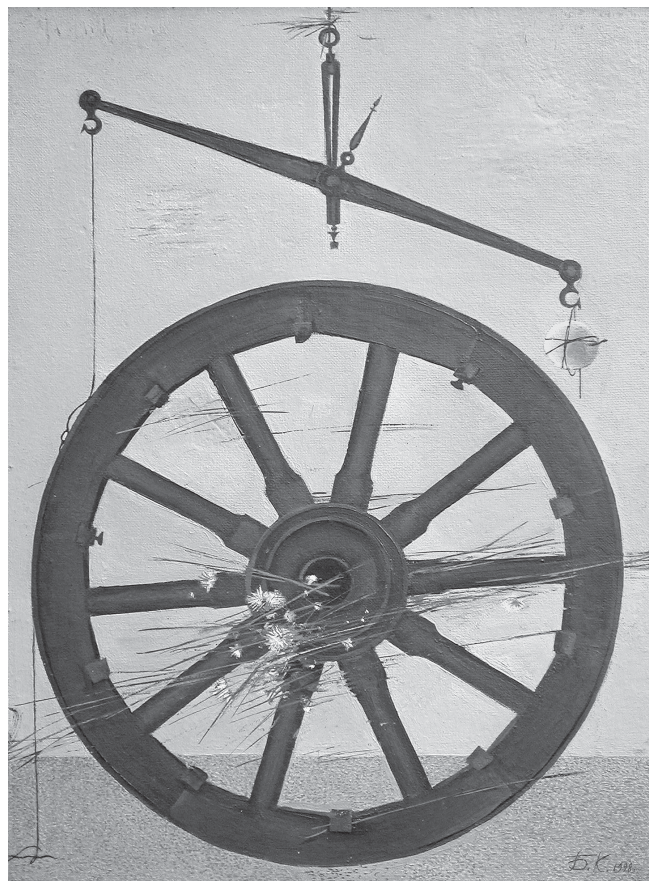
В портретах, к которым Клевогин обращался на протяжении многих лет, пригодились традиции, полученные от изучения искусства кватроченто. Наиболее отчетливо это проявилось в портретах друзей, жены, дочери, сына. Отсутствие рассказа восполняется спокойной уверенностью и благородством модели, в то же время развитием ассоциативных возможностей. Так, «Велосипедист. Портрет сына» (1990) существует на грани движения и покоя, пространство поделено на две части – свет и тень рассеяны желтой солнечной дорожкой. Такой прием деления пространства повторяется и в натюрмортах, усиливая их метафорический смысл. Клевогин создавал диаметрально противоположные композиции. Первые – это предметы в реальном мире: овощи, фрукты в корзине, цветы, книги на столе. Они отличаются стойкой вещественностью, а часто, словно помимо действий автора, организуют художественный хаос. Другие – это символы, созданные в качестве антитезы, – живописная гиперболизация этих же предметов. В ассоциативных натюрмортах количество предметов ограничено. Они – странные аналоги человеческих страстей, каждому придается главная роль, и хор из многочисленных «героев» здесь неуместен.

Натюрморт – жанр, в котором художник чувствовал себя естественно и был «призван» выступать в роли создателя мизансцен. Кодирование смыслов – забота автора, возможность его расшифровки в каждом изображении предоставлена зрителю. Художник понимал глубину кодов при их внешней занимательности, то особое значение, которое жанр получил ещё в начале XX века, перестав быть лишь изображением предмета как такового. В творчестве Клевогина 1980-х годов диапазон сюжетов в натюрмортах был достаточно широк. В ранних работах «бархатистость» фактуры провоцировала принять обыденную утварь в ином, чисто живописном ракурсе. Дальше Клевогин все чаще предлагал своим «героям» новые живописные приключения. Его кактусы пугающе самостоятельны, яблоки

в мерцающем свете вбирают в себя это странно-лунное свечение, груши тают в пространстве, глиняная посуда благодаря теплым светлым фонам становится более пластичной, теряя свою скуполохотную окраску, и проросшая картошка преобразуется, обретая новый смысл и упоенность своим декоративным качеством. Пространство может быть глубоким, в «Натюрморте с картошкой» (1993) имеющее свою «лунную дорожку», может – ограниченным (тогда предметы выходят на своеобразную авансцену). В натюрмортах всегда присутствует многогранность в их решении и построении – от яркого, почти локального использования цвета до точных, выверенных, почти монохромных тонов. В работах вполне может соблюдаться гармоничное соединение реалистически написанных предметов с их почти условным обозначением. Это «почти» для художника было очень важно, как и контраст рационального и стихийно-эмоционального начал. Каждая вещь – носитель определенных смыслов и ценностей. «Яблоки на столе» (1993) с красным «пограничным» обрамлением столешницы, «удирающим» от центра композиции ножом (художник любил сдвигать от центра предметы), растворяются в пространстве холста, лишая его интересной основы.

Столы со смещенными от центра единичными предметами – в «Натюрморте с мукой» (1998), «Натюрморте с подковой» (2015) – создают свой вектор движения, становятся поводом для неожиданных интерпретаций. Фон либо очень деликатен (он является своеобразной плоскостной подставкой для предметов), либо резко разделен открытыми контрастными тонами. Он может быть введен в структуру сюжета, следуя за ним, продолжая его настрой. Бывает, что фон в натюрмортах «съедает» очертания предметов, становясь одним из важных героев полотна.

«Натюрморты-спектакли» Бориса Клевогина многообразны: это может быть комедия, трагедия, порой трагифарс. Драматические коллизии иногда заложены в мотиве, но чаще они сосредоточены внутри предмета, не сразу раскрывающего свою суть. Вещи почти вырвались из рук человека, обрета свободу (как старые самовары и керосинки, окружившие себя пучками и букетами сухих цветов и трав), но ещё ощущают тепло этих рук. Как правило, такие натюрморты отличаются мягким, теплым колоритом. Натюрморты со старинными книгами, гусяными перьями, лампами, утюгами, весами, якорями сбрасывают с себя флер исторической принадлежности, измеряя уже наше время. Но вместе с тем они оставляют ностальгические ноты, относящиеся к поэтическому началу «пушкинского века». Клевогин создал серию натюрмортов с различными брошенными за ненадобностью «железяками» – это по-человечески жизненная ситуация, с постоянной борьбой и примирением. В натюрморте обобщенность и независимость «героев» не создает мир «новой реальности», а естественно вписывается в нее. Часто это своеобразный диалог: столкновение двух старых утюгов, гиря, зависшая над яйцом.

Борис Клевогин. Колесо. 1998. УОХМ

Художник подчас вносил в мир предметов поистине драматический смысл. Часто изображаемые в натюрмортах весы означают постоянные поиски равновесия во всех, порой неожиданных смыслах. Неустойчивость всего, что нас окружает, тем не менее всегда призывала художника вновь и вновь искать идеал и гармонию.

Клевогин любил писать тыквы, кажется, в таком постоянстве для него открывался поиск их живописного эквивалента: они разнообразны по форме, фактуре. Разительность контрастов, резкие сопоставления живописной массы в одних работах соседствуют с гиперболизацией одного цвета – в других. В натюрмортах Клевогина, как и в пейзажах абстрагированное решение мирно сосуществует с особой торжественной реальностью.

В своих произведениях художник умел абсолютно точно совмещать традиционную вещную основу с чертами таинственно-загадочными, построенными на смысловых парадоксах.

...Старое скрипучее колесо от телеги ни к чему не приставлено. Оно катится само по себе, цепляя разные травы и полевые цветы. И весы, покачиваясь над ним, вторят этому движению («Колесо». 1998. УОХМ). В картинах Б.В. Клевогина жизнь идет своим чередом, поиски гармонии в них постоянны. В мире, так деликатно и тонко, глубоко, порой странно и необычно представленном. Искусство художника – продолжение его жизни. Всё остается людям.

ЧЕРЕМШАН

НОВЫЕ ИМЕНА В РУБРИКЕ «ЧЕРЕМШАН»

ЗНАКОМЬТЕСЬ, ЭДГАР КОБЕЛЕВ!

Эдгар – один из самых молодых авторов писательской организации «Слово». Родился в Димитровграде, там же окончил среднюю школу, сейчас студент 4-го курса Самарского государственного института культуры, учится на актера. Музыкант, композитор, вокалист, поэт.

ПОПЫТКИ ХАЙДЗИНА

***

Старый китобой
Каждый день вспоминает
Голоса китов.

***

Радует цветок
Тёплое объятие
Мокрого грунта.
А за окном суета:
Гудят автомобили.

***

Лезу на гору,
Чтобы узреть красоту.
Ах, если бы знать,
Что гора под ногами –
То, что я ищу.

***

Взлетает перо
В последнем касании,
Но падает лист.

* * *

Привык к металлу.
Не страшна, а радостна
Встреча с крапивой.

* * *

В пиале с чаем
Большая медведица –
Гадаю по Шу.

* * *

Боюсь, проснувшись,
Осознать, что теперь я
Другой человек.

* * *

Играем в прятки:
Тебя легко отыскать
Внутри моих снов.

* * *

Не идёт гулять,
Вспоминает прогулки
Пустой ошейник.

* * *

Щурится закат,
Нехотя освещая
Дорогу к звёздам.

* * *

Как беспощадно
Завораживает дух
Золотой песок.

* * *

Секунда – ничто.
Но сколько таят в себе
Три миллиарда.

* * *

Посуда хранит
Печали и мудрости
Бескрайних полей.

* * *

Крепко сжав челюсть,
Молча ударь кулаком.
Отступит стена.

* * *

Не остановить.
Не убежать. Не уснуть.
Колокольный звон.

* * *

Рождает третье,
Рождает единое
Слияние двух.

* * *

Вода уходит,
Не удостоив песок
Жестом прощальным.

* * *

Я снова в плену
Детского странного сна.
Тревожная ночь.

* * *

Навстречу земле
Летит в одиночестве
Часть листопада.

* * *

Ночь средь бела дня –
Красное солнце стало
Вдруг красной луной.

* * *

Знают ступени:
На облачной высоте
Холоден воздух.

* * *

Что в твоей душе
Может удивить вечность?
Готовься к ночи.

* * *

Скромная птица,
Слепой теряет тропу
В безмолвном лесу.
Наполни мир музыкой,
Лето плачет без песни.

* * *

Тени уходят
К утру. Летнее солнце
Гонит их светом.
Зимой тени сильнее,
Ты ценишь солнечный свет?

Елена БЕЛОВА, главный библиотекарь модельной центральной городской специализированной библиотеки им. И.А. Гончарова, муниципального бюджетного учреждения культуры «Централизованная библиотечная система», г. Ульяновск.

ЛЮБЕЗНОМУ ЧИТАТЕЛЮ

О СВЕТЛОМ ПРОШЛОМ, ИЛИ ЖИЗНЬ КАК БЛАГО

Книжный обзор

В 2023 году одна из самых главных библиотек города – модельная центральная городская библиотека имени Ивана Гончарова – отмечает юбилей, ей исполняется 55 лет. На протяжении юбилейного года мы знакомим читателей литературного журнала «Симбирскъ» с книгами, которые советуем прочитать.

Библиотекарью всегда хочется поделиться с вами книгой, которая затронула его душу, оставила след, впечатление, вопросы или подарила светлые воспоминания.

Взяв в руки эту книгу, вы перенесетесь эпоху Советского Союза, в детство героя, а может быть, и в свое детство тоже, прогуляетесь по улицам прошлого и, наверное, на вашем лице появится улыбка. А кто-то из читателей, зная этот период времени только лишь по школьным учебникам истории и по рассказам родителей, откроет его для себя с запахами, вкусами, песнями, житейскими радостями и горестями – с мельчайшими подробностями. Автор книги, Юрий Поляков, виртуозно описывает детский мир советского мальчика и московскую жизнь конца 60-х годов XX века.

И это не разъединяет читателей по возрастным интересам, а наоборот – сближает! Общая точка соприкосновения – Детство. Почти каждая страница прочитанного подарит вам узнавание себя, даже если вы не жили в это время. Просто проснутся в сознании личные ассоциации пережитого и прочувствованного, когда вы были маленькими, когда многие события в жизни происходили впервые и когда обычные вещи казались чудом. Неслучайно произведение имеет подзаголовок «Книга о светлом прошлом».

Недавно вышедшая повесть **Юрия Полякова**, известного русского писателя, одного из самых читаемых авторов России, прозаика, публициста, драматурга, поэта, члена Союза писателей СССР с 1981 года, кандидата филологических наук, почетного профессора МГОУ, – «Совдетство-2», которая сразу стала бестселлером и покорила читателей ностальгической тонкой иронией автора,

уникальным стилем, точным и образным, художественным мастерством и чувством юмора. Продолжение истории героя книги Юрия Полякова, шестиклассника, глазами которого мы увидим летнюю столицу 1968 года, майский пикник в парке, деревню дедушки в волжских просторах, прощальный пионерский костер и первое увлечение – это своего рода 3D-экскурсия по тропинкам детства, встреча с самим собой. Авторская камера все время разворачивается под таким углом, чтобы в объектив попало как можно больше бытовых и психологических деталей, ярких событий из жизни маленького героя – Юрия Полякова.

«...Голос из прекрасного далёка, голос утренний в серебряной росе...», как поется в песне Е. Крылатова и Ю. Энтина, и жизнеутверждающая проза не оставит вас равнодушными.

Легендарный режиссер Федерико Феллини, прочитав книгу Виктории Токаревой на итальянском, сказал: «Какое доброе дарование. Она воспринимает жизнь не как испытание, а как благо». Писатель Юрий Нагибин написал: «Токарева смотрит на мир так, как будто другие глаза до нее его ещё не видели».

Ряд рассказов и повестей **Виктории Токаревой** послужил литературной основой для сценариев художественных фильмов: «Мимино», «Шла собака по роялю», «Джентльмены удачи» и др. Для нескольких поколений читателей ее имя стало символом современной «городской прозы», а повести и рассказы из-под ее пера – бестселлерами. Тематика ее рассказов и повестей многообразна и многопланова. Токареву интересуют нравственные категории, душевные переживания, рефлексии, потребность человека в самовыражении, страхе одиночества.

Секрет притягательности ее книг заключается в гармоничном сплаве нескольких вещей: мастерской композиции рассказа, виртуозным владением словом, любви и интереса к людям, тонких наблюдений над человеческой природой. В ее рассказах, вызывающих улыбку или слезы, неизменно одно: они вызывают душевное сопереживание, сердечный отклик, увлекают и доставляют удовольствие от чтения. Остается ощущение чего-то детского, доброго и светлого, как рождественский снег или летний дождь. Тонкий юмор, глубокое понимание человеческих эмоций и поступков, умение видеть в обычной жизни и в обычных людях свет и радость, честность по отношению к героям и к читателям – вот что отличает прозу Виктории Токаревой.

В сборник прозы **Виктории Токаревой** «Жена поэта», изданный в 2019 году, вошли повесть и несколько рассказов. Автор пишет, в частности, и о знакомых литераторах. Так, рассказ «Поздняя любовь» – о писателе Владимире Войновиче, о его жизненных перипетиях, о любви.

В книге удивляет умение автора понимать и раскрывать человеческие характеры, рассказывать просто о сложном. Именно через любовь как основу художественного мироощущения писательницы раскрывается личность, внутреннее душевное устройство персонажей. Так... автор приближает своих героев к пониманию мира и места человека в нем, и учит читателя сопереживать и, действительно, даже через испытания «воспринимать жизнь как благо».

С автором можно связаться по электронной почте ulcgb@bk.ru

ОТКРЫТИЕ ВЫСТАВКИ «КРАСКИ РОДИНЫ МОЕЙ» (6+)

В прекрасные, богатые на яркие события сентябрьские дни в выставочном зале Дворца книги – Ульяновской областной научной библиотеки имени В.И. Ленина – состоялось открытие персональной выставки живописных и графических работ ульяновского художника Вячеслава Александровича Таранова.

Вячеслав Александрович Таранов – член Союза художников России с 2015 года. Участник трех всероссийских выставок: 2015 г. – «Выставка, посвященная 700-летию Сергия Радонежского», 2016 г. – «Красные Ворота. Против течения», 2023 г. – «Большая Волга», «Культурный код народов Поволжья».

Открытие персональной выставки предоставляет художнику возможность поделиться своими работами и идеями с обществом. На открытие персональной выставки поздравить Вячеслава Таранова пришли Елена Викторовна Куракова, заместитель начальника департамента культурной политики министерства искусства и культурной политики Ульяновской области; Николай Константинович Маврин, председатель Ульяновского регионального отделения ВТОО «Союз художников России»; Ольга Николаевна Даранова, председатель Ульяновского регионального отделения ООО «Союз писателей России»; Илья Александрович Таранов, член Союза писателей России, автор семи книг для детей, член Карамзинского фонда поддержки культурно-исторического наследия; Анатолий Николаевич Марасов, один из организаторов Любимцевских чтений и др. Были сказаны добрые слова и напутствия в адрес художника.

Картины Вячеслава Таранова имеют поразительную способность тонко передавать настроение, они светлы и легки.

На персональной выставке В.А. Таранова представлено более 60 картин. Среди них пейзажи с видом на Волгу «Город на холме», «Императорский мост в Ульяновске», «Беседка Гончарова». Здесь можно взглянуть глазами художника на сельские

Портрет А.С. Пушкина в дар Дворцу книги

пейзажи и храмы сёл Арское и Прислониха («Мир нашему дому», «Прислониха»), на простые виды природы российской глубинки. Главная тема творчества – «Уголок России». В своих работах В.А. Таранов передает красоту родного края. Его картины несут тепло. Каждая картина – это маленькая вселенная, наполненная чувствами и смыслами.

Вячеслав – многожанровый художник. Он график, пейзажист и портретист, иллюстратор.

С лёгкой руки своего старшего брата Ильи, ныне известного ульяновского писателя, Вячеслав Таранов принимал участие в подготовке к изданию нескольких литературных проектов. На сегодняшний день издано несколько книг с иллюстрациями и обложками, выполненными Вячеславом Тарановым, в том числе повести Ильи Александровича Таранова «Как Богдан Хитрово Симбирск строил» и «Как Стенька Разин по Волге ходил...», а также несколько детских произведений Ильи Александровича. На выставке также можно увидеть иллюстрации к этим изданиям.

Вячеслав Таранов создал два разных по стилю портрета А.С. Пушкина. Сам художник говорит: «Я хочу показать Александра Сергеевича именно таким, каким «знаю» его сам, и через какой-то промежуток времени опять буду писать его, так как со временем происходит переосмысление казалось бы очевидных и незыблемых форм и содержания...»

В заключение церемонии В.А. Таранов преподнёс в дар Дворцу книги один из портретов А.С. Пушкина.

Лариса УТИНА.

Отдел литературы по искусству Дворца книги

РОДНЫЕ ПРОСТОРЫ ВЯЧЕСЛАВА ТАРАНОВА

В пойме реки Свяга. 2012. Холст, масло, 40х60

Родные просторы. 2014. Холст, масло, 60х90

Свияжский спуск

Уголок России

Холодный август

120 ШАГОВ ДО ВОЛГИ

Из летнего дневника художника и путешественника Юлии Узрютовой

От автора:

«В этот теплый сезон я продолжила делать акварельные зарисовки на пленэрах, а также набиралась вдохновения в поездках по области и в соседние города. Вот мой небольшой летний творческий дневник».

2 мая. А что если свернуть с улицы во двор? Например, на ул. Л. Толстого, 69. Это деревянное двухэтажное здание было построено в 1906 году женой врача Т. Снежницкой (находилось оно в одной усадьбе с домом №71). Если не обращать внимания на пластиковые окна и другие приметы нашего времени, думаю, по таким дворам можно представить, как жил Симбирск сто лет назад.

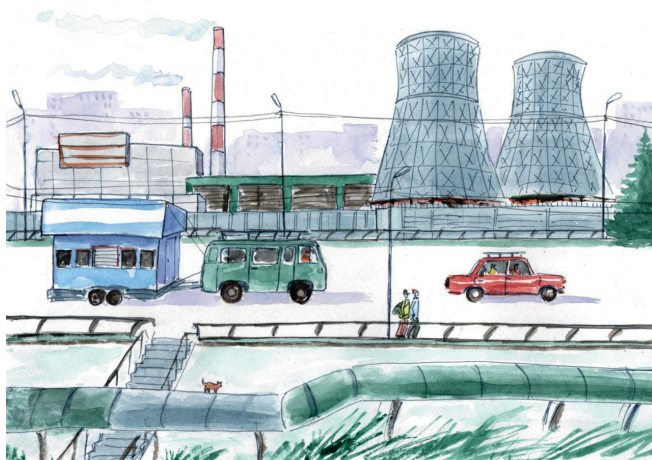
2 мая. Улица Льва Толстого со двора

21 мая. Приступила к картине «Теремок над Волгой». Это прекрасный голубой деревянный дом на легковой восьмерке в Ульяновске. В апреле побывала там на экскурсии и решила, что обязательно его нарисую. Так и представляется симбирянин, вышедший на балкон и оглядывающий волжские дали, или симбирская семья за чаепитием! Несколько лет здесь проводятся экскурсии. Проблем у дома хватает, и экскурсии – один из способов привлечь внимание к вопросу сохранения объекта культурного наследия регионального значения «Дом архитектора Саввы Ниловича Огонь-Догановского» (1895 г.)

21 мая. Теремок

23 мая. Продолжаю работу над иллюстрациями к книге Галы Узрютовой «Я с вами не разговариваю, или Страна Женья» (готовится к печати в издательстве «Абрикобукс»). Эта промзона – такая одинаковая во многих городах и такая знакомая мне, живущей около нее в Ульяновске. Чтобы как-то оживить картинку, добавила сюда котика.

23 мая. Иллюстрация «Страна Женья»

29 июня. Теперь мои иллюстрации на сумках-шоперах! Мне хотелось, чтобы это было что-то необычное, хотя и от классической версии с Домом Гончарова я не отказалась. На сумках – мосты, любимая Волга, знаменитые сурки-байбаки с Тушнинских холмов, а также старый Симбирск – хотя бы на

29 июня. Шоперы

сумке можно сохранить его уходящую атмосферу. Кстати, их можно найти в туристско-информационном центре Ульяновской области в гостинице «Волга».

3 июля. Недавно сообщалось о том, что в Ульяновске на ул. Федерации, 36 планируется снести старый деревянный дом 1917 года постройки. На днях я там гуляла и обратила внимание, что на доме появилась охранная табличка, дом обладает признаками объекта культурного наследия. Сносить его пока не будут, хотя не знаю, что там дальше. Надеюсь, он все же останется на своем месте и будет поддерживать атмосферу Симбирска.

3 июля. Улица Федерации, 36

5 июля. В девятом часу вечера спонтанно собралась на волжские зарисовки. Забыла стакан для воды, да и саму воду. Хотя зачем она, если рисовать у реки? Вот я и рисовала волжской водой. Как же быстро меняется свет на закате: я ещё набираю желто-песочный, а обрыв уже розовеет, с цветом неба то же самое. Приходится рисовать что-то среднее.

5 июля. Пленэр Белый Яр

10 июля. Казань

10 июля. Уже почти экватор лета, а особая атмосфера июньской Казани, куда я недавно ездила, меня не отпускает. Аромат липовых аллей, громкая музыка из проносящихся авто, закаты, меняющие цвета всего вокруг, пузатые башни кремля, которые белеют на фоне синего неба и яркой зелени, свежий речной ветер, качели на набережной, кофе на песке. Все это постепенно оформляется в серию акварелей – небольших, но хранящих ту самую атмосферу, пойманную во время длинных прогулок по Казани. Хочется, чтобы эти акварели дарили июньское безмятежное настроение!

15 июля. Я на Тургеневских островах! Всем походного чая! Обязательно в эмалированной кружке из советских времен! Прихожу в себя после первой в жизни прогулки на сапборде. Не была я здесь очень давно и всегда мечтала снова поехать. Но у меня было ещё две цели: ночевка в палатке (в прошлый раз такая ночевка была, когда я училась в школе), а также хотелось встать на рассвете и послушать рассветную тишину заливов...

29 июля. Сосна на обрыве

29 июля. Летние волжско-сосновые зарисовки на китайской акварельной хлопковой бумаге. Забор добавила уже от себя, так мне работа кажется более интересной. Хотелось добиться эффекта ветра и ощущения высоты и дали, которую обзриваешь с обрыва. Вообще вот это ощущение леса на обрыве и возможность выйти на простор – одно из моих любимых в Белоярском лесу.

30 июля. Пленэр в белоярском доме отдыха. Это одно из старых зданий дома отдыха им. Воровского, давно к нему присматривалась. Жаль, что оно разрушается, не используется сейчас.

30 июля. Пленэр «Санаторий»

2 августа. Побывала на награждении участников регионального конкурса рисунков «В гостях у сказки», посвященного 100-летию со дня рождения В. Леонтьевой (я была членом жюри). Отметила один из рисунков: его автор получила шопер с моей иллюстрацией.

4 августа. Поехали в небольшое путешествие по районам Ульяновской области. Видела храм Живоначальной Троицы в селе Пятино. Сейчас он, к сожалению, в плачевном состоянии. В таких местах мне тяжело эмоционально...

В Глотовке порисовала на пленэре Кирпичный пруд. Сделала быстрый набросок, чтобы передать атмосферу и настроение летнего дня с облачным небом.

9 августа. Прогулялась по ул. Красноармейской в Ульяновске. Удивительно, но домов с этой улицы в моей коллекции практически нет. Каким-то новым взглядом я на нее посмотрела на днях. Некоторые старые здания реставрируются, другие стоят без стекол или с разбитыми стеклами (надеюсь, это не подготовка к сносу), а некоторые я вообще как будто первый раз увидела, хотя бываю тут периодически. Наметила для себя интересные здания, кото-

4 августа. Глотовка

рые скоро появятся в моей акварельной коллекции. Вообще люблю подход – «по своему городу как турист». Подходить ко всем зданиям, рассматривать их, читать таблички. Совсем по-другому смотришь на знакомые места.

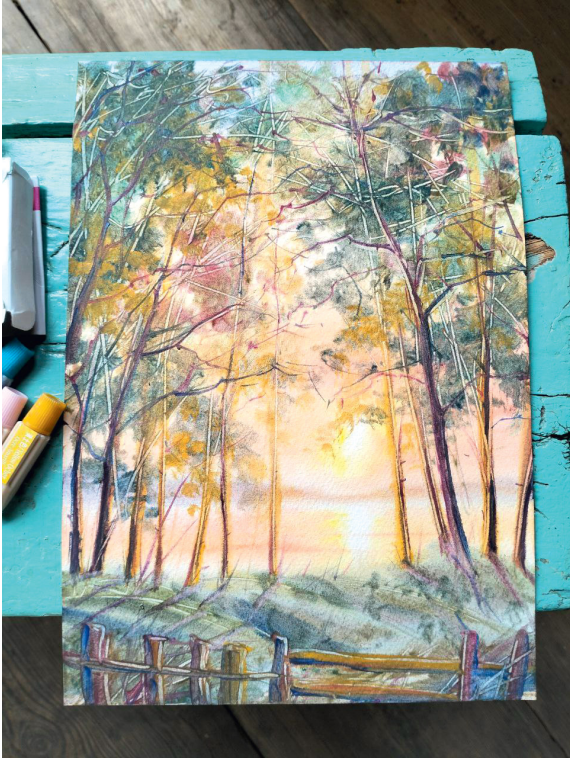
22 августа. Ловлю волжские орнаменты на берегу для своей акварельной серии «Волжский свей».

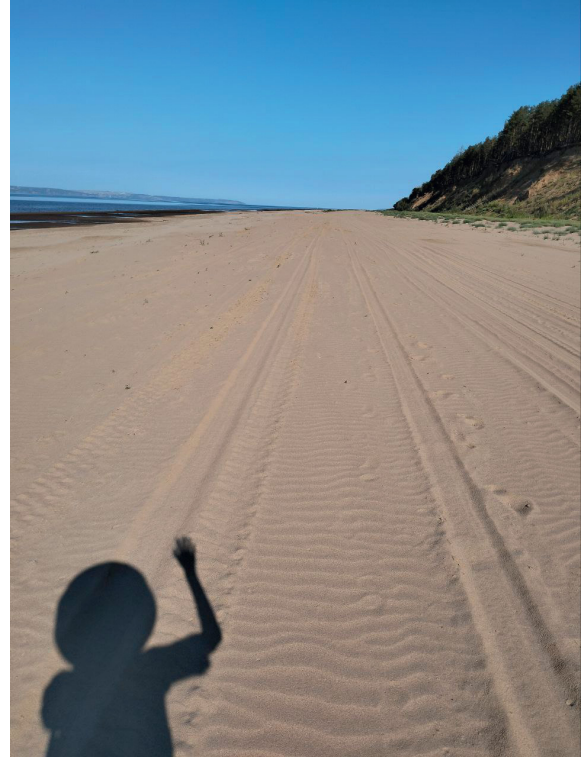
22 августа. Волжский свей

27 августа. Ну что, попробовала новую для себя китайско-японскую акварель, которую сестра привезла из Владивостока. Рисовала снова волжский обрыв на закате, причём использовала воду, набранную неделю назад в Волге. Вот такое смешение восточных красок с русской рекой! Понравилась текстура – как будто рисуешь пастой, а не привычной акварелью. Это тот самый волжский закат, когда лето ощущалось на самом пике.

27 августа. Закат. Белый Яр

Белый Яр, широкий берег

2 сентября. Считаю, на сколько шагов шире стал берег Волги. В начале августа было 50 шагов, сейчас уже 120. Каждый раз, когда я смотрю на разрушенную пристань в Старом Белом Яре, у меня перед глазами другая картина: как прибывают омики и метеоры, а я, совсем маленькая, сижу на берегу в воде и ловлю волну от них. Выходит толпа, по всей деревне раздаётся хор голосов, гул от топота ног. Но это я знаю уже по рассказам, сама этого не помню.

5 сентября. Встретилась со студентами колледжа культуры и искусства в модельной центральной городской библиотеке им. И. Гончарова. Поговорили на тему «Креативные индустрии в Ульяновске: баланс искусства и бизнеса». ещё раз проанализировала, и оказалось, что, действительно, мои темы и проекты во многом связаны с культурой.

9 сентября. Затопили печь в деревенском доме. В этом году рано. Холодно и идет сильный дождь. В такие моменты мне всегда вспоминаются слова Константина Паустовского про сентябрь: «Светает. Я беру весла и иду к реке. Я отплываю в тумане. Восток розовеет. Уже не доносится запах дыма сельских печей. Остается только безмолвие воды, зарослей вековых ив. Впереди – пустынный сентябрьский день. Впереди – затерянность в этом огромном мире пахучей листвы, трав, осеннего увядания, затишливых вод, облаков, низкого неба. И эту затерянность я всегда ощущаю как счастье». И я рада, что эту затерянность я ощутила летом в полной мере.

Юлия УЗРЮТОВА

Официальный сайт: <https://juliauzryutova.ru/>
Сообщество «Нарисованный Ульяновск. Городской дневник»

<https://vk.com/citybook73>

Телеграм: <https://t.me/juliauzryutova>

ПО СВЯТЫМ МЕСТАМ

Из путевого дневника *(продолжение)*

**Поездка с 22 мая по 29 мая 2023 года
24 мая. Старое Бобренево. Московская об-
ласть, Коломенский район.**

Богородице-Рождественский Бобренев муж-
ской монастырь.

Бобренев монастырь основан в 1381 году как сторожевой пункт на подступах к Коломне. Его строительство и название предание связывает с героем Куликовской битвы Дмитрием Волынцем по прозвищу Боброк.

Первые документальные сведения о постройках монастыря относятся к 1577 году.

Монастырь был полностью обновлен в 1790-х, когда он был загородной резиденцией коломенских архиереев. В первой половине XIX века он был административно объединен со Старо-Голутвиным монастырем. Территория в это время была расширена, появились новые здания и новый участок ограды. Из построек монастыря сохранились Собор Рождества Богородицы (1790 года) с современной ему шатровой колокольней, Феодоровская церковь 1861 года, настоятельский корпус XVIII–XIX вв., келейные корпуса, стены и башни XVIII–XIX вв. В 1929 году монастырь был закрыт, его здания и сооружения стали приходить в упадок.

К 1987 году весь комплекс находился в аварийном состоянии. В марте 1991 года Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II благословил открытие монастыря, в нём начались ремонтно-восстановительные работы.

24 мая. Зарайск. Московской области

Зарайский кремль построен по указу великого князя Василия III в 1528–1531 гг.

Он принадлежит к немногочисленным русским «регулярным» крепостям конца XV – первой трети XVI в. Как гласят документы, кремль посещал Иван IV (Грозный).

Никольский храм Зарайского кремля – главный собор города. Каменный пятиглавый собор возведен во второй половине XVII века по указу государя Феодора Алексеевича. В прежние времена за правым клиросом в специальном киоте помещалась главная святыня города – чудотворная икона Николы Зарайского.

В начале XX века настоятелем собора был митрофорный протоиерей Иоанн Смирнов, погибший в период гонений и ныне прославленный в Соборе новомучеников и исповедников Российских.

Существующий Иоанно-Предтеченский собор был построен на территории Зарайского кремля в 1901–1904 гг. После 1917 года храмы были закрыты.

В 1992 году храм передали верующим. В 1994 году возведена деревянная колокольня с десятью колоколами. В 1997 году изготовлен точный список чудотворной иконы Николы Зарайского.

В августе 2002 года освящен восстановленный памятник-надгробие князьям Феодору, Евпраксии и их сыну Иоанну.

Фото Владимира ЛАМЗИНА

АРХИВ

В редакцию журнала пришло письмо от Алексея Анатольевича Пирогова, сына известного ульяновского книголюбца А.А. Пирогова. Он предложил для публикации материалы из архива отца.

«Передо мной лежит текст, написанный отцом для журнала «Мир Паустовского». Написана статья приблизительно в 2004 году. Отец послал её в Музей Паустовского в Москве. Однако после смерти директора музея Ильи Комарова (а он был двигателем всего дела, в том числе и журнала), прекратил свое существование и журнал. Статья осталась не напечатанной. Она написана о Юрии Рябове – единственном режиссёре (по крайней мере в СССР), снимавшем на киноплёнку Паустовского. Статья состоит из четырех небольших рассказов. Моё внимание, однако, привлекал всегда последний рассказ.

История, на мой взгляд, исключительная. Она о том, кто мы, кем мы были и почему мы такие, какими стали. Такие воспоминания хранят многие люди и часто эти истории умирают вместе со смертью человека, участника событий. Мне хотелось бы, чтобы эта история не умерла, чтобы о ней узнали люди. И может в памяти какого-то читателя рассказ Рябова остался бы и сделал бы его чуть лучше, человечнее...»

Анатолий ПИРОГОВ (1929–2019), книголюб, капитан-речник, симбирский интеллигент. Читатель, друг литературных музеев и библиотек. Участник научных конференций, посвященных творчеству К.Г. Паустовского. Участник многих блоковских праздников в Шахматово. Особое значение для А.А. Пирогова имело сотрудничество с музеем К.Г. Паустовского.

ЭТО БЫЛО НЕДАВНО, ЭТО БЫЛО ДАВНО...

О режиссере Ю.Ф. Рябове – авторе документального фильма о К.Г. Паустовском

Дом, ставший для меня родным. Музей К.Г. Паустовского. Благословляю тот день 27 мая 1981 года, когда судьба привела меня сюда. Музей предопределил очень многое в моей последующей жизни: друзей, привязанности, географию моих поездок. Я воспринял его как венец своих читательских устремлений и остался с ним навсегда. Зое Всеволодовне Квитко, Татьяне Германовне Богомоловой, Илье Ильичу Комарову, этой великолепной троице, которой мы обязаны появлением Дома Паустовского, было суждено стать и первыми из моих новых друзей.

Вскоре узнал и Вячеслава Зенцева, военного моряка, капитана. Он стал в музее своим гораздо раньше меня. Страстное увлечение К.Г. Паустовским помогло Славе и мечтать, и плавать в морях, и быть верным радетелем музея. Об этом звонит нам судовой колокол в морском зале – подарок незабвенного капитана.

Немыслимо представить становление музея без участия в нем одесситов Ю.И. Комаровских и В. Ковач. Они тоже из тех, кто, однажды здесь появившись, навсегда прикипели к Дому.

Вспоминается февраль 1988 года, научная конференция «К.Г. Паустовский. Жизнь и творчество». Первая заявка музея о себе – теперь уже на новообращенном, «кузьминском» уровне.

Накануне, с полудня 4 февраля, дверной колокольчик звонил, не переставая съезжались гости. Илья Ильич Комаров, директор, как всегда радушен, только более взволнован:

– С праздником! Ты понимаешь, какое счастье! Сколько мы к нему шли – к народному литературному, сколько ждали. Поздравляю!

Поднимаемся наверх по лестнице – такой домашней. Скрипучей. Илья на ходу говорит что-то обо мне, хвалит меня, что я всегда загодя приезжаю,

Музей К.Г. Паустовского. Вечер поэзии военного поколения. 08.05.1990 г.

но сегодня ничего возить и таскать не будем. Все на месте, и есть надобность только в небольшой моей помощи.

Боже мой! О чем речь, Илюша. Мне по душе любое занятие во благо нашего Дома. Здесь мной овладевает ликование, и хожу я, не чувствую пола под ногами, словно летаю на вершок выше... В гостиной кто-то из приезжих. Знакомимся: Юрий Федорович Рябов, кинорежиссер – тот, кто снимал Паустовского. И круглая коробочка на столе – в ней, верно, «Дорога к Черному озеру»! Но Юрий Федорович разводит руками:

– К сожалению, мне не удалось заполучить картину. Не успели оформить заявку, оплату – словом, пройти все формальности. Понимаю, как фильм был бы к месту сегодня здесь, в музее.

А в коробке Рябов привез монтажные обрезки двадцатилетней давности, сохра-

нившиеся в архиве Ленинградской студии кинохроники. Спасибо сотрудницам архива, понимающим чувства автора – они отдали ему эти кадры.

– Не стал отказываться. Думаю, музеем они пригодятся, – убежденно говорит Юрий Федорович. – Только премемерно себя чувствовал, когда выносил коробку через проходную по-воровски, спрятав её за пояс под рубашку и пиджак... Какая все-таки нелепость!

Нам предстояло рассортировать кадры по месту съемки. Завернуть ролики в бумагу и пометить: Таруса, Солотча или Ялта. Наш разговор, естественно, завязался вокруг этого географического треугольника, когда режиссерская судьба свела Ю.Ф. Рябова с К.Г. Паустовским.

Рассказ моего собеседника, как я его излагаю, не дословен и сложился не только из первого разговора. К нему он возвращался и дополнял, выступая перед нами, а также в частных беседах со мной.

«Доверчивый режиссер и недоверчивый автор»

Из рассказов Ю.Ф. Рябова

В 1962 году поехал в Тарусу, как говорят военные, на рекогносцировку. Мысль о картине по Паустовскому возникла давно, ещё в те годы, когда я собирался поступить в Институт кинематографии. Писал, помню, сценарий по «Телеграмме». Когда же стал режиссером документального кино, замыслил снять самого писателя.

В Тарусе, как тогда полагалось, зашел в райком партии. Узнав о моих намерениях, мне сказали, что не советуют снимать Паустовского. Я понял, что поторопился: прошло слишком мало времени – только полгода, как разнесли «Тарусские страницы».

Через год приехал снова, на этот раз с киногруппой и аппаратурой опять ходили по отцам города. Надо сказать, они были менее категоричны. Говорили только: «Паустовский к нам не ходит, ну и мы к нему тоже не ходим». Начали съемку. Этот первоначальный материал мы хотели показать своему начальству, когда будем пробовать задуманную тему о писателях «Такую серию хотели начать с Паустовского. Но в верхах решили: первым снимать Шолохова. Была создана другая киногруппа, которая сняла фильм. А наша «Дорога к Черному озеру» была отложена, и получилось так, что на ее продвижение ушло три года.

В драме Ибсена «Пер Гюнт» действует сила. Страшная сила. Понимаете? «Великий кривой!» Такая сила преследовала Константина Георгиевича всю жизнь... Даже на похоронах говорили не по велению сердца, а по бумажке, как хотел «Великий кривой»...

Наконец, снимать начали и мы. Вы спрашиваете о постановочных трудностях. Да, конечно, они были. И для меня, и для «киногероя».

Константина Георгиевича смущала, даже больше – буквально сковывала работающая кинокамера. Он говорил, что ничего со съемкой не получится, потому что он плохой лицедей. Мне приходилось терпеливо и настойчиво убеждать: «Вам необходимо утвердиться на мысли, какой вы отменный рассказчик, и – все пойдет, как надо. Верю в Вас, доверяю Вам».

Надо ли говорить, что я испытывал, выдерживая роль режиссера, наставляющего самого Паустовского. Писателя и человека, перед которым был готов стать на колени.

Съемки закончились в середине июля 1966 года. Проходя цензуру, фильм понес досадные

Режиссер Юрий Рябов в творческой заявке на постановку фильма «Дорога к Черному озеру» писал:

«Паустовский занимает особое место в нашей литературе. Вряд ли можно определить это место здесь, – пусть этим занимаются литературоведы. Но для десятков миллионов читателей Паустовский – самый любимый советский писатель. Конечно, рассказать о Паустовском «всё» в двухчастевом фильме очень трудно. А ведь зрителя интересует именно «всё»: и основные этапы творческой биографии писателя, и современники Паустовского, с которыми он встречался, дружил, работал, – такие, как Гайдар, Багрицкий, Пришвин. И, разумеется, фильм о Паустовском нужно по своему творческому решению делать в том же ключе, каким пользуется сам писатель... В фильме, во-первых, будет рассказано о благородной романтике, помогающей людям жить...»

Пафос любви к природе и преобразования её, пафос чистых человеческих отношений, пафос любви к родине и будет пафосом фильма. В центре фильма будет сам Константин Георгиевич как человек, писатель, общественный деятель».

потери: были изъяты разговоры писателя о языке. Урезали также кадры, снятые в день рождения Константина Георгиевича, когда он беседовал с В.П. Некрасовым, автором повести «В окопах Сталинграда».

Фильм все же прошел на экран. Но потом его отложили с пометкой: «Выдавать только по заявкам организаций». Как сохранились сегодня, спустя двадцать лет, экземпляры фильма по кинопрокатам – не знаю.

***

В 1991 году в питерской квартире Юрия Федоровича и Наталии Николаевны Рябовых я рассматривал многочисленные фотографии 1966 года. Среди них особенно запомнились надписанные самим Паустовским. Они показались мне удивительно ёмкими. На снимке двое: К.Г. Паустовский и Ю.Ф. Рябов.

Ю.Ф. Рябов и К.Г. Паустовский

«Если бы не Вы, черта с два я снимался бы в кино.

Любящий Вас – К. Паустовский. 16/VI. 66 г. от Тарусы
(Ильинский омут) до Ялты и Гурзуфа».

Вторая, те же:

«Фото на тему: «Доверчивый режиссер и недоверчивый автор – пуганный воробей. Юрию Федоровичу – с любовью Паустовский».

20/VI. 66 г.

Стоило мне прочесть это, как тотчас вспомнилось письмо, встреченное в каком-то толстом журнале. В письме шел разговор о Ялте и что-то о Паустовских. Другие подробности не запомнились.

Вернувшись из Питера домой, нашел-таки в

воспоминаниях В. Каверина письмо Т.А. Паустовской из Ялты. Оно помечено 22/VI. 66 г., т. е. теми же днями, что и фотографии. Упомянув о чем-то забавном, Татьяна Алексеевна продолжает:

«Но главная новость не эта. Ах, не ругайте нас, не ругайте бедного Пауста за то, что его приехали снимать «братцы – ленинградцы». Один из них (братьев) Юрий украл жемчужину дома. Пока это тайна, не выдавайте меня. Но скоро ЗАГС – и в Ленинград. Кого бы, Вы думали, увозит тихий Юрий Федорович Рябов? Нашу нежно любимую Наталию Николаевну, которая через несколько дней делается Рябовой. Они просили до их отъезда молчать, но, во-первых, я пишу, а во-вторых, знаю кому. Приедем – обязательно увидимся. Целую вас со всем необъятным семейство, Паустовский тоже.

Ваша Татьяна Паустовская».

Одесские сюжеты

В Одессе, на конференции по случаю 20-летия библиотеки им. Паустовского, как на прошлогоднем московском сборе, мы снова вместе: Ю. Рябов, О. Козлов (Петербург), В. Зенцев (Севастополь), А. Пирогов (Ульяновск). Мне казалось, что кроме сходного мироощущения, которое так или иначе привело к Паустовскому, нас объединяло и мирское – наши профессии: кинорежиссер, офицер и два капитана (моряк и речник). В них есть общее – дороги или, как говорил Константин Георгиевич, странствия, к которым мы привычны, и потому легки на подъем. К тому же, живя вдалеке от Дома Паустовского, мы больше, чем другие, скучали по Дому и тому, что в нем происходит.

Одесса, февраль 1989. Конференция в честь 20-летия библиотеки им. Паустовского. Тема выступления «Муза дальних странствий»

В программе одесского праздника, помню, кинофильм не значился. Он был объявлен дополнительно. Так мы увидели «Дорогу к Черному озеру». Это был сюрприз для всех. Особенно взволнован был Ю.Ф. Рябов. После просмотра фильма он сказал:

– Вы молодцы, одесситы. Вы достойны любви Паустовского. В эти дни вы показали три сюжета с одной сквозной темой любимого нами Паустовского.

Первый – тот, что построен Юлией Ильиничной Комаровских. Это библиотека. Та, которая ещё в 1969 году первой в стране получила имя Паустовского. Заметьте – спустя всего семь месяцев после смерти писателя. И библиотекой, и сегодняшним праздником мы в самой большой степени обязаны Ю.И. Комаровских.

Сюжет второй: экскурсионный маршрут «Паустовский в Одессе». Мы познакомились с ним и поняли, что это – Песнь о любви. К писателю и городу. Вот уже десять лет звучит эта песнь во вдохновенном исполнении автора – несравненной Вали Ковач!

Вам удался и третий сюжет. Надо было больше, чем постараться, чтобы найти ходы, выцарапать из забвенья и показать столь давнюю картину. Вы поймете мое волнение вряд ли кто из присутствующих в зале видел этот фильм. Кроме автора, вашего покорного слуги. Спасибо! – закончил Юрий Федорович, приложив руку к сердцу и застыв в поклоне.

Может, вспомним опять, ах, зачем вспоминать

Писатель-фронтовик Василий Субботин, размышляя о наших людских потерях в Великой Отечественной войне, приводит такую статистику: из солдат 1921 года рождения уцелело только 3%. Одним из этих счастливцев был Юрий Рябов, призванный в армию в 1939 году. Захватив финскую войну, он хлебнул досыта в Отечественную и через шесть лет вернулся в родной Ленинград. Но ненадолго. Уцелевшего счастливца упекли в лагерь – на этот раз в свой, советский. Освободился только после смерти «отца народов». Вся молодость ушла на войну и тюрьму. Нам не дано понять всю глубину унижения, выпавшего на долю Юрия Федоровича, неизвестно и то, думал ли зэк Рябов о том, какая судьба предпочтительней – погибнуть в бою или жить (жить ли?) в ГУЛАГе, но все же знаем: став режиссером, он решил создать фильм в память о солдатах Великой Отечественной войны. О тех, кто в составе обреченной 2-й ударной армии погибал, пропал, выходя из окружения в мае – июне 1942 года. К съемке документального фильма под условным названием «Долина Смерти» приступили летом 1971 года – за год до 30-летия трагических событий на Волховском фронте.

Из рассказа Ю.Ф. Рябова:

Содержание будущей картины выразалось в изречении: «Война не закончена, пока не погребен последний погибший солдат». Истина, призывающая человека к самоуважению. Но проходили не годы – десятилетия, а по лесам и болотам, подступающим к Волхову, зарастали, дотлевали незахороненные останки бойцов 2-й ударной, так и не удостоенные последним поклоном государства.

Их искали только поисковики – добровольцы. Это были молодые люди послевоенного поколения, принявшие трагедию войны, ее историю всем своим существом. Они каждое лето искали. Находили кого-то, открывали имена, хоронили.

Все это вошло в сценарий, который по моей просьбе написал Сергей Смирнов, писатель, много сделавший для памяти погибших. Поехали снимать в самые гибельные для 2-й ударной места: в окрестности Мясного Бора и в Долину смерти. Под этим названием вошел в историю Волховского фронта коридор, по которому, пробиваясь из окружения в конце июня 1942 года, выходили уцелевшие остатки армии.

Однажды в отряде, где мы вели съемки, ребята нашли красноармейскую книжку и вложенное в нее письмо – треугольник с надписанным адресом. Они чудом сохранились в слипшейся и окаменевшей полевой сумке. В этой находке я увидел удивительную возможность продолжить сюжет, который должен войти в фильм. Списался с райвоенкоматом в Алтайском крае, откуда солдат призывался. Оказалось, что там живет его дочь, работает на фабрике. Решили не отправлять письмо почтой, а везти на Алтай самим – едем всей группой. Прибыв на место, согласую с парткомом и профкомом фабрики: будем снимать работницу такую-то, чей портрет помещен на Доску почета. Знакомимся с ней, обговариваем детали: завтра к 12 часам ставим аппаратуру на квартире и начинаем съемку. Осторожно расспрашиваю о прошлом. Отец пропал без вести в 1942 году, матери уже нет в живых.

Потом зашел в отделение связи и обо всем поведал начальнице. Отдал письмо, запечатанное нами в конверт на имя той бедной женщины. С тем, чтобы письмоноша принесла его адресату завтра, ровно в 12 часов.

Все прошло, как было намечено. Мы сняли горестные минуты, о которых знали заранее. Этот грех, сознаю, лежит на моей душе. Никогда не забуду ни того солдата, ни его убитую горем дочь. Не дело автора оценивать свое творение. Скажу только о том, чему был свидетелем. На студии, во время монтажа картины монтажницы плакали над многими кадрами, особенно «алтайскими». Готовую картину смотрели в Политуправлении военного округа. И... запретили. По всему. Решение это было подкреплено указанием сверху. Был на приеме у высокого политического начальства, но безрезультатно.

Вы спрашиваете, не сохранился ли фильм в киноархиве. Нет. Его сожгли. Не отложили на полку, а сожгли. Оцениваю их действия только одним словом: сволочи!

Юрий Рябов дважды побывал в нашем городе.

Встреча с Ю.Ф. Рябовым весной 1993 года в Ульяновске оказалась последней. Не приезжал он с тех пор и в музей Паустовского, где мы обычно встречались. Долгая и тяжелая болезнь Наталии Николаевны не позволяла ему оставлять ее. В предновогоднем (в декабре 1998 года) письме Юрий Федорович сообщил о смерти жены. Спустя полгода после этой потери, ушел из жизни и сам Ю.Ф. Рябов. Случилось это 9 февраля 1999 года.

КАРАМЗИНСКИЙ САД

*Сергей СКОМОРОХОВ, музыкант, инженер, поэт, бард.
Участник Грушинских фестивалей. Участник движения ветеранов стройотрядов.
Автор книги «Я бегу по облакам».*

ПУСТЬ АНГЕЛЫ ОСТАНУТСЯ С ТОБОЙ

МОЛИТВА

Как много, мой Бог, я тебя просил...
Могу ли просить еще?
Когда я останусь совсем без сил,
Подставь мне своё плечо.

Час судный наступит – отвечу за
Невольный и вольный грех.
Не сохнет на бледной щеке слеза,
И детский не слышен смех.

Молитвы не будет к тебе иной, –
Твой перст лицезреть в пути.
Дай счастье ходить мне с прямой спиной,
Да просто – хотя б идти!

Озябшей душе даруй благодать,
Чудесным спаси огнём,
И хлеба краюху вели подать,
Молитву свершив о нём.

Дай мудрость смириться, простить, принять
И – лишнее всё – сжечь,
И главную встречу не разменять
На сотню неглавных встреч.

И если собьюсь вдруг с пути я, и
В дурной занесёт чертог,
Прости прегрешения все мои
И мне преподай урок.
Чтоб истины вскрыть непреложную суть,
В бокал мой налей вина.
Дай в полном рассудке закончить путь,
Всё это вкусив сполна.

ПУСТЬ ТЕБЕ ПРИСНИТСЯ

*(Памяти мирных жителей,
погибших от артобстрелов в ЛДНР)*

Пусть тебе приснится солнечное небо,
Берег золотистый, райские сады.
Молоко коровье и краюха хлеба, –
Только бы не лодка, полная воды ...
Пусть тебе приснятся мыши и мышата,
Спелых мандаринов сладкие плоды,
Лишь бы не приснились brave ребята,
Что так манят в лодку, полную воды...

Пусть себе приснишься на коне ты белом,
Пусть он оставляет на снегу следы.
Но...
Если не проснулся после артобстрела,
Значит, сел ты в лодку, полную воды...

ДЕВОЧКЕ МИРЕ

*(5 лет, погибла 31.05.2022 от снаряда,
выпущенного ВСУ по пос. Макеевка)*

Там, где душа упокоилась с миром, –
Убранный иконостас.
С фотки любительской девочка Мира
Смотрит с укором на нас.

Хата как хата, крыша – два ската,
Щели в дощатом полу.
С кем ты воюешь, наводчик хохлатый,
Ставя прицел а шкалу?

В левую рученьку белый платочек
Мира покорно возьмёт.
Что ж ты наделал, снайпер-наводчик,
Смерть посылая в полёт?

И, отрыгнувши смертельным калибром,
Выплюнет пушка: «Огонь!»

Сколько ещё у Всевышнего нимбов,
Точно не знает и он...

Локон едва колыхнется от ветра,
Савана тронув лоскут...
Тонет во тьме золотая карета –
Сказки последний приют.

Ангел пречистый вознёсся над миром
Символом нашей вины.
Смотрит на мир с фотографии Мира,
Нам не желая войны.

ПРОЩАЛЬНАЯ. ПЕСНЬ ВАНЮШКИ – СЛАВНОГО ВОИНА РУССКОГО

(времена войн Руси с половцами)

***

Любушка моя, солнышко,
Где, в каком краю встретимся?
Воля ты моя, волюшка,
Только и живу этим я...

Локоном седым лёг ковыль,
Вражия бежит конница,
Позади копыт кровь да пыль,
Перезвоном бьёт звонница.

Во сыром бору лёд-родник,
Кудри омочил сокол твой,
Рядом конь гнедой гривой сник,
По степи стоит волчий вой.

Боже отпусти, боженька,
Солнца всё темней лучики,
Бегали мои ноженьки,
Да сражён стрелой лучника.

Любушка моя, солнышко,
Чёрна да летит тученька...
Горе пожалей, горюшко,
Мука отпусти, мученька.

Любушка моя, солнышко,
С под земли сырой встану ль я...
Кровь течёт густа, кровушка,
Рана на груди рваная.

Любушка моя, солнышко,
Вижу над собой крылы я...
Выйдешь ты боса в полюшко,
До чего ж земля стылая!

Любушка моя, солнышко,
Ласкова моя горлица,
Сколь одной тебе, сколь ещё
Маяться теперь, горбиться.

Ноша тяжкая, ношенька,
Солнца всё темней лучики,
Целовал твои ноженьки,
Да сражён стрелой лучника.

Солнышко моё, Любушка,
Вот уж и зовут...
Кажется...
Сиза ты моя голубушка...
Ну кто тебе ещё скажет так...

***

Осень... Кем ты только не была воспета, осень...
Вижу я сквозь золотые листья просинь.
И не верится, что завтра будет слякоть,
Это солнечное небо будет плакать...
Всё молочней предрассветные туманы,
Паутиной покрываются поляны.
Но звенит ещё над нами бабье лето,
И на всех хватает солнечного света.
Вскоре небо раскиселится, завьюжит,
Морось на полгода, ветер, стужа.
Так и человеческое счастье –
Солнца день и месяцы ненастья...

***

Летят по стыкам поезда:
Тык-да, тык-да, тык-да, тык-да...
Стою как в детстве и мечтаю,
Всё также сбивчиво считаю:
Шестнадцать, тридцать, шестьдесят...
Вагоны с грохотом летят.

«ВОСЬМОЕ ОТКРОВЕНЬЕ»

Когда занозы острые сомнений
Разбередят сердечную печаль,
Перечитай «Восьмое откровенье»
И ангела пречистого встречай.

Он улыбнётся, спросит твоё имя,
Поговорит с тобой о том, о сём,
Кадильницу души твоей изымет,
Наполнит её жертвенным огнём.

Немного посидит, вздохнет, простится,
Бессмертие всем праведным суля.
Печатаей будет семь. И гнев Провидца.
Безмолвием наполнится земля.

За тишиной последует затмение,
И встанут в ряд семь ангелов с трубой.
Перечитай «Восьмое откровенье»,
Пусть ангелы останутся с тобой.

*Литературная гостиная
«УлправдаТВ».
Программа с участием
Сергея Скоморохова*

Николай ШАБУНИН (г. Пермь), поэт, бард.

От автора

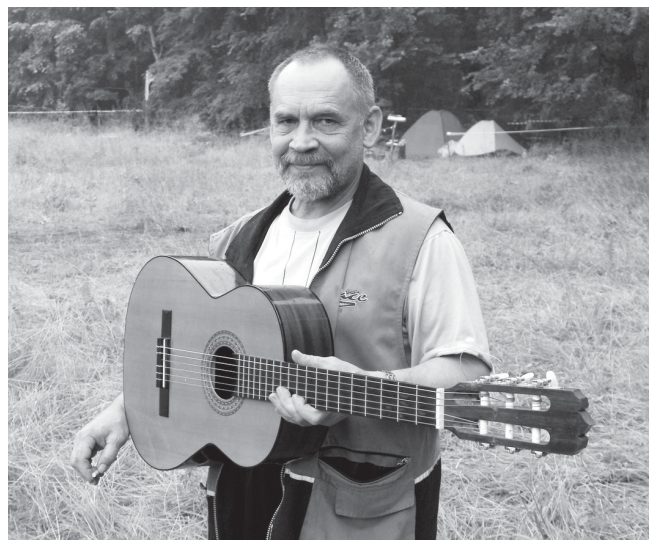
Родился я на Урале в деревне Веслянка. Очень красивое место возле города Кунгура в Пермском крае на берегах реки Ирени и речушки Веслянки. Папа военный, мама обеспечивала тылы семейные. Появился я благодаря родителям 20 мая, однако в деревне на праздник Николина дня кончились чернила, но не кончилась брага, и в метриках записали: день рождения – 22 мая 1952 года.

Окончил среднюю школу номер десять в городе Кунгуре, там же играл в футбол (капитан юношеской команды «Нефтчи»). Работал. Служил в армии. Учился в Пермском госуниверситете и в Ульяновском педагогическом институте. Несколько лет жил в Ульяновске. Трудился склотчиком тары, буровым рабочим, библиотекарем, заместителем директора ДК и школы, столяром, слесарем, учителем труда, аккомпаниатором и педагогом дополнительного образования.

Создал клуб авторов «Клавесин» совместно с Евгением Матвеевым (г. Пермь), детский клуб авторской песни «Кредо» (г. Ульяновск).

Были публикации стихов и прозы в альманахе «День Волжской поэзии» (г. Саратов), в газетах Кунгура, Перми, Ульяновска. На радиостанции «Юность» Леонид Сергеев читал мои стихи.

Написаны песни для театра (ДК «Руслан», народный театр-студия «Диалог», г. Ульяновск), для радио и телевидения (г. Пермь).

Всё это делалось с увлечением. Остается сказать об увлечении резьбой по дереву, художественной ковкой, рыбалкой, охотой за грибами и уходом за мамой – ей 91 год. Быть няней хлопотно, весело и почётно – как в яслях или в детском садике. За пожилыми детками ухаживать гораздо увлекательнее, но значительно сложнее. Вот и сижу в Перми практически безвыездно.

А что ещё будет? И чем успею увлечься? Это мне неизвестно.

Под чем и подпись оставляю:

Ваш Шабунин Николай, по отчеству Иванович.

ВОСКРЕСЕ И ЖИВИ

ПРОЗРЕНИЕ

Прозреньё с презрением не совместимы.
Во мраке волхвы проповедают свет.
Бредут и бредут в темноте пилигримы...
Будь счастлив любой, кто увидел их след.

***

Бульвар Новосондецкий – мой маленький Арбат...
Берёзовые фрески. Сиреневый квадрат.
Там девочка в портфеле несёт карандаши,
Набор для акварели и флейту – для души.

Бульвар Новосондецкий – мой маленький Арбат.
Сугробы наконец-то размазывает март.
Ах, девочка с портфелем, зачем же ты грустишь,
Когда твои деревья возвысились до крыш.

Бульвар Новосондецкий – мой маленький Арбат.
На солнечных подвесках качается закат.
Шуршат под акварелью штрихи карандаша,
И слышно, как деревья взросятся не спеша.

***

Накладывает время морщинки на холсты,
И каждая морщинка – мгновенье красоты.

***

В берёзовой аллее, едва замедлишь шаг,
Увидишь, что деревья, как в юности дрожат...

***

Сруб в деревне. Угол тёмный.
Вьюга вдоль и поперёк...
И мужик в стране свободной
От свободы занемог,
Он не сеет и не пашет,
Даже лыка не плетёт
И уже ни чем не машет,
Потому что не живёт...
Мрачный снег – как гроб холодный.
Вьюга вдоль и поперёк.
Сруб в деревне. Угол тёмный.
Ни дровишек, ни дорог...

***

Кому-то даны две строки вдохновенья.
Кому-то – совсем ни единой строки...
Талант – это вечный момент удивленья,
А не ожиданье надгробной доски.

***

В прорубь речную в ночь на Крещение
Входишь ты, будто в крутой кипяток,
И за тобой, за твоим отражением
С неба Венера ныряет в поток.
Крутит вода, унося по течению
Горе, обиду, печаль и беду...
Как это здорово, что в день рождения
Можно Венеру увидеть на льду.

ПЕСНЯ КАЗАКА

В небе солнышко сияет,
Пташки малые поют.
А я раненый валяюсь,
Мои ножки не идут.

Как бы птичку-невеличку
Попросить домой слетать –
Батьку, мамку, да сестричку
Перед смертью повидать ...

Не укрыться, не отбиться –
Ни патрона, ни ножа...
И в детей не воплотится
Мое тело и душа.

А на том краю разлома,
Где в снегах моя страна,
Перед свечкой у иконы
Плачет милая одна.

...Писарь выписал бумагу,
Что я без вести пропал...
А меня на дне оврага
Пес лохматый отыскал.

В небе солнышко сияет.
Пташки малые поют.
Меня в рай не принимают,
Потому что дома ждут.

ВОСКРЕСЕ

Чужие письма.
Скрипящие скрижали.
На плоских полюсах
Ржавее дым словес.

Тяжелый путь судьбы
Пульсирует шагами.
Луна несет к Земле
Три буквы: Р, О, С.

Всё так и всё – не так...
В мерцающей завесе
Медузой ледяной
Плывет холодный свет,
Внутри себя храня:
«О, Господи, воскрес!»
О, Господи, воскрес!» –
Другой молитвы нет.

Таинственный глагол
Моё ли сердце выжжет?
А может, он сгорел
Подальше от людей,
И жар его давно
Сквозь лунный кратер вышел,
Оставив Млечный путь
Дымящихся углей?..

Таинственный глагол
Когда-то был понятен,
Однажды он открыл
Единый смысл для всех:
Пока подлунный мир
С ума ещё не спятил,
Воскресе и живи,
Творящий человек!

ТЫ МОЙ АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

Ты мой ангел-хранитель,
Мой конек-горбунок,
Мой очаг и обитель,
Мой ковчег и чертог.
Пусть морщинки на шее,
Пусть морщинки у глаз,
При тебе я немею,
Как тогда – в первый раз.
Ты мой ангел-хранитель,
Тихий свет от свечи,
Ты причина наитий
И причина кручин.
Пусть неясное завтра
Нынче ревностью жжет,
Пусть цыганская карта
Нам пророчит и лжет.
Пусть морщинки на шее,
Пусть морщинки у глаз,
При тебе я немею,
Как тогда, в первый раз.
А друг друга обидеть
И не надо ума.
Ты мой ангел-хранитель,
И тюрьма, и сума.
Пусть морщинки на шее,
Пусть морщинки у глаз,
При тебе я немею,
Как тогда – в первый раз.

УНДОРЫ

Ну хотя б на денек
вновь вернуться туда,
Где янтарный песок
Нежно гладит вода,
Там знакомый дубок
под березкой притих,
И поет родничок,
родничок для двоих:

Ундоры, Ундоры, Ундоры –
Светлый, счастливый исток,
Теплой волной перламутровой
Плещется Волга у ног.

А Серебряный ключ
ключ от сердца хранит,
Легкий солнечный луч
на тропинке звенит,
Так звенит тишина
для того, кто влюблен,
Словно помнит она
звуки наших имен.
Самый первый глоток
родниковой воды,
и заветный цветок.
и мерцанье звезды,
Тайну трепетных рук
на крутом берегу
Для тебя, милый друг,
я в душе берегу.

*Мария АВЕРИНА, Москва. Прозаик, поэт.
Лауреат литературной премии имени И.А. Гончарова (2023).*

СЛОВУ И БОГУ

***

Бескрайняя,
Как морские просторы...

Глубокая,
Как дно океана...

Раскинулась Волга
Из стороны в сторону,

Стыдливо
Накрывшись
Седовласым туманом...

Окружённая
Скошенными берегами...
Бесконечная даль...

Загоревший песок
Загребаю мыском босоножки...

Там, на том берегу,
С обрыва
Спускается хмарь...

В дурном предчувствии
Мошки
Суеются...

Не улетают...
Я стою,
Поджидая туман,

Как давнего друга...
Я подавлена...

Перебираю в голове
Мысли,
Как чётки...

Устремляю
Невидящий взгляд
На синхронно плывущие
Лодки...

А туман всё ниже
И ниже...
Словно пёс бесприютный,
Волгу
Лижет...

И бескрайняя даль, исчезая,
Становится ближе...

***

Чёрная Волга,
Освещённая фонарями
Моста...
За границами тьмы –
Стиснутая пустырями...

Я,
Словно
В стогу
Иголка,
Потерялась
В просторах бескрайних...

Всесильная,
Бесконечная Волга,
Какую хранишь ты тайну?

***

...И оживают тени у порога...
Минувшего,
Конечно, не вернуть...

Смешная девочка...
И мать кричит ей строго:
«Не опоздай,
До школы долгий путь...»...

Тугие банты
В косах.
Запах вишен...
Цветные камешки
Вдоль берега ручья,
Ковёр ромашек
Будто гладью вышит,
Блестит на солнце рыба чешуя...

Вот школы двери:
Здесь тебе все рады!
Звенит звонок,
Приятно, как хрусталь...

Как кружева, наличники фасадов...
Учительницы кипенная шаль...

Пусть не сдана таблица умножения,
Не выучен по русскому урок,
Но манит, манит вдаль
Воображение,
И мир его
Огромен и широк...

Тетрадки – паруса незримых лодок,
Вычерчивают строем гладь реки.
В них буквы прописные
Беспокойны
Под неокрепшим почерком руки...

Шум со двора...
Кудрявый мальчик Лешка
Бьет мячик с правой –
Тот летит
В кусты...

А там, в полях,
Засаженных картошкой,
Шикуют колорадские жуки...

И стройный ряд
Берёзок и осинок, –
Все в неге ветра –
Танцем хрупких крон,
Раскачивает тени на тропинках.
И кажется, что мир
Развоплощен...
Укропом пахнут
Бабушки ладони:
Бесхитростная жизнь
Прошла в трудах...

Из бересты,
По лужам,
Мчатся лодки –
Своеобразный
Детства декупаж...

Как беззаботны
Юности забавы!

Играет скрипка,
Тенькает смычок...
И голос дедушки,
Осипший и усталый:
«Играй по нотам...»

...Времени песок
Отсыревает
В икс-образной колбе,
И все труднее
Принимать года...

Стучит висок...
И тени у порога
Вновь застывают,
Как зимой вода...

***

«Проходит всё», –
Предречено в веках
Одним из тех,
Кто все познал
И видел...

Съедается помада на губах,
Меняется орнамент тонких линий
На огрубевших
От трудов руках...
Любовь проходит,
Вслед идёт иная...
И почерк направление на листах
Меняет,
Наш характер выдавая...

Стираются подошвы у сапог,
Перегорают лампочки в плафонах,
У дома оббивается порог...
Устаревают песни в патефонах...

...Тоска и грусть
Сменяются надеждой,
На смену им опять приходит боль...

Миг скоротечен, он теряет свежесть
И невозможно обрести покой...

***

Ощутишь в полной мере сиротство своей строки
И нечитанность и неохваченность смысла – не слова.
Из фабричных чернил эти буквы – давно мертвецы
Нервной прописью ратуют за воскрешенье живого...

А погибших не счесть... не окрепших и павших в бою
Между белым листом из тетради и грызанной ручкой –
Каждый росчерк – как путь из Москвы
«лёгким пёхом» на Колыму
Каждый – Новый Завет: что ни пишешь – ничто не научит...

Если ночь пережить, переспать, подавив в себе тягостный вздох,
То с восходом, возможно, услышишь биение сердца
И напишешь ещё сотни, тысячи искренних слов
И найдёшь в себе Бога, словно ключик от запертой дверцы...

Примешь Мир, как он есть. Как – Отец твой, а с ним – твоя Мать,
Без приюта от века скитаясь, ты себе пробиваешь дорогу,
Чтоб сиротские строчки, пусть и в стол, но писать,
Принося благодарность за жизнь свою Слову и Богу...

ПУЛЬС ВРЕМЕНИ

Пульс времени – в рассказах очевидцев событий. Многие люди приезжают в Ульяновскую область с территорий, которых коснулись военные действия. Анатолий Никитин записал свидетельство жительницы Донбасса о пережитом в Мариуполе.

Анатолий НИКИТИН, ветеран боевых действий в Афганистане.

ГОРОД БУДЕТ ЖИТЬ!

«Дайте городу жить» – эти слова жительница Донбасса Наталья Клементьева буквально выпалила в адрес нацистского режима Зеленского на Украине. Так начался мой разговор с учительницей из разрушенного украинскими войсками Мариуполя, который после освобождения от националистов на поминал Сталинград времен Великой Отечественной войны. Линия фронта уже далеко отодвинута от города, но вооруженные силы Украины продолжают попытки бить по Мариуполю из реактивных систем залпового огня. К счастью, наши средства противовоздушной обороны надежно прикрывают этот город на берегу Азовского моря.

Сестра моего друга – Наталья – долгих восемь лет (2014–2022) жила на оккупированной территории войсками ВСУ и батальона «Азов»*, по некоторым данным это был полк (запрещенная в РФ организация). Она вспоминает.

Ранним утром 24 февраля 2022 года горожане проснулись от взрыва снарядов, позднее выясни-

лось, что это российская армия в течение 20 минут наносила точечные удары по заводу «Азовсталь», городскому военкомату и аэропорту, где дислоцировались ВСУ. Тогда ещё люди не сразу поняли, что началась Специальная военная операция (СВО) российских войск по денацификации и демилитаризации бандеровской власти на Украине. Дальше терпеть издевательство, унижения, а зачастую и геноцид над мирным русским народом было нельзя. Практически одновременно снаряды украинской реактивной артиллерии полетели на восток в сторону России, и обстрелы продолжались до 28 февраля круглосуточно с небольшими перерывами ночью.

После первых же взрывов одно из подразделений, печально известного батальона «Азов» (запрещенная в РФ организация) спешно перебазировалось в школу-интернат №1. Здесь они трусливо спрятались среди жилого массива, зная, что российская армия ни при каких обстоятельствах не будет стрелять по мирным жителям. Тем же утром

*Запрещен в России, внесен в перечень террористических и экстремистских организаций.

все учебные заведения экстренно перевели на дистанционное обучение. С 28 февраля отключили отопление, свет, воду, но газ ещё какое-то время поступал. Украинская армия с 05.30 второго марта начала обстреливать жилые кварталы города, тогда основная масса людей двинулась в сторону стадиона, где была возможность укрыться в бомбоубежище. На двери школы №56, которая имела большие, просторные подвалы, нацисты повесили замок и предательскую табличку «Убежища нет».

Наталья Александровна с дочерью Олесей проживала на 5-м этаже хрущевки, в доме №10 по Бульвару Морскому, где верхние этажи постоянно простреливались. Сосед – «афганец» Валера – забрал их к себе на 3-й, и здесь было относительно безопаснее. Со шлаковой горы (это территория комбината «Азовсталь», подконтрольная ВСУ) периодически выезжал танк, который вторым же выстрелом попал в ее квартиру. К счастью, в это время они с дочерью были двумя этажами ниже, но страха натерпелись и там. После прямого попадания в ее жилище Наташа побежала выяснить, что от него осталось. И когда в окно увидела украинский танк, повторно разворачивающий башню в сторону их дома, она от испуга сразу побежала назад, резко спустилась вниз. Очевидцы утверждают, что после ухода жильцов в разрушенной квартире обосновалась украинская женщина-снайпер.

Каждые три часа выстрелы из танка в сторону жилого сектора, ВСУ чередовали с залпами из «Градов», и обстановка в городе быстро накалялась. Четвертого марта вэсзушники во двор дома подогнали автобус «Богдан» и дали жителям десять минут на эвакуацию без вещей. Собравшихся перевезли в центральное городское общежитие Приозерского государственного педагогического университета, где не было тепла, воды и света, а при этом на улице 10 градусов мороза. По прибытию комендант сообщила: «Здание переполнено, если найдете себе место – размещайтесь», никакой переписи и переключки не проводилось. В ночь на пятое марта Наталья с дочерью от безысходности выдвинулись домой к подруге в сторону Приморского района поселка Западный (30–40 минут ходьбы). По дороге опасались украинских снайперов, для которых местность была пристрелена. При встрече хозяин дома на Январской, 32, Николай Михайлович, произнес: «Вы из одного ада пришли в другой». Далее он пояснил, что рядом на Краснофлотской стоят ВСУ и без перерыва обстреливают частный сектор, а по ночам выходил танк и вел огонь по домам. Не было сотовой связи и 20–21 марта Наташа с подругой на полусогнутых побежали на крышу водонапорной башни, где зара-

Квартира на 5-м этаже, где проживали Наталья с дочерью. Квартира на 3-м этаже, где они укрывались с 24 февраля по 4 марта 2023 года.

ботал телефон. Она дозвонилась до своей знакомой Яны (это родительница из класса), которую просила найти в интернете брата из Ульяновска – Владимира – и передать ему, что они живы. В этот момент пули просвистели над их головами, они спрыгнули и побежали, а вэсзушники «положили» снаряд точно на место, где они только что были. Отсюда Наталья с дочерью перебрались на улицу Ткаченко-Петренко, дом 8, к крестной своего ребенка, тоже Наталье, надеясь, что там будет спокойнее. Все это время частные дома находились под постоянным обстрелом, и приходилось передвигаться с опаской, местами ползком. Продукты заканчивались, и восьмого апреля, объединившись в группу, они с риском для жизни были вынуждены пойти за «гуманитаркой» к российским солдатам. Для получения продуктового набора всем беженцам нужно было пересечь линию огня, а вся территория простреливалась националистами. «Когда мы проходили, российские блокпосты, солдаты подсказывали нам – мирным жителям, куда и как передвигаться,

где наибольшая опасность и по возможности сопровождали нас», – говорит Наталья.

Гуманитарная помощь, которая раздавалась в ангарах «Мэтро», состояла из двух пакетов муки, макарон, растительного масла, сгущенного молока, пшени, гречки, тушенки, хлеба, булок, конфет, печенья и пяти литров воды на человека. Тут же работал наш военторговый магазин с низкими, бросовыми ценами. Все становилось в очередь, даже российские бойцы, среди которых был один контуженный, терпеливо и мужественно стоявший, пропускавший вперед женщин и детей. Российские военные вели себя достойно и уважительно по отношению к гражданским, среди которых, к сожалению, встречались крохоборы из числа сторонников проукраинских националистических взглядов. Наши ребята и здесь наводили порядок, пресекали мародерство, панику и хаос. Обратная дорога через линию соприкосновения была ещё опаснее, и нужно было успеть до начала комендантского часа. Бандиты из ВСУ и батальона «Азов» (запрещенная в РФ организация) условно давали пройти за продовольственным набором на российскую сторону. Затем прицельно стреляли по мирным жителям, возвращавшимся обратно, цинично и подло забирая себе продукты убитых и тех, кто бросил продпакет, укрываясь от обстрела. С группой беженцев (10–12 человек) Наташа прошла улицу Талалихина, далее «укропы» встретили их плотным огнем. В этот момент со стороны нашего блокпоста по украинским националистам начали работать минометы. Понимая, что их прикрывают свои, пригнувшись, все мигом добежали

до 29-й школы, мысленно благодаря Бога и наших парней – мотострелков.

Со слов Натальи Александровны, боевики «Азова» (запрещенная в РФ организация) забегали во дворы и прикрываясь мирными гражданами, стреляли в сторону российских военных. Наши солдаты заранее предупреждали нас, гражданских, какие улицы будут под зачисткой и где пойдет наступление, чтобы мы не оказались в зоне огня, перестрелки. Кроме того, разборчиво и профессионально работала авиация ВКС России. Летчики наносили удары прицельно точно по укрывавшимся националистам.

«12 апреля мы побежали к российскому блоку, мимо интерната по улице Бахчиванжи (ранее здесь стояли ВСУ), но их отутюжили наши артиллеристы», – вспоминает Наталья. Солдаты сказали, что в направлении «Мэтро» все заминировано, и велели двигаться к 17-й больнице. На наш вопрос, почему не в сторону «Мэтро» (там ранее выдавали гуманитарную помощь), бойцы ответили, что два дня назад с комбината «Азовсталь» (территория подконтрольная ВСУ) обстреляли гуманитарный конвой с беженцами, были погибшие. К 17-й больнице россияне подали большие, комфортабельные автобусы, и мы почувствовали родное, доброе, душевное отношение к нам со стороны российских солдат». Наташа подошла к одному из десантников, он предоставил телефон, чтобы позвонить брату Владимиру в Ульяновск. Далее под охраной всех повезли на восток, домой в Россию.

Разместившись в автобусе, все немного перевели дыхание, и это была первая промежуточная радость людей за все время с начала спецоперации. Двигаясь колонной вдоль побережья Азовского моря, мирные жители из разрушенного города ещё долго не могли успокоиться. Волнение и тревога не покидали людей, одиночные артиллерийские снаряды изредка ложились вдоль дороги, и прилететь по автобусу могло в любой момент, но в этот день им повезло.

ВСУ и «азовцы» использовали горожан в виде живого щита и заранее предупреждали: «Из города не высовываться, вокруг все заминировано». Благодаря несгибаемому характеру, силе воли, желанию жить и сберечь своих детей эти люди выжили. Сильные духом, закаленные мариупольцы смогли пережить весь ужас войны находясь на волоске от смерти.

Националисты говорили местным жителям: «Вы совки и ждуны». «Да, мы смотрели на восток и ждали, что российская армия нас освободит. И дождалась!» – с уверенностью говорит Наталья Клементьева. Всё это время людям угрожала смертельная опасность, и они вели борьбу за выживание.

Мариуполь – это город, наиболее пострадавший от действий ВСУ и батальона «Азов» (запрещенная в РФ организация). По свидетельству очевидцев, они целенаправленно уничтожали городскую инфраструктуру. Преднамеренно, умышленно, из мести вели точечный огонь прямой наводкой, что наносило максимальный урон жилым домам.

В настоящее время Россия, в том числе Ульяновская область, активно восстанавливают один из самых промышленных городов Украины, населе-

ние которого составляло около пятисот тысяч человек. Здесь расположены металлургические гиганты комбинат «Азовсталь» и завод «Ильича». Прежде, чем начать строительство, из города было вывезено огромное количество мусора, земли, остатков от строений, а также разминирована значительная территория.

Со слов Алексея Русских: «Кроме подшефного Лутугинского района ЛНР, Ульяновская область взяла на себя ремонт ряда жилых домов и социальных объектов Мариуполя». В феврале 2023 года наш губернатор принял участие в открытии школы, которую восстановил наш 73-й регион.

В марте этого года президент России Владимир Путин неожиданно посетил Мариуполь, проехал по городу на автомобиле за рулем, спонтанно общался с жителями. Убедился лично, что восстановление города идет высокими темпами. Одна из жительниц сказала: «Современный Мариуполь – это маленький кусочек рая». На что президент ответил: «Будем его расширять». В городе начинают работать школы, детские сады, магазины – и люди на позитиве. Жители Донбасса хотят покоя и стабильности, надеясь на мирную жизнь в составе России.

Сейчас Наталья Александровна Клементьева с дочерью Олесей мирно проживают на территории Ульяновской области. Но Мариуполь отстраивается заново, и они, как и многие другие жители, вынужденные покинуть город из-за боевых действий, надеются в будущем вернуться на родину.

Статья была написана 12 апреля этого года, к годовщине освобождения нашей героини с дочерью от украинских националистов. А прошедшим летом они побывали в Мариуполе и потом поделились впечатлениями об увиденном.

***

В плацкартном вагоне поезда Наталья с дочерью добрались из Москвы до Ростова. Далее с автовокзала на современном автобусе проехали по маршруту Ростов – Мариуполь. Вся дорога заняла четыре часа, а пассажирский транспорт курсирует с интервалом в один час. Первое, что бросилось в глаза, – город похож на большую строительную площадку, везде кипит работа. Восстановление города идет непрерывно без выходных, 24 часа в сутки, семь дней в неделю. По оценкам специалистов Мариуполь был разрушен на 80 процентов. Все работы проводятся под общим руководством Минстроя России, но каждый объект закреплен за определенным регионом страны. По заключению специальной комиссии, здания, не подлежащие восстановлению, сносятся. В обследованных домах, у которых фундамент и несущие конструкции нижних этажей позволяют нести нагрузку, строители надстраивают верхние этажи. Одновременно облагораживаются придомовые территории, появляется много детских площадок, всюду высаживаются деревья, цветы, разбиваются газоны.

Ульяновская область восстановила 41-ю школу, об этом удалось узнать у мариупольцев. Здесь сделан шикарный евроремонт, продуман дизайн, закуплена и поставлена учебная и мягкая мебель, школьное оборудование. На пришкольном участке наши земляки соорудили детскую площадку для из-

учения правил дорожного движения. Совсем рядом ульяновские строители капитально обновили детский сад.

На комбинате «Азовсталь» и заводе «Ильича» идет разбор завалов, уборка и разминирование территории. Саперы находят неразорвавшиеся артиллерийские снаряды, противотанковые и противопехотные мины, осколочные гранаты. В будущем на этих площадях планируется разбить технопарк.

На месте расположения ангаров «Мэтро» (ранее я писал, что во время освобождения города там выдавали гуманитарную помощь) соорудили ТЦ «Галлактика», в котором можно купить абсолютно все. В торговом центре оформлен чудесный интерьер, вокруг все облагорожено и ярко освещено, имеется велотренажерная площадка. Все это впечатляет и соответствует уровню Москвы и Санкт-Петербурга.

«Нашу родную школу №10, вместимостью почти 1300 посадочных мест, восстановила Тульская область, у здания была разрушена часть восточной стороны. Рядом появились беседки, детские горки, разбиты лужайки, а деревья высажены в виде дендропарка», – рассказывает Наталья Александровна.

«Дом №10 по бульвару Морскому, в котором мы проживали, снесен. Разбираются остатки строения, коммуникации, работают саперы. Здесь будет построен большой элитный жилой комплекс», – продолжает комментировать она.

Очень символично, что в такое непростое время воссоздали вновь музей-памятник Макара Мазая. Этот мужественный сталевар Донбасса в 1941 году отказался варить сталь для гитлеровских войск, и фашисты заживо сожгли его в топке печи.

Быстрыми темпами жизнь в городе сейчас налаживается, в магазинах имеются все необходимые промышленные товары. Продовольственная продукция вся свежая, снабжение и ассортимент – на самом высоком уровне.

Мариуполь живет в своем мирном русле, где работает даже зоопарк, опять же с хорошим обустройством и освещением.

В Азовском море кристально чистая вода, много рыбы, возвращаются дельфины. «За месяц нашего пребывания в городе однажды прибило к берегу морскую мину, но саперы ее быстро обезвредили», – продолжает рассказывать Наталья. Горожане уверены, со временем здесь будут лучшие российские курорты для детей и взрослых.

В Мариуполе Наталья Александровна с дочерью останавливались у родительницы из класса. В отдельные дни где-то вдалеке были слышны разрывы ракет, снарядов, и это слегка напрягало. По-прежнему местные жители говорили им: «Успокой-

Мариуполь. Школа №10 после восстановления. Сентябрь 2023 года.

тесь вы, это работает ПВО российских войск. Все будет хорошо». На месте узнали, что дети из школы №10 этим летом побывали в Санкт-Петербурге, отдохнули в Евпатории и по обмену съездили в Пермь. Также выяснилось, некоторые мариупольцы, которые были вынуждены покинуть город из-за боевых действий, возвращаются домой, и не только с территории России. Семья с сыном девятиклассником из бывшего класса в октябре собираются приехать обратно в Мариуполь из Германии. Мама ребенка говорит: «Всю молодежь подталкивают там к вступлению в сообщество ЛГБТ (аббревиатура для обозначения лесбиянок, геев, бисексуалов и трансгендеров), поэтому мы едем домой в Россию. Дома лучше». Недавно случайно узнал, что в осенью в Харькове (пока город под контролем ВСУ) должен пройти парад-шествие сообщества. Все это наводит на мысль: неужели вся Европа и Украина сходит с ума, куда катится мир?!

Россия вкладывает колоссальные средства для скорейшего восстановления города. В Мариуполе трудятся более тридцати тысяч рабочих со всей страны. С нового учебного года открылись 40 школ, в которые пошли 16 000 школьников. Сейчас строители построили и восстановили более 60 км. федеральной трассы «Новороссия», по которой днем и ночью идут караваны грузовиков с продовольствием и стройматериалами.

«Мариупольцы твердо верят, что в новых регионах России все наладится, наступит мирная жизнь, и победа будет за нами!», – с оптимизмом говорит учительница из Димитровграда Наталья Александровна Клементьева.

Эту статью мне хотелось бы закончить словами легендарного первого главы ДНР Александра Захарченко, погибшего в Донецке от рук украинских диверсантов 31 августа 2018 года. «Люди Донбасса хотят мирно жить, растить детей, варить сталь, добывать уголь», – говорил он. А его высказывание «Умереть не страшно, страшно умереть бессмысленно» врезалось в мою память навсегда.

СОЛО

УХОДЯ, ОСТАВЬ ОТКРЫТОЙ ДВЕРЬ

В издательско-полиграфическом центре «Гарт» в Ульяновске вышел посмертный сборник стихотворений самобытного поэта Владимира Жилкина «Не-вы-но-си-мо!». После публикации его стихов в журнале «Симбирскъ» (№5 за 2022 год) в редакцию поступили восторженные читательские отклики. А мама поэта Лидия Васильевна Жилкина обратилась ко мне с просьбой помочь ей издать лучшие стихотворения сына отдельной книгой...

Владимира Жилкина не стало в прошлом году, он скончался после продолжительной болезни в возрасте 47 лет. Жил он в селе Дмитриево-Помряскино Старомайнского района. Стихи свои никуда не посылал, это было просто его любимым увлечением, которое хоть как-то отвлекало от болезни и вынужденного одиночества. Единственной его публикацией была подборка стихов в газете «Град Симбирск» в середине 1990-х годов, где я тогда вёл «Литературную страницу». Но чтобы она состоялась, я пару раз приезжал к нему домой в Дмитриево-Помряскино и буквально уговаривал Володю дать несколько стихотворений для газеты. Он в то время играл и пел в местном вокально-инструментальном ансамбле, который организовал мой друг, певец и композитор Сергей Лямин, через него мы и познакомились. Поэт обещал прислать мне стихи ещё, но так и не собрался.

Из трёх толстых тетрадей, исписанных рукой Владимира Жилкина, для сборника отобрано 140 стихотворений. Они все разные, но обладают, на мой взгляд, одним ценным качеством – стихи способны проникать в душу, помогая философски осмысливать окружающий мир и побуждая читателя думать,

переживать и сомневаться вместе с поэтом. Многие фразы в его стихах претендуют на то, чтобы стать афоризмами: «Проснувшийся с желанием восстать – / Вновь, по привычке, встанет на колени...», «Ночь распята на крестах оконных рам...», «Жизнь – любимейшая из вредных привычек,/ За которую кара – опыт и быт...», «Собраться с мыслями и целый день молчать...», «Каждый в сем мире несёт свой крест:/ Кому – кипарис, а кому – осина...», «Скорей бы он подвёл себе итог, – /Я всё равно ему бы не поверил...», «Уходя, оставь открытой дверь,/ Чтоб не быть ни на кого похожим...», «Человечество, как загнанная лошадь,/ Мордой ткнётся в вековую пыль...» и др.

Книга вышла небольшим тиражом – всего 100 экземпляров. Большую их часть Лидия Васильевна просила передать в районные и городские библиотеки, во Дворец книги, известным ульяновским поэтам, что я и сделал. А ещё создал страничку стихов Владимира Жилкина на сайте Стихи.ру (<https://stihi.ru/avtor/dmitrievopomr>). Название книги родилось из пронзительной строки поэта – «...смотреть на всё это не-вы-но-си-мо». А на обложке сборника отражена мысль, что философская поэзия Жилкина – это дорога, ведущая в его сложный внутренний мир, загадочный и трагичный. Познакомьтесь с некоторыми стихотворениями поэта из его первой книги...

Николай МАРЯНИН, поэт и краевед

Владимир ЖИЛКИН (1974–2022)

«ЖИЗНЬ – ЛЮБИМЕЙШАЯ ИЗ ВРЕДНЫХ ПРИВЫЧЕК...»

***

Пей да наливай, пей и не грусти,
Август или май – всё одно прости.
Что тебе стена, если есть крыла?
Что тебе весна, если смерть пришла?

Бежевые льды, муромский покой,
Сгнившие сады будут пить с тобой
Или даже петь, в смысле отпевать,
Лебедем на плеть, ворону под стать.

Карандаш в руке, на персях кресты,
Пламя вдалеке – то горят мосты,
То горят года, прожитые вброд,
А вокруг стада да рогатый скот.

Пей да наливай, пей и не грусти,
Спит собачий лай на твоей груди.
Да на что он нам, если тесен круг,
За прекрасных дам помолчим, мой друг...

Солнце встанет вновь и зайдёт опять,
А твоя любовь – пить да наливать.
Скатится с очей поздняя слеза
В пламени свечей – да на образа.

Горе горевать нам с тобой не след,
Скоро уж держать перед Ним ответ.
Сапогом в лицо, рукавицей ли –
Прокляты отцом, согнаны с земли.

Биты-ломаны, огнём палены,
В цепи кованы, в грязи валены,
Конским топотом в степи пуганы,
Во Сибирь потом татью угнаны...

А теперь, увы, время позднее,
И лицо Луны – несерьёзное.
Чёртик маленький в небе вертится,
Лучик аленький – в ад отверстие.

Пей да наливай, пей и не грусти,
За дворцом сарай возле пропасти.
Пропасть чёрная в сердце тычется.
Брань отборная... Русь-Владычица.

***

Уже надоедает замечать,
Что этот день когда-то мной был прожит,
И неизвестность менее тревожит,
Чем неспособность весело соврать
И не заметить глубину подтекста
В весенних лужах, мокрых башмаках,
Красноречивых взглядах, лёгких жестях
И звуках, птицами сидящих на губах,
Скрывающихся стаями соцветий,
Способных от того на миг отвлечь,
Что этот день – ни первый и ни третий –
Сгорает книгой, брошенной в печь.
Словоохотливость лукавою цыганкой
Избавит от накопленных идей,
Растает снегом время, вечный враг мой –
Эй! Злодей-лиходей, гляди веселей!
Нам ли печалиться? – Пить да чалиться,
Верить да веровать, мерить да воровать...
Проснувшийся с желанием восстать –
Вновь, по привычке, встанет на колени.
Удел раба – часами мерить время,
И грех святого – падать, чтоб взлетать.

* * *

В пустыне комнат, в сумраке души
 Забытый всеми вечер-самозванец
 Зачинивал свои карандаши
 И чинно прятал в старый школьный ранец.

Шуршала мышь, горел конец свечи,
 И взгляд упал, ушибся и заплакал,
 И пели старые печные кирпичи,
 Покрывшись пыли изразцовым лаком.

А ты спала, не видя ничего,
 Рукою задевая подоконник,
 И белый призрак платья твоего
 Покачивался, как в петле покойник.

Каприз художника, нелепый эпизод,
 А там – огни, и танцы, и веселье,
 Слоноподобный розовый комод,
 Давно уже почивший от безделья.

И руки, много рук и много ног,
 И много ласковых немых прикосновений,
 И ангелы, и демоны, и Бог,
 И вечность удивительных мгновений.

И кто-то за руку тебя возьмёт,
 В безумном танце весело закружит,
 Два нежных слова на ухо шепнёт,
 И вам теперь никто уже не нужен.

Всё хорошо, как в сказке, как во сне,
 Рука в руке сердца соединила...
 Вам мир, вам счастье, вам любовь, а мне –
 Сырая и холодная могила.

* * *

В светлом подвале, где тень поэта
 Корчится, бьётся о стены мук,
 Ломая в ударах багрового лета
 Мертвопись жеста кистями рук,
 День на ладонях жжёной спичкой
 Проводит линии новой судьбы...
 Жизнь – любимейшая из вредных привычек,
 За которую кара – опыт и быт.
 Воздух – красной лохматой собакой,
 Солнце – его огненный нос:
 Бродит под синью небесной ласковый,
 Глупый, весёлый, горячий пёс.

* * *

Белая дорожка
 Из окна струится,
 Погоди немножко,
 Всё ещё приснится.

Встанешь спозаранку –
 Новый день настанет,
 Расцветёт шарманка
 Белыми цветами.

У колодца – бабы,
 Во дворе – сугробы,
 Снежные ухабы
 Стильные, как снобы.

Жарко дышит печка,
 Убегают строчки,
 Пляшут человечки,
 Пляшут огонёчки.

Улетают искры
 За крутую гору:
 Счастье твоё близко,
 Счастье уже скоро.

Вечер в гости мчится,
 Лунная дорожка...
 Всё ещё случится,
 Погоди немножко.

* * *

Скажи-ка, время для России
 Когда-то было не лихим?
 Другие б пали, обессилев,
 Другие б пали, но не им
 Досталась доля роковая,
 Проклятье Божье, или честь
 Пройти от края и до края
 И свет любви Его донести.

* * *

Где-то свет, а где-то свечи,
 Окон нет, а дверь – далече.
 Сколько сил, да сколько боли,
 Кто не бил, того пороли.
 Ясен взор, а крик всё тише,
 Кровь, позор, а писарь пишет:
 Глянь-кось, люд, поймали вора,
 Убежит теперь не скоро.

Дран плетью, бит батогами,
 А за что, судите сами:
 За леса, за ветер вольный,
 За набат первопрестольный,
 За напев ватаг бурлацких,
 Да за плач детей кулацких,
 За ордынскую неволю,
 За похмелье с перепоею.

За царей, за самодуров,
 За певцов, за балагуров,
 За огонь речей острожных
 И за кровь неосторожных,
 За испуг и за бравладу,
 За победы и награды,
 За весну, за вдовьи слёзы
 Да за вечные берёзы.

За Высоцкого надрывы,
 За высокие порывы,
 За Емельку Пугачёва
 И за Сашу Башлачёва,
 За страну – тюрьму народов,
 За амбиции уродов,
 За акцент кровавый горца,
 За убийцу-миротворца.

За Чернобыля уроки,
 За великие дороги,
 За чеченские «волненья»
 Да за Христово Воскресенье,

За историю из пятен,
За то, что многим непонятен,
За язык, за гордость взгляда –
Вот за что сия награда!

***

Ты знаешь, я себя не помню,
Каким я был ещё вчера,
Ещё сегодня, и легко мне
Не узнанным сквозь зеркала
Перетекать в иное время,
Меня возраст, пол, язык,
Грехи, привычки, убеждения,
Цвет кожи, взгляды, дни рожденья
И номер взлётной полосы.
Внутри себя я гость, зашедший
К малоизвестному себе,
И в нашей необычной встрече
В тот вечер мне увидеть легче
Улыбку ветра, чем судьбе
Позволить одержать победу,
Предначертанием разбив
Любовь к свободе, волю к свету
И всепрощение к любви.

***

Картошка, осень, калий-хлор,
Ты пишешь что-то, я – скучаю,
Нарядный жёлто-красный двор –
Как трогательный торт к чаю.

***

Хорошо: сидишь и пишешь,
За окном давно – зима,
Воробьи на снежной крыше
Заседают дотемна.

На плите бормочет чайник,
В телевизоре – дурак,
Слово для других, случайных,
Не находится никак.

Крутишь в пальцах сигарету,
Долго смотришь на кота,
Вспоминаешь чьё-то лето:
Пыль, тоска и маета...

Вспоминаешь душный полдень,
Ночь – спасительницу душ,
Душ дождя – привет Господень,
Зеркала недолгих луж.

Снова пишешь, успевая
Слово в памяти сберечь.
Аромат волшебный чая –
Вечный спутник странных встреч.

Чьи-то долгие беседы,
Смех и пение в саду,
Чьё-то сладостное лето,
Пыль, тоску и маету...

Зимний вечер, встреча с тайной,
За окном – холодный мрак.
На плите бормочет чайник,
В телевизоре – дурак.

***

Окон оконченность, дверей слепая верность,
Шёлк сквозняка от первых до вторых,
Всеобустроенность,
неспешность, равномерность,
Текучесть, разговор глухонемых
О том, что было, и о том, что будет,
Двор, ветер в нём, повешенный на крюк,
Паук на паутинке ногоблудит
И вертится волчком себя вокруг.

***

Узнай меня среди толпы
И поздоровайся глазами:
Я – ветер из твоей мечты,
И я – корабль под парусами.

Я – лужа, радуга, я – дождь,
Я – дерево в саду цветущем,
Я и хозяин, я и гость,
Кус хлеба в узелке пастушьем.

Я – мир, в котором я живу
И, как ни странно, все вы тоже,
Я – кот, жующий кожуру,
Холодный пот, мороз по коже.

Я – кровь убитых, страх убийц,
Плевки больных туберкулёзом,
Я – письма неизвестных лиц,
Поля, удобрены навозом.

Я – старый кирзовый сапог,
Я – тот червяк, что не летает...
Вы ждёте, я скажу: «Я – Бог» –
Увы... Но всё-таки... Кто знает.

***

Вдоль оврага – не враги,
Просто человеки...
Разожми же кулаки,
Разлобастай веки.

Если есть в котомке грех,
И прощенье справим:
Хватит нам беды на всех,
И другим оставим.

***

За что люблю? За серый цвет лица,
За злобный взгляд, нелепую походку,
За то, что некрасиво пьёте водку
И что-то скучно врёте без конца.

***

Поступь века-командора,
По костям грохочет медь...
Странный город, страшный город.
Я хочу в нём умереть.

***

Дойдём до источника,
Напьёмся воды и прощенья.
И снова наступит весна...
Она расцелует нас
Вдоль по оси вращения:
В левой руке – цветок,
В правой – война.

* * *

Я забыл правила хорошего тона,
Забыл, как применить себя к внешней жизни.
Ощущенье полёта узнав с балкона,
Тоже забыл, теперь я лишний.

Теперь я больше похож на стены
Худой кастрюли для расщепления ядер.
Энергетический кризис, хлопья пены, –
Аплодисменты! Ну же, хлопайте, дяди!

Хлопайте, ведь перед вами – гений,
Не напирайте, он очень хрупкий,
Он – состояние вне положений,
Голос неведомого из телефонной трубки.

Рассказал о трупях в конце тоннеля,
Развеял сомнения, успокоил.
Теперь я лишний, пойдём смелее,
Небо глубокое и голубое...

Почему, как правило, исключения
Являются выходом в бездну смысла?
Я цитировал древние изречения,
Расщеплял ядра на звук и числа.

Поверял тональ нагвалем, однако
Оказался лишним в обеих схемах,
Отказался от признанной системы знаков –
Теперь я больше похож на стены.

Ветер сорвался с цепи наречий,
Он давно уже стал надёжнее камня,
Для чего-то романтики ставят свечи,
Для чего-то у этого окна есть ставни.

Я хожу, опираясь на крышку гроба,
Настоящее считаю давно минувшим,
И, не став поэтом, ценю особо
Лишь чужие опыты борьбы с удушьем.

* * *

Когда месяц выкатится карликом горбатым,
Забегу к тебе я, встану у дверей:
На меня набросятся облаком лохматым
Розовые бредики спальни твоей.

Стая нот с бемолями в старом пианино,
И сатир с гитарой в радужном огне,
И гремя заклёпками, пронесётся мимо
С банкой самогона рыцарь на коне.

Ты в накидке шёлковой, в снежном пеньюаре,
Сигаретка в пальчиках, алых губ цветок,
Над тобою ангел, тих и лучезарен,
Крыльями укрытый, спит без задних ног.

И поэт безмозглый, преклонив колено,
Для тебя читает страшно и смешно
Что-то о холодной сумрачной вселенной,
И о том, как радостно пить любви вино.

Незаметно выйду в душной ночи бархат,
Тросточкой разбрызгивая свет от фонарей,
Слыша, как цитируют Платона и Плутарха
Розовые бредики в спальне твоей.

ПУСТЬ ВСЕХ ХРАНИТ ГОСПОДЬ

Здравствуйте, уважаемая редакция литературного журнала «Симбирскъ»! Пишет вам читательница вашего журнала с 2023 года Жилкина Лидия Васильевна. Первый номер я прочитала на одном дыхании, от корки до корки, была рада, что выписала этот журнал. Теперь не расстанусь с ним. Здесь много трогательных человеческих историй в прозе и откровений в стихах.

«Юбилейный календарь» – это увлекательное путешествие в историю и взгляд в будущее. До слёз тронул рассказ Нины Орловой-Маркграф «Братка», стихи поэтов литературного объединения с Луганщины – Владимира Удовкина, Сергея Серебрякова, Марии Лысенко. А стихи-посвящения памяти Александры Беловой – «Белые георгины» Николая Марянина и «По лёгкой поступи» Елены Ермошиной – настоящие шедевры.

Хочу выразить свою благодарность главному редактору Елене Викторовне Кувшинниковой за публикацию в пятом номере журнала за 2022 год, подаренном мне, подборки стихов моего сына Владимира Жилкина, которую подготовил замечательный поэт и краевед, член Союза писателей России, Николай Викторович Марянин. Это добрый, чуткий,

с невероятной увлечённостью, работоспособностью и любовью к людям и своему краю, удивительный человек. Мой низкий поклон и безграничная благодарность за его огромную помощь в издании сборника стихов Володи «Не-вы-но-си-мо!».

Искреннюю благодарность выражаю также Сергею Николаевичу Лямину, композитору, учителю музыки, наставнику моего сына. Низкий материнский поклон вам, Сергей Николаевич... Большое сердечное спасибо и учительнице литературы Татьяне Владимировне Орловой за помощь в подготовке материалов для выпуска сборника.

Отдельное спасибо поэтессе из рабочего посёлка Старая Майна Светлане Александровне Гужевой за прекрасный комментарий к сборнику стихов моего сына.

Не могу не выразить свою благодарность и издателю сборника Александру Васильевичу Качалину.

Пусть всех хранит Господь.

Лидия ЖИЛКИНА,
с. Дмитриево-Помряскино, Старомайнский р-н

УЛЬЯНОВСК – ГОРОД ЛИТЕРАТУРЫ

ДАЙДЖЕСТ

Выставка «Все краски вдохновения детства»: наградили лучших из 2500 участников со всего мира

10 сентября, в День города, в парке Победы прошёл финал Международного фестиваля детского творчества. За призы боролись 2600 участников из России, Китая, ЮАР, Беларуси, Турции и Казахстана, а 250 детей представляли Ульяновск. В итоге состоялась выставка «Все краски вдохновения детства». Горожане увидели 31 детскую картину, выставленную на мольбертах и на стендах.

Заместитель главы города О. Грибалев поздравил горожан с 375-летием города и отметил педагогов ДШИ и ЦДТ, чьи воспитанники нарисовали лучшие рисунки.

Идея показать горожанам безграничность детского творчества возникла в рамках конкурса проектов «Креативный город», посвященного 375-летию Симбирска-Ульяновска. В итоге проект победил в номинации «Фест-Ульяновск». Организатор мероприятия – АНО «Центр развития и поддержки креативных проектов «Симбирск», а дирекция выступила партнером и соорганизатором.

Впервые в городе – креативные экскурсии «Ай да Пушкин!»

«Ай да Пушкин!» – уникальный проект, ставший новшеством в городской афише событийного туризма. Он состоит из двух креативных экскурсий – гастрономической и экскурсии «Пугачев в Симбирске: история и мифы». Мероприятия посвящены 190-летию посещения А.С. Пушкиным Симбирска.

Проект получил поддержку Президентского фонда культурных инициатив и объединил тех, кто редко работает вместе, – филологов, краеведов, историков, малый и средний бизнес, актеров, художников, работников музеев, частные туристические агентства. Мы присоединились к программе «Пушкинская карта». Создатели проекта – АНО «Центр развития и поддержки креативных проектов «Симбирск», дирекция и Ульяновский областной художественный музей. Шеф-повара ресторатора Елены Ежовой создали специальное меню для гастроэкскурсии. И 25 августа состоялась премьера гастромаршрута, который вызвал интерес, и во второй раз экскурсия состоялась в день празднования 375-летия города 10 сентября. Участники узнали интересные факты и мифы о пребывании великого поэта в нашем городе и попробовали изысканные блюда, которые мог оценить сам Пушкин.

А 8 сентября мы презентовали сразу две премьерные экскурсии «Пугачев в Симбирске». Участниками стали 100 человек. Школьникам и взрослым был раскрыт исторический контекст поездки Пушкина по следам Пугачевского восстания. В эту экскурсию включен и интересный разговор с лауреатом Международной литературной премии имени И.А. Гончарова, кандидатом наук, писателем, директором по развитию лигагентства и школы «Флоберриум» Татьяной Булатовой о героях и о современном значении повести «Капитанская дочка».

Стали частью международных фестивалей «Аркадия» и «Перекресток»

Дирекция стала партнером международных фестивалей «Аркадия» и «Перекресток».

По приглашению дирекции на эти фестивали Ульяновск посетила делегация из турецкого города Кахраманмараша (сокр. – Мараш). Мараш – город-кандидат на вступление в креативную сеть ЮНЕСКО по направлению «Литература». К нам прибыли руководитель офиса города-кандидата в сеть ЮНЕСКО Э. Коджагёз и ее коллега С. Сомунджу, являющиеся профессорами турецкого университета, и директор Департамента культуры, туризма и спорта города Д. Доан. Они посетили фестивали, вузы области, Фонд креативных индустрий, областной Дворец книги и городские библиотеки, а также мастерскую молодого писателя «Платиновый век», кузнечный двор «Корч» и т. д.

«Мы рады, что профессиональные отношения с нашими иностранными коллегами носят долгосрочный характер. В 2021 году кандидат наук, краевед Р.К. Вильданова посещала Кахраманмараш для обмена опытом в сфере литературы. И в этом году делегация Кахраманмараша впервые посетила наш город. Опыт Ульяновска как города ЮНЕСКО представляет для коллег особую ценность», – отметила начальник Управления культуры города Елена Топоркова.

«ЛитМаршрут-375»

Дирекция устроила мини-перформанс-экскурсию «Ай да Пушкин!» во время путешествия на литературном трамвае «ЛитМаршрут-375». Все желающие узнали интересные факты из истории Симбирска, связанные с именем Пушкина.

Почетными гостями стали директор Самарского регионального центра Всероссийского музея А.С. Пушкина О. Любимова, зам.директора Национального литературного музея Башкирии И. Шаяхметова, директор ЦБС Елабуги Ю. Назипова. Вместе с ребятами из физико-математического лицея №38 мы вспомнили лучшие произведения поэта. Яркой частью пути стало совместное хоровое чтение отрывка из поэмы «Руслан и Людмила».

Организаторы тура – МБУК ЦБС, «Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО» при поддержке Управления культуры г. Ульяновска, МУП «Ульяновскэлектротранс».

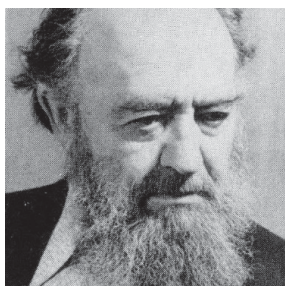
Дружба народов

Мы продолжаем совместную работу с сообществом иностранных студентов. Свои таланты студенты представили на мероприятиях, партнёрами которых мы выступили. Зажигательные танцы, стихи на родных и на русском языке, песни и даже игра на флейте украсили международную площадку города ЮНЕСКО в рамках кинофестиваля «От всей души» им. В.М. Леонтьевой. В программе был и большой квартирник Love and peace с участием молодежи стран БРИКС.

Вместе с дирекцией наши иностранные друзья исполнили фрагмент известной песни «Солнечный круг» на русском и английском языках, чем вызвали бурные овации зала.

Подготовила Дарья ФОКИНА

Григорий КОНОВАЛОВ (1908–1987)

1 октября. 115 лет назад родился прозаик Григорий Иванович Коновалов (01.10.1908, с. Боголюбовка, ныне Сорочинского р-на Оренбургской обл. – 17.04.1987, г. Саратов). Окончил Пермский пединститут (1935). В 1940 году переехал в Ульяновск; работал преподавателем литературы в педагогическом институте. Руководил Ульяновской писательской организацией (1946–1955). С 1955 года жил в Саратове. Автор романов «Университет» (1947), «Степной Маяк» (1949), «Истоки» (1959), «Былинка в поле» (1969), «Предел» (1974), «Благодарение» (1983), «Воля» (1987); сборников рассказов «Беркутиная гора» (1963), «Постой в Кудеярове» (1973) и др. Лауреат Государственной премии РСФСР имени А.М. Горького (1970).

ИСТОКИ (отрывок из романа)

Тяжёлой ледовой бронёй заковывает мороз Волгу от тверских лесов до каспийской рыжей пустыни.

Деревянный стон прозябшего мягкотелого осокоря замирает в пойме, покряхтывает жилистый дуб на пригорке; трескаются оголённые ветром курганы в заречной степи. Молодая осинка, потревоженная заячьими зубами, осыпает иней.

Хлынут на рассвете южные ветры, влажно потемнеют деревья, покачивая на ветвях прилетевших ночью грачей. Сквозь снеговые оползни прорежутся лобастым камнем-песчаником берега. Душистая дымка заголубеет над оттаявшим суглинком, румяная верба надует белёсые в птенячьем пуху почки. Воркующим клёкотом ручьёв наполнятся крутояры, бойкие притоки кинут в Волгу вешние воды, настоянные на летошних травах. И тогда от гирла до верховья хмельная от земных соков Волга взламывает тяжкий, стальной синевы лёд.

Бывает и так: намоет Волга остров. Пройдёт много вёсен, сизая мать-и-мачеха лопушится на песках, над заводью никнет плакучий ивняк. И уже доверчивый грач вьёт гнездо на вершинах деревьев, и соловей заливается в островных чашобках. Но вот река с весёлой яростью бросит воды на остров, подмывая и разрушая его. Осокори, чертя зелёными верхушками по небу, падут на крутобокие волны. Прилетит грач, и соловей прилетит, а острова нет, и деревьев с гнёздами нет. Как ни в чём не бывало широким разливом гуляет Волга...

Редкое событие на Волге не касалось Крупных: почти каждое оставляло память о сосланных и убитых, о вдовых и сиротах. Временами плодovitый род едва не исчезал. Однако проходили годы, и снова от Нижнего до Астрахани среди сталеваров и речников, плотников и бродяг встречались рослые сухощавые Крупные – пшеничной желтизны кудри на непокорной голове, устремлённый приземляющий взгляд чуть выпуклых глаз да с горбинкой нос. Попадались Крупные и на каторге в далекой Сибири...

Однажды заводские двинулись на маёвку по Миллионной, мимо дома генерал-губернатора. Знаменосцами сталеваров шли Евграф и Денис. Пиджаки застёгнуты на все пуговицы. Воротники голубых, шёлком расшитых косовороток подпирали бритые подбородки. Подпалённые на кончиках рыжеватые усы затеняли плотно сжатые губы. Рядом с братьями, улыбаясь отчаянными глазами, вышагивали меньшаки – Савва и Матвей. Потому только и взяли мальчишек, что умели складно и звонко подпевать...

Калмыковатые казаки-уральцы на степных лохматых лошадях охватили площадь кривым полумесяцем. Из чугунных ворот Александровской казармы, дружно отбивая шаг, вышли с ружьями на плече солдаты Царицынского полка. Издали лица солдат казались безглазыми, плоскими.

Низко и грозно загудела песня сталеваров:

– Шагайте без страха по мёртвым телам...

В густоватые басы вплелись серебряной нитью голоса крупновских пареньков, Матвея и Саввы:

– Не плачьте над трупами павших борцов...

Уральцы блеснули клинками, припали к гривам лошадей. Тревожную дробь барабана рассыпали царицынцы. Вскинутые наперевес винтовки вспыхнули штыками. Денис велел меньшакам уходить домой. Но они ещё плотнее прижались к нему, с весёлой дерзостью посматривая на казаков. В руках у подростков грелись синеватые булыжники.

Как ветром сдуло любопытных людей, шедших по тротуарам. Один на один очутились казаки и нацеленная в них плотная, будто из стали кованая колонна рабочих. Огнём полыхал над рабочими

красный парус знамени. Молча, тяжёлым шагом продвигались металлурги вперёд. Обдавало их запахом сена и конской мочи. Подскакал урядник, замахнулся плетью на знамя. Денис перехватил в воздухе плеть, спросил строго, раздувая ноздри:

– Куда, барин, прёшь? Люди идут!

Недружные залпы треснули сухо. Несколько рабочих рухнули на дорогу. И сразу стало просторно вокруг Крупновых. Взмыл разбойный свист: казаки хлынули в атаку, рассыпая над толпой мерцание клинков.

Подхлестываемый людским прибоем, Денис бежал вместе с меньшими братьями, свёртывая знамя. Позади нарастал топот копыт, цвенькали над головой пули...

Александр НАУМОВ (1868–1950)

2 октября. 155 лет со дня рождения государственного деятеля, мемуариста Александра Николаевича Наумова (02.10.1868, г. Симбирск – 03.08.1950, г. Ницца, Франция). Окончил Симбирскую мужскую классическую гимназию (1887); одноклассник В.И. Ульянова. Именье находилось в селе Головкино (ныне затопленная территория Старомайнского р-на). Был членом Госдумы и Госсовета, министром земледелия России. Во время Гражданской войны поддерживал Белое движение. С 1921 года жил во Франции; инициатор проведения Дня русской культуры (1935). Автор изданного в Нью-Йорке двухтомника мемуаров «Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917» (1954–1955), где рассказал о жизни в Симбирске.

ИЗ УЦЕЛЕВШИХ ВОСПОМИНАНИЙ (отрывки из мемуаров)

Появился я на Божий свет в ночь с 20 на 21 сентября (ст. ст.) 1868 года в городе Симбирске в так называемом Ермоловском доме – большом двухэтажном каменном особняке, стоявшем на видном месте Московской улицы.

Родителями моими были Николай Михайлович Наумов и Прасковья Николаевна, урождённая княжна Ухтомская. Тот и другая принадлежали к старинным русским родам.

Наумовы ведут своё происхождение от родоначальника Наума, сына Павлина, выходца из «свицких земель», вступившего на службу в XIV столетии к великому князю Симеону Гордому. Последующие поколения Наумовых в лице своих представителей являли собою непрерывную серию служилых русских людей, так или иначе привлечённых к делу собирания и строительства Российской земли и государственности. Многие из них состояли в числе лиц, в той или иной степени приближённых сначала к великокняжескому, затем царскому и, наконец, Императорскому престолу, а один из моих предков, стольник Наумов, значился в списке избирателей на русское царство Михаила Фёдоровича Романова...

С 1875 по 1887 год, по зимам, мои родители ради учения своих сыновей жили в Симбирске. Сначала была наёмная квартира в доме Данилова, около церкви Ильи Пророка, а затем дедушка подарил моему отцу дом-особняк, бывший Денисова, с обширным садом.

Все мои детские и юношеские годы, вплоть до окончания мною гимназического курса, проведены были в этом доме. Прежде чем переехать в него,

отцу пришлось капитально всю усадьбу отремонтировать, причём в верхнем этаже (он был двухэтажный) были с обеих сторон устроены крытые галереи, столь памятные для нашего детского времяпрепровождения. Из окон одной из них открывался незабываемый вид на волжский простор, особенно во время весеннего разлива, с обычными его спутниками – плывущими пароходами, плотами, белянами и пр.

В верхнем этаже жили мы, дети, – трое сыновей, а в нижнем – родители, причём у отца и матери были свои «половины», а затем помещались удобная столовая и большая зала – гостиная. Главное же достоинство нижнего этажа заключалось в расположенной около маминого будуара террасе, тоже с видом на Волгу и выходом прямо в сад.

«Весь Симбирск» бывал у моих гостеприимных родителей, и это немудрено, ибо добрая половина его были нашими родственниками. Деловые разговоры чередовались с весёлой болтовнёй, музыка – с картами, а про наше раздолье юношеских игр и забав в тенистом плодовом саду и говорить нечего – было где разгуляться и порезвиться!

В те времена средне-учебные военные школы назывались «военными гимназиями» и не носили того специально-военного характера, который был им придан в «послемилютинский» период. Учительский персонал был большей частью составлен из лиц штатских по вольному найму, и лишь директор, инспектор и лица, обучавшие военному строю, принадлежали к воинским чинам.

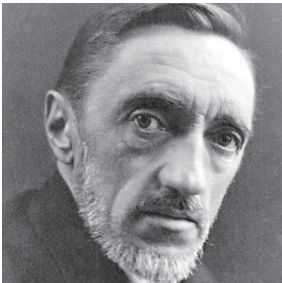
В 1876 году в Симбирске было выстроено в самом центре города прекрасное и огромное здание для военной гимназии с обширным двором для строевого обучения и гимнастики. Красно-кирпичного цвета корпус этого здания состоял из трёх этажей, которые впоследствии соответствовали делению состава учащихся на три роты.

Потом, с 1881 года, всё переменялось. Гимназия была преобразована в кадетский корпус. В общем, и внешне, и внутренне характер прежнего военно-гимназического быта и учения существенно изменился, к лучшему или худшему, трудно сказать. Думается, что излишняя формалистика для детей гимназического возраста явилась в ущерб сути учения и воспитания.

Я прибыл в военной гимназии два с половиной года. Сначала, будучи в первом классе, я ездил из

нашего дома в гимназию совместно с моими братьями на небольшой долгушке с неизменным нашим Иваном; последние же полтора года – только с братом Николаем, так как старший, Димитрий, в то время проходил курс в Петербурге в Николаевском кавалерийском училище.

В военной гимназии было у меня в то время много родных и друзей в других отделениях и классах: годом старше учился мой двоюродный брат князь Михаил Ухтомский, троюродный брат Александр, «Капка» Беляков, Михаил Валуев, братья Демпрейс – Михаил и Николай, Герман Молоствов (последние трое все казанские), Языковы и др. Со всеми ними у меня осталась тесная дружба и после перехода моего в 1881 году из военной гимназии в классическую в том же Симбирске...

Иван ШМЕЛЁВ (1873–1950)

3 октября. 150 лет назад родился писатель, публицист Иван Сергеевич Шмелёв (03.10.1873, г. Москва – 24.06.1950, коммуна Бюсси-ан-От, Франция; перезахоронен в Москве). Окончил Московский университет (1898). В 1917 году отправился на поезде в Сибирь для встречи политкаторжан; был на станциях Инза, Базарный Сызган, Барыш и Кузоватово Симбирской губернии; в цикле очерков «В Сибирь за освобождёнными» оставил воспоминания об остановке в Барыше. С 1922 года жил в эмиграции, где дружил с поэтом Д.И. Ознобишиным; посвятил ему рассказ «Приятная прогулка» (1950). Автор романов «Солдаты» (1930), «Богомолье» (1931), «Няня из Москвы» (1936), «Лето Господне» (1948), «Пути небесные» (1948) и др.

В СИБИРЬ ЗА ОСВОБОЖДЁННЫМИ (отрывок из очерка)

Ночью – не помню, на каком разъезде, на грани Пензенской и Симбирской губерний, – пришлось опять говорить с толпой. Моросил дождь, промозгло подувало с тёмных полей, неуют жуткий, а народ топчется здесь с утра, чередуясь. Вышли из тёмных деревень «за светом». В мокрых лаптях стоят, почмокивают, просят «понятных слов». Надо видеть эти незабываемые лица, эти топчущиеся ноги. Слышать надо трудные вздохи, в которых – сложные чувства, тихий призыв: скажи. Опять раздаём «литературу», случайную, предварительно просмотрев её. Бедно, бедно. Надо вагоны листов, ясно составленных, без этих смущающих слов, вычитанных знатоками в книгах: референдум, инициатива, минимум, пропорциональное представительство, национализация. Сухие слова.

– По-немецкому пишут, без понятия... – уныло сказал бледный, чахоточный парень и порвал листок.

С народом надо говорить его языком. И я говорил. Самое сложное передавала в понятных словах, – и понималось всё, и прояснялись лица. И везде – «покорно благодарим!».

Там, в Москве, думалось: как-то в глуши, в народе. Побаиваются народа: тёмный, всего можно ждать. Да, очень тёмный для городских понятий и слов. Но в этой темноте такой свет заложен, такая чуткость и такая жажда познать, что великое преступление будет, если кого удержит бессмысленный страх от самого тесного общения с народом. Надо к нему идти, в самые недра. Теперь не может быть отговорок: некому помешать. Надо идти с самым

открытым сердцем. И станет тепло захоладовавшей душе, и жизнь оправдается. Идти, учить и учиться. Надо переезжать из села в село и отвечать народу. Он спросит сам. И умело спросит. Пусть идут любящие народ, чтобы не пошли иные. Ведь скоро придётся выбирать в Учредительное собрание.

– Поучите, господин! – в голос взывают на разъезде.

И я, сколько есть разумения, говорю. Но ведь это – только глухой разъезд. Господи, какая необъятность вокруг! И какая неведомость.

Все рады, что кончилась, наконец, ихняя власть...

Появляется из толпы солдат. Этот – из Питера, только с революции. Он очень речист. В Москве был проездом, смотрел «арсенал» и всё знает.

– Москва не годится супротив Петрограда. Нет никакой интеллигенции. Как стал функционировать по улицам, – сразу увидел. Совсем для Питера контрактаст!

Этот всему научит. Знает, почему кожи нет: немцы всю до войны скупили, и каждой коже надо три года «травиться».

– Всю Расею разули... – говорит квёлый старик, поднимая ногу в обледенелом лапте, – Лапки три целковых... Хлаг весёлый, а ноги мёрзнут.

– Дедко, до-мой!.. – тянет его за рукав девочка. – Пальники плачут...

– Погодь, Манька. Праздник, вишь какой хлаг весёлый!

– Скепический старик! – говорит солдат. – Таковую язву да на Учредительное собрание! Думают посылать. Надо людей развитых в специальном

образовании и прикладных науках; самоопределение надо понимать.

Что же творится в просторах, – и там, и там! Пусть задумаются над этим.

На станции Барыш узнаю, что неподалеку, верстах в 12, – имение и фабрики Протопопова. Народу немного, – работают фабрики его и акчуринские, в 3 верстах.

– Ну, как Протопопов? – спрашивает усмешливо один из солдат-делегатов у тощего, остроногого мужика.

– Одеть бы его, – резко выкрикивает мужичок, – в полную солдатскую амуницию да пригнать его сюда на рассмотрение.

Семья Протопопова живёт здесь. Как помещиками ими довольны. Ничего господа. Ни в имении, ни на фабрике ничего не тронуто.

– Стражи-то у него много было?

– У каждого хорошего господина стража имеется. Секретный от Протопопова циркуляр был, – можете и на свой счёт добавлять стражников, своих нужных людей, чтоб от войны освободить. Ну, богатые и освободили. Для прилику он – стражник, а при хозяевах остаётся.

Залитые огнями, уходят в черноту ненастной ночи громадные корпуса акчуринских суконных фабрик. На оборону работают...

Гурий КОМИССАРОВ (1883–1969)

3 октября. 140 лет со дня рождения чувашского историка, философа и писателя Гурия Ивановича Комиссарова, псевдоним – Вантер (03.10.1883, с. Богатырёво, ныне Цивильского р-на Чувашии – 25.02.1969, пос. Санчурск Кировской обл.). Окончил Симбирскую чувашскую учительскую школу (1903); состоял там в «Компании юных пиитов» (1901–1903). Написал в это время драматические произведения «Чувашская свадьба» (1901), «На кормёжке» (1903), «Женитьба» (1903). В 1917 году организовал Чувашское национальное общество в Уфе. Автор трудов «Чуваши Казанского Заволжья» (1911), «История чувашского народа» (1921), монографии «История чувашской письменности и литературы» (1946) и др.

ЧУВАШИ КАЗАНСКОГО ЗАВОЛЖЬЯ (отрывок из книги)

Чувашские поселения, деревни и сёла гнездятся около рек и оврагов, одним словом, там, где есть вода. Они обычно невелики, но зато очень часты. Обычный размер чувашской деревни в 40–50 дворов. Но есть селения в 200 и 250 дворов. Зато от одной чувашской деревни до другой иногда всего только несколько сажен.

Чувашскую деревню от русской легко отличить по внешнему виду: если вы издали увидите рощу, которая потом окажется деревней, то знайте, что вы видите чувашскую деревню. Чуваши очень любят деревья, а потому их сёла и деревни напоминают дачи. В оврагах они сажают вётлы, на гумнах кроме них берёзы, а около домов и на улицах кроме плодовых деревьев сажают рябину, черёмуху, липу, вяз, осину и др. Чувашские деревни богаты бывают и осиновыми рощами, которые дают летом прохладу и во время пожаров служат защитой от огня.

В старину чуваши занимали усадьбные места целым родом, а потому и улиц правильных в их селениях не было. Теперь строятся уже по плану. Усадьба чувашенина состоит из двора, сада, огорода и гумна. Гумно часто не отделяется от огорода; но иногда устраивается отдельно, рядом с полем. Гумно имеет обычно мякинницу и овин; бывает, кроме того, обсажено деревьями. Огород тоже бывает обсажен деревьями. Сад имеется не у каждого чувашенина, но почти у каждого есть хоть несколько яблонь и плодовых кустов. Каждый чувашенин имеет хмельник, за которым усердно ухаживает.

Двор у чувашенина бывает большой, летом обросший травой. Всякий чувашенин старается загородить двор получше и обстроить его надворными постройками. Поэтому чувашский двор более

благоустроен, нежели русский. Чувашенин любит природу, а потому любит красоту и в саду, и на дворе, и на улице. Он находит большое удовольствие, когда видит чистоту и порядок у себя на дворе и на улице. Поэтому неудивительно, если он невысокого мнения о русской аккуратности и заботливости о домашнем хозяйстве.

На дворе строятся изба, за ней сени, затем амбар, затем сарай, куда складывают дрова и ставят телеги и сани; с другой стороны двора, на переднем плане, считая от улицы, строится погреб, потом кладовая, потом опять сарай. На заднем плане устраиваются поветь, сеновал, конюшня и загороженные заборами помещения для загона скотины, называемые «вылах-карти».

Несколько отдельно строят лачугу («лас»), которая в старину служила летним жилищем, а теперь в ней варят пиво и стирают бельё. В огороде ставится другой амбар (хлебный); баня тоже строится в овраге. Дома не особенно давно строились по чёрному, дверями к востоку. Но теперь строятся они по-белому и выходят обычно на улицу, на расположение дверей внимание не обращается.

Дома обычно имеют только два окна: одно на улицу, а другое – на двор; но и те бывают небольшие. В настоящее время, впрочем, строят уже дома с тремя и четырьмя окнами. Совне дома и ворота украшаются карнизами и затейливыми узорами; часто ставни у окон и ворота окрашивают в разные цвета. Впрочем, в настоящее время эстетика приносится в жертву практическим соображениям: предпочитают делать проще, лишь бы это стоило дешевле. Дома кроют тёсом, дранью, железом, а менее состоятельные – соломой. Соломой кроют по большей

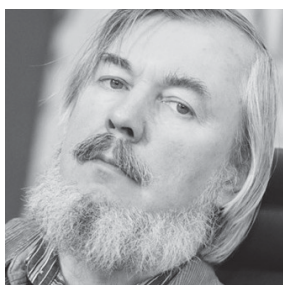
части и другие строения, за исключением лачуги, а иногда и амбаров.

На улице, против дома, часто приходится встречать палисадник. Часто и часть двора отгораживается и обращается в сад. Вообще усадьба чувашенина имеет красивый вид и производит приятное впечатление. Честь и слава чувашенину-мужчине! Но впечатление это тотчас же испортится, как только мы войдём в самый дом чувашенина. Здесь глазам представляются широкие нары около стен, божница в жалком виде, над головой полати, полки и перекладыны, внизу грязный пол. На нарах в свёрнутом виде лежат постели, на перекладах висит бельё, на вешалках висит или просто валяется на

нарах верхнее платье; полати и полки завалены чем попало. Тут и пыли, конечно, сколько угодно.

Перегородок в доме обычно не бывает. Зимой на полу бегают ягнята, а под нарами, у дверей, устраивается помещение для телят «пару-сакай». Под печкой тоже делается особое помещение (подпечье), куда складывают часто всякую рухлядь. В подполье лежит обычно картофель.

В избе зимой производятся всевозможные работы: прядут, ткут, плетут лапти, вьют верёвки и даже чешут кудель. Прибавьте к этому присутствие в этом доме маленького ребёнка, тараканов и клопов, – и вы поймёте, какой неприятный запах и скверный воздух должен царствовать в чувашской избе...

Александр КАЗИНЦЕВ (1953–2020)

4 октября. 70 лет назад родился поэт, литературный критик, публицист Александр Иванович Казинцев (04.10.1953, г. Москва – 07.12.2020, там же). Окончил Московский университет (1976). Член Союза писателей СССР (1988). Был заместителем главного редактора журнала «Наши современники». В июне 1999 года побывал на Пушкинском празднике поэзии в посёлке Языково; в мае 2005-го встретился в Ульяновске с начинающими литераторами; принимал участие во всероссийском совещании молодых литераторов «На родине Гончарова» (2018), в XVIII и XIX Международных форумах молодых писателей в Ульяновске (2018, 2019). Автор книг «Лицом к истории» (1989), «Россия над бездной» (1996), «Возвращение масс» (2010) и др. В 2021 году учреждена Всероссийская литературная премия им. Александра Казинцева для молодых прозаиков, поэтов и критиков.

***

Сумерки на землю налегли,
даже небо отдано удушью,
заревое зелёное вдали
реет над асфальтовой сушью.

В темноте они ещё светлей –
ожиданье тягостной недели –
прутья на обрубках тополей
уплотнились и позеленели.

И уже гуляет над Москвой
среди туч, насупленных зловеще, –
лёгкою косынкой грозовой
эта зелень светлая трепещет.

Входит лето в каменный мешок,
опоздав и перепував числа.
Тут любой не то что одинок,
а с самим собою разлучился.

Капли света бьются о стекло,
небо дышит духотой сырою.
На Москве обвисло тяжело
лето довоенного покроя.

Что же сердце полое щемит,
будто в пустоте его щербинка,
что же в небо тусклое летит
зелени прозрачная косынка?

***

Холодный снег и белое вино.
Огромное раздетое окно
отчёркнуто прозрачной занавеской.
И свет в кафе большой, холодный, резкий.

«Онегина старинная тоска».
Чужая сигарета у виска
чужого. И так страшно одинок
карабкается в высоту дымок.

Ну что же, так вот в немоте сидеть,
в пролом в стене через стакан глядеть,
где напоролась на февраль зима,
где корчатся горбатые дома.

***

Я впущу в себя звуки дождя,
тёплого, шепелявящего по пыли...
Лето оглядывается, уходя –
были ли дни эти долгие? Были.

Были без края и без конца,
сотканы из белоснежной вискозы,
дни, славословящие Творца,
где на осоке повисли стрекозы,

где над рекою завесою ив
стлалась прохладная зелень урёмы,
где за деревней, как дальний разрыв, –
грохот белоголового грома.

Там, где в испарине блещущих тел,
в острых песчинках слепящего кварца
полдень июльский грозью кипел,
с ширью земной не хотел расставаться.

Вера ЛЬВОВА (р. 1953)

5 октября. 70-летний юбилей отмечает журналист и прозаик Вера Ивановна Львова (р. 05.10.1953, с. Красновское Плесецкого р-на Архангельской обл.). Окончила Чувашский университет имени И.Н. Ульянова (1976). Член Союза писателей России (1998). В 1996 году провела творческую встречу в Димитровграде.

В 2000-м организовала всероссийский конкурс «Проза – детям» в Ульяновске. Была гостем на Пушкинском празднике поэзии в Языково. С 2007 года – председатель Союза детских писателей России «Слово». Автор книг прозы «Букет из крапивы» (1996), «Лягушки за пазухой» (2006), «Родительская гордость» (2012), «Остановка в яме» (2015) и др. Живёт в городе Энгельсе Саратовской области.

САИД (отрывок из рассказа)

Мать широко распахнула глаза и тревожно уставилась в черноту. Рядом не то стонали, не то пытели. Она, наполненная разными чувствами и мыслями, спешно поднялась с постели и до боли в сердце прислушалась. Странные и подозрительные звуки шли из сарая. Мать выскользнула из дома и, заранее приготовившись к самому худшему, подошла к двери. Остановилась, напряжённо вслушиваясь, стараясь угадать, что может происходить там внутри. Осторожно дотронулась до ручки двери и нажала на неё. При тусклом ламповом свете её восьмой ребёнок Саид-младший изо всех сил колотил кулачками по кирпичу, лежащему между другими.

Похолодело материнское сердце: кулачки её девятилетнего любимца были разбиты в кровь.

– Саид, разве тебе не больно? – потрясённо воскликнула она.

Мальчик вздрогнул, резко повернул в её сторону голову и, увидев страдальческое лицо матери, виновато опустил глаза.

– Больно, – неожиданно вырвалось из него, а из круглых жёлтых глаз потекли слёзы.

– Тогда зачем ты себя так мучаешь? – попыталась она понять его.

– Я слышал от брата Хусина, что есть такие люди, которые легко разбивают кирпичи и деревянные доски. Я тоже хочу быть силачом, мечтаю быть гибким и ловким.

– О, Аллах! Этому, наверное, надо долго и упорно учиться. Разве в школе нет такого учителя, который бы научил тебя, как стать силачом?

– Я каждое первое сентября хожу записываться к тренеру Ахмеду Мовладиевичу, но он меня не записывает. Говорит, что я вначале должен подрасти. И говорит это таким издевательским тоном, что у меня от обиды всё внутри сжимается. А я разве виноват в том, что не расту так быстро, как бы мне этого хотелось. У нас ведь и папа невысокий, и братья мои не великаны. Неужели невысоким людям нельзя заниматься спортом и стать чемпионами?

– Ты мудро рассуждаешь. Крупинка золота ценится больше горы угля. Хочешь, я поговорю с тренером?

– Нет, я сам с ним потолкую. Я же мужчина, и

в своей жизни всё должен решать сам. Мне об этом отец часто говорит.

– Пусть будет так! А пока перестань себя истязать. Побереги свои руки, они тебе ещё в других битвах пригодятся. Туши лампу и пойдём спать.

Мать лежала на кровати, уставившись в темноту, уносясь в прошлое. Как на фотоплёнке, стали появляться разные люди, разные сцены из прошлого. Вот застыло мудрое и спокойное лицо пожилой соседки Хамиды и её внимательный взгляд, остановившийся на располневшей материнской фигуре.

– Сын у тебя родится, – торжественно сказала бабушка Хамида. – И ждёт его большая слава.

– Я не о его славе думаю, а о том, что возраст у меня не девичий, мне бы здорового ребёнка родить.

Затем появился следующий кадр: повозка, на ней побледневшая от болевых схваток мать. Не успели выехать за дом, а он возьми и появившись: крохотный, покрасневший от крика Саид.

Пожилой отец рано взялся обучать его грамоте.

Перед глазами матери возникло суровое лицо мужа-священника и склонившая над Кораном рыжеватая голова Саида. Отец был уверен в том, что загробная жизнь существует. А те «правоверные», кто умеет читать тексты Корана, хотя бы без осмысления читаемого, будут пользоваться в загробной жизни преимуществами. Поэтому он своих сыновей учил читать Коран на арабском языке.

– Вселенную создал Всевышний, – медленно и торжественно говорил отец. – А солнце создал как отопление. У нас в доме есть печка, она греет и даёт нам жить, а нашу планету согревает солнце. Солнце – жизнь многих народов. Нельзя нарушать систему и порядок, созданные Всевышним. За это Аллах сильно и жестоко наказывает... Никогда, сынок, не бойся людей. И на арабском, и на нашем языке адам переводится «человек». На всё воля Аллаха. Каждый человек индивидуален, поэтому надо сохранить в себе себя. Никогда не беги впереди людей, но и плестись сзади не советую. А ещё запомни: будь немногословным. Есть такая поговорка: разговорами корзину не наполнишь. Пока слово находится в тебе – оно твоё, ты хозяин своего слова, а только вылетит оно из тебя – ты его раб...

Анна БЕРДИЧЕВСКАЯ (р. 1948)

7 октября. 75 лет исполняется поэтессе, прозаику, журналисту Анне Львовне Бердичевской (р. 07.10.1948, г. Соликамск Пермской обл.). Окончила Пермский университет (1975). Живёт в Москве. Автор сборников стихов «Странствие» (1985), «Отзвук» (1986), «Тихий ангел» (1998), «Реальность» (2014); книг прозы «Не плачь, не горюй» (1989), «Чемодан Якубовой» (2004), «Масхара» (2011), «Аркашины враки» (2019); романа «КРУК» (2016) и др. В феврале 2006 года с Андреем Битовым приезжала в Ульяновскую область; посетила музей Дениса Давыдова в Верхней Мазе; в Ульяновске побывала в Музее современного искусства имени А.А. Пластова, в областном Дворце книги, встретила с ректором и студентами УлГУ.

ТЯГА

Но сдвинули где-то чугунную вьюшку,
Луна отворилась, и тяга возникла.
Не то чтобы ветер, не то чтобы вьюга –
Но им захотелось увидеть друг друга.
Да, им захотелось увидеть друг друга.
Не ветер, не вьюга, а – кто его знает?
Виском и щекой они помнят друг друга,
Их тянет друг к другу и в спину толкает.
Они ещё будут стоять подбоченясь
И издали будут смотреть преспокойно.
Как раз вот таких и уносит теченьем,
Вот так надвигаются беды и войны.
Собаки завоюют и пули залают
На том сквозняке или, может быть, вьюге.
А эти наивно пока полагают
Не думать, не помнить,
не знать друг о друге.

***

Ну и сумрак! –
и в полдень нельзя без огня.
День короткий, январский и снежный.
На ладонь мою смотрит, очки приподняв,
Хиромант, близорукий и нежный.
Он глядит мне в ладонь,
словно в герб родовой,
Он читает серьёзно, как святцы,
Что умею любить до доски гробовой.
Но зато не люблю целоваться.

Хиромант!

Я прославлюсь до дальних морей,
Иль о том, что умру в одночасье,
Рассказало вам дерево жизни моей,
Вырастающее из запястья?

Вы молчите. Ладонь моя занесена,
Как и бедный Тифлис, снегопадом?
Скоро вечер, темнеет. А скоро весна?
Мне не выдержать долгого взгляда.

Слишком много вопросов, так день невелик,
Так мала, так замёрзла ладошка...
Вскинет взгляд, и ладонь отнимать не велит,
И шепнёт: «Помолчите немножко».

Помолчать... Я ещё помолчу, помолчу
Средь заснеженных, тихих угодий.
И судьбу свою знать я совсем не хочу
В день короткий, почти новогодний.

Что судьба! Мне она предстоит всё равно.
Я хочу, чтоб в тбилисской метели
Вы смотрели в меня, словно утром в окно,
И ладонь отдавать не хотели.

***

Так кончается баллада,
Как кончается весна.
И печалиться не надо,
Что кончается она.
Счастье кратко, зыбко море,
А улыбка – вспыхнет вновь
Нам на радость, и на горе,
И на гибель на просторе,
И на пир, и на любовь.

Иван АКСАКОВ (1823–1886)

8 октября. 200 лет назад родился поэт и публицист, идеолог славянофильства Иван Сергеевич Аксаков (08.10.1823, с. Надеждино, ныне Белебеевского р-на Башкортостана – 08.02.1886, г. Москва). Сын писателя С.Т. Аксакова. С 1826 года жил в Москве. Окончил Императорское училище правоведения в С.-Петербурге (1842). В 1848 году гостил в Симбирске у брата Г.С. Аксакова; в 1851-м вместе с отцом посетил здесь дядю Н.Т. Аксакова; в 1854-м побывал в селе Аксаково Симбирской губернии (ныне Майнского района). Был женат на дочери поэта Ф.И. Тютчева. Автор стихотворения «Колумб» (1845), поэмы «Бродяга» (1852), очерка «Биография Ф.И. Тютчева» (1874), книги поэзии «Сборник стихотворений» (1886) и др.

***

Бывает так, что зодчий много лет
Над зданием трудится терпеливо
И, постарев от горестей и бед,
К концу его подводит горделиво.

Доволен он упрямою душой,
Весёлый взор на здание наводит...
Но купол крив! Но трещиной большой
Расселся он, и дождь в него проходит!

Ломает всё, что выстроено им...
Но новый труд его опять бесплоден,
Затем что план его неисполним,
И зодчий плох, и матерьял не годен!

Не так ли ты трудишься, человек,
Над зданием общественного быта?
Окончен труд... Идёт за веком век,
И истина могучая разбита!

И всякий раз как много с ней падёт
Безвинных жертв рабочего движенья!..
Ужель твоё развитие идёт,
Как колесо, путём круговращенья?

О род людской! Не раз в судьбе своей
Ты мнил найти и Истину, и Веру,
Затем чтоб вновь разуверяться в ней
И строить храм по новому размеру!

Каким путём ты цели не искал,
К каким богам не воссылал моления?
Но много ль ты вопросов разгадал,
Но тайный смысл ты понял ли творенья?

К чему же ты нас ныне привела,
Судеб мирских живая скоротечность!
Всё та же власть враждующего зла,
Всё так же нам непостижима вечность.

Но опытом смирились умы,
Исчезли с ним надежды и утечи;
И жизнь теперь, как бремя, носим мы,
И веры нет в грядущие успехи!..

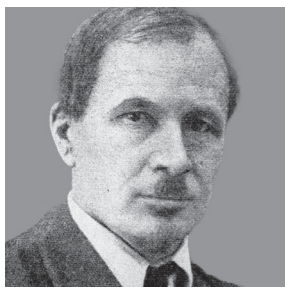
1846

***

Смотри! толпа людей нахмурившись стоит:
Какой печальный взор! какой здоровый вид!
Каким страданием томяся неизвестным,
С душой мечтательной и телом полновесным,
Они речь умную, но праздную ведут;
О жизни мудрствуют, но жизнью не живут
И тратят свой досуг лениво и бесплодно,
Всему сочувствовать умея благородно!
Ужели племя их добра не принесёт?
Досада тайная меня подчас берёт,
И хочется мне им, взамен досужей скуки,
Дать заступ и соху, топор железный в руки
И, толки прекратя об участи людской,
Работников из них составить полк лихой.

1846

Николай АФИНОГЕНОВ (1878–1947)

8 октября. 145 лет со дня рождения прозаика и публициста Николая Александровича Афиногенова, псевдоним – Николай Степной (08.10.1878, г. Наровчат, ныне село в Пензенской обл. – 25.07.1947, г. Москва). Близкий друг писателя Александра Неверова; в 1921 году ездил вместе с ним в Ташкент и Самарканд, чтобы достать продовольствие для голодающих Поволжья. Не раз бывал проездом в Симбирской губернии. Жил в Оренбурге и Самаре, с 1922 года – в Москве. Член Союза писателей СССР. Автор книг «Записки ополченца», «В царской армии», «На французском фронте», «Сказки степи», «Марфин грех»; романов «Перевал», «Пролетарий», «Коммуна» и др. Погиб, попав под электричку.

СКАЗКИ СТЕПИ (отрывок из книги)

Степь думала иную думушку. Она вся словно ушла в воспоминания, как будто припоминала то прошлое, когда по её груди мчались вольные орды, полчища искателей лучшего. Разве мало их успокоилось в её недрах? Безвестные, всеми покинутые герои, дерзновенно хотевшие иной доли. А теперь – почему теперь стало так пустынно, почему не скачут арбы, не ржут кони, не поют песни люди, – где они? Или и в самом деле забыли про неё, сбившись в кучу, в огромных ящиках-домах, наблюдая природу только на электрических экранах и думая, что в одном этом только и есть красота?

Я сижу и пью чай вприкуску с жареным пшеном вместо сахара. Полог моей юрты приподнят, и осенний прозрачно-чистый воздух охватывает меня всего. Тишина вокруг такая, что кажется, будто на многие сотни вёрст всё умерло. Только изредка где-то раздастся крик верблюда, где-то прокричит возвращающаяся на юг стая журавлей и свистнет зверёк. Всё это быстро доносится до нас. Сама тут же, воткнув в землю около юрты колышки и проворно бросая между ниток челнок, ткала. Сам, облизывая с ложки пшено, пил чай так же, как и я. Хозяин бедный. Всё его имущество – сундук, уже считающий за собою много лет и служащий в настоящее время мне сиденьем. (Сам он сидит, сложив ноги калачиком, прямо на земле.)

Юрта много раз чиненная. Хозяйство – два телка, коза, собака и жена; лошади и той не было. Когда-то, давным-давно, и у него, как и у большого бая-богача, были табуны верблюдов и лошадей, и стада овец; было четыре баранчука (дети) и пять жён. Но это когда-то. Теперь же он пасёт скот у стационарных служащих по рублю с головы в год, а голов-то всего сорок, вот и вся добыча. Конечно, можно бы и на подённую ходить, было бы прибыльней, но он уж очень не любит лопат, молотков. Чувствует к ним прямо физическое отвращение. Он любит вот эти горы, эту бегущую по галечкам, прозрачную как воздух речку. Любит наблюдать вокруг (а киргиз видит на целые десятки вёрст), как живёт-дышит степь. Кисти маленьких рук у него и до сих пор нежные, а сам он, несмотря на свои шестьдесят лет, имеет на лице гладкую, хотя и загорелую кожу без морщин. И на коня он сейчас может сесть, и так проехать, что никто не упрекнёт его в том, что он не казак (всадник). А то, что случилось с ним, так разве он в этом виноват?

Это было давно.

Раз осенью он увидел сурка и так, для забавы, давай за ним скакать. Нагнал. Вздумал убить, чтобы жёнам подарок сделать. Колотит кнутовищем, а он, сурок, встал на задние лапки, а передними слёзы утирает и плачет, как маленький ребёнок. Чудно ему стало. Но всё-таки убил сурка, везёт в юрту и хвалится жёнам. А старшая, что умерла вместе с другими (эту, что сейчас ткёт, он после взял), и говорит: «Пропали и мы теперь, пропала и наша жизнь. Сурка убить, что убить человека. Он когда-то раньше, в давние времена, жил здесь, как и мы, человеком». И рассказала она ему такое предание.

В давние времена от Эмбы до Урала было много киргиз и много было у них всего – скота и баранты. Да прогневали те киргизы Аллаха – послушали чужого, откуда-то издалека пришедшего человека, который сказал: «Если степь косить, то ковыля хватит на всю зиму и табуны верблюдов, лошадей и баранты не надо будет гонять по степи, и сами будете сидеть на одном месте всю зиму, как большие ханы».

Удивились, соблазнились и стали они резать, приготовляя ковыль в запас. А с давних пор, от предков к предкам, было заповедано-заказано, чтобы ковыль степи никогда не резать и запаса из него не делать, иначе киргиз не будет киргизом.

Ну, порезали ковыль, Аллах и прогневался. Пришла осень, зима, и послал в наказание заслушание гололедицу. А потом метели, бураны. Конечно, разве на всех киргиз напасёшься ковыля? Всё, что заготовили – враз и стравили. Настиг азяль (смерть). Пал весь скот. Пришла очередь за киргизами. Они поняли это и давай просить Аллаха. Долго просили. Услышал он и послал через шамана свой голос: выбирайте или азяль (смерть), как скоту ихнему, или гумэр (жизнь), но только не киргизами, а в виде зверей.

Конечно, выбрали жизнь, но не большими зверями, – большим всё равно негде прокормиться, и не маленькими, – маленьких все, кто хочет, обижают, а чтобы житьё их было степное, как сейчас они живут.

Аллах так и сделал. Взял и превратил их в такого зверька, что они живут с запасом всю зиму.

– Разве плохо быть сурком? – бросил на меня свой детский испытующий взгляд киргиз...

Сергей ЭФРОН (1893–1941)

8 октября. 130 лет назад родился литератор, мемуарист Сергей Яковлевич Эфрон (08.10.1893, г. Москва – 16.10.1941, там же). Муж поэтессы М.И. Цветаевой. Вместе с ней 15 июля 1911 года был проездом на железнодорожных станциях Инза, Базарный Сызган, Барыш и Кузоватово Симбирской губернии по пути в кумысолечебный санаторий. В последующие годы неоднократно проводил с семьёй лето в Крыму на даче поэта М.А. Володина. В 1920 году эмигрировал в Турцию, затем в Чехословакию. С 1925 года жил во Франции; был завербован органами ГПУ, в 1937-м вернулся в СССР. Автор сборника рассказов «Детство» (1912), книги мемуаров «Автобиография. Записки добровольца» (1998).

АВТОБИОГРАФИЯ. ЗАПИСКИ ДОБРОВОЛЬЦА (отрывок из воспоминаний)

Есть в эмиграции особая душевная астма. Производим дыхательные движения, а воздуха нет. Которая весна, лето, осень и зима протекли, а вот не заполнили ни одного времени года – зима, как весна, лето, как осень. Всё подменилось чёрными и красными цифрами календаря. День превратился в бесцветную временную единицу, отсекаемую неумолимым маятником. Жёлтый свет электрической лампы сменяет белые лучи солнца. И ничего больше.

Мир обесцветился и обезголосился. Слово вошло мы чудесным образом в кинематографический фильм без красок, без солнца, без воздуха, с белёсым светом, с серыми лицами и с математическим, а не космическим пространством. Неумолимый тапёр годами наколачивает по клавишам победоносный марш. Фильм мелькает, а... дышать нечем. И чем дальше, тем душнее, тем безвоздушнее.

Эта безвоздушность переносится и на человеческие отношения. Никогда раньше встречи с людьми не были столь многочисленны: в России десятки – здесь сотни знакомых. Но следы от тех бывших встреч насколько осязательнее, насколько длиннее, насколько значительнее здешних зарубежных. Как в поезде, перезнакомившись со всеми спутниками, забываешь их, пересев на узловой станции в другой, так и здесь – каждый переезд на новое место, каждая перемена службы связана с наплывом новых людей, новых отношений, новых связей и с почти хирургическим изъятием вашего человеческого вчера. Вместо свободного подбора к душевному и духовному сожителю человеческие отношения построены на случайной механической сцепленности.

И ни в чём так явственно не выявилась эта безвоздушность, как в зарубежной литературе. Эмиграция, столь богатая литературными именами, совершенно лишена своей литературы, художественных произведений, напитанных кровью эмигрантской жизни. «Митина любовь» Бунина, «Золотой узор» Зайцева, «На Блакитном поле» Ремизова. Степуновский «Переслегин», Минцловские рассказы питаны не здешним, а либо тамошним, либо бывшим. Муратов питается Италией, Алданов историей, и ни один – эмиграцией. А казалось бы, есть о чём писать. Казалось бы, трагедия нашего изгнанничества достаточно полнокровна для художественного перетворения. И, конечно, кровность этой трагедии не раз будет использована русской литературой в будущем.

Но в чём же дело? Куда исчез весь воздух? Или

причиной всему тоска по Родине? Она душит нас, закрывает глаза и уши, иссушает сердца?

А.В. Пешехонов именно так и отвечает на поставленный вопрос (см. «Волю России», №7). Он убеждён, что громадное большинство эмиграции столь кровно связано с русским бытом, духом, стихией, что не может жить долгое время вне родины, не может органически войти в чуждую среду Запада; что вся эмиграция держится лишь химерической надеждой на скорое, очень скорое возвращение на Родину. Поэтому, рассеивая последовательный ряд миражей, питающих эту надежду, он не видит иного выхода, как либо возвращаться в Россию немедленно (закрыв глаза на ряд опасностей), либо твёрдо порешить остаться на чужбине и о возвращении не думать. Разбирая вопрос в личном порядке, он решает его для себя в первом виде: поеду в Россию, как только большевики меня пустят. Единственная задержка, следовательно, в формальном моменте – в разрешении большевиков. Для нас этот вопрос решается много сложнее, и к нему мы вернёмся ниже, а сейчас рассмотрим причины безвоздушности русской эмиграции.

Мы готовы согласиться с г. Пешехоновым, что громадное большинство эмиграции живо надеждой на скорое возвращение, надеждой не только не обоснованной действительностью, но, более того, существующей наперекор ей. Да, эта надежда – главная действующая сила в образовании всего психического и бытового строя эмиграции. Она основная предпосылка нашего эмигрантского мироощущения во всей его полноте. Мы смотрим не только на жизнь Запада из окон эмигрантского постоялого двора. И взгляд наш не является взглядом жадного на впечатления путешественника, а мёртвым глазом застрявшего в пути, раздражённого, опустошённого, ничем, кроме расписания поездов, не интересующегося пассажира. Семь-восемь лет живём мы так, брюзжим друг на друга (совсем как в дороге), судим об окружающем нас мире по стационарным строениям и буфетным стойкам, тщетно впрямем взгляд в заросшие чертополохом пути, вслушиваемся, не загудит ли долгожданный паровоз, с жадностью ожидаем прибытия свежей партии газет и особенно раскупаем те из них, которые печатают жирным шрифтом о скором прибытии застрявшего поезда. Одни ожидают броневика, изготовленного в мастерских Запада и носящего название «интервенции», другие – что поезд подается с Востока и будет он сколочен в чосковских и петербургских мастерских под именем эволюции или революции...

Николай БОНДАРЕНКО (р. 1938)

8 октября. 85-летний юбилей отмечает поэт и прозаик Николай Алексеевич Бондаренко (р. 08.10.1938, г. Ташкент Узбекской ССР). Окончил Ташкентский университет; работал школьным учителем, в ташкентских издательствах и газетах. Член Союза писателей СССР (1978). В 1985–1986 годах жил в Ульяновске; написал здесь сказку в стихах «Синеглазка, три брата и лютый Змей». В 1987-м переехал в Ленинград. Автор книг стихов и прозы «Солнце в ромашках» (1974), «Космический вальс» (1979), «Рваное облако» (1991), «Ветер времени» (2001), «Последний хадж из Петербурга в Апраксино» (2002), «Подражание поэтам» (2007), «Стихотворения в дереве» (2012), «Выродки эдема» и др. Сейчас живёт в Подмосковье.

БОЛДИНО

1.

Под ветерком поют лесные гусли,
И песни слушает берёзовая рать,
А рядом, в поле, высунулся суслик,
Не в силах глаз от солнца оторвать.

Я тоже жадно всматриваюсь в дали
И краски осени восторженно ловлю,
Таких шедевров в мире не видали
И признаются Пушкину: «Love you!»

2.

Разломанная старостью ветла
Ещё жива, и плещутся верхушки,
Вода в пруду зеркальна и светла,
И в ней когда-то отражался Пушкин.

Вглядись в неё, как я гляжу, седой,
До влаги непростой дотронься даже –
Она поможет справиться с бедой,
А стихотворцу истину подскажет.

***

Седая женщина и пёс домашний с ней
Туманным утром вышли на прогулку,
Пшеном отборным кормят голубей,
И те стучат, как в барабаны, гулко.

Отполз лениво за дома туман,
И я лучи над крышей не забуду
И сполох счастья – это не обман,
А редкое уже земное чудо.

***

Зады пестрят штакетником гнилым,
Воинственно беснуется крапива...
А мог бы двор похвастаться былым
И показать запрятанное диво.

Мой взгляд к нелепой ямине приник –
Здесь жил когда-то дедовский колодец...
Я слушаю: пульсирует родник
В заваленной бездушием колоде...

***

Кощей бессмертный рядится героем,
Ночные клубы в радости смердят,
И вылетают поцелуи роем
И щедро разливают сладкий яд.

Они, как бабочки, резвятся на былинках
И падают на мёртвую траву...
А старики бегут от шоу-рынка,
Врубают кто первач, а кто – ревун.

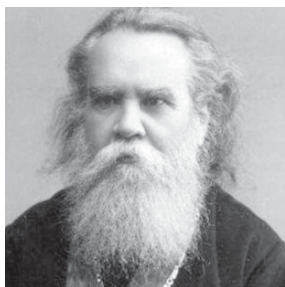
***

Туман, как вор, перелезал через плетень,
Пытаясь заглянуть в моё оконце.
Лохматую оранжевую тень
Вязало спицами невидимое солнце.

А я балдел – орали петухи,
И разливалось голубое небо...
Вдруг ласточка взвилась из-под стрехи!..
Я в день вступал, в котором ещё не был.

Елпидифор УСПЕНСКИЙ (1838 – не ранее 1917)

10 октября. 185 лет назад родился протоиерей, автор воспоминаний Елпидифор Алексеевич Успенский (10.10.1838, с. Болобоново, ныне Пильнинского р-на Нижегородской обл. – не ранее марта 1917, г. Пятигорск). Окончил Симбирскую духовную семинарию (1860). Служил в церквях Симбирска, был законоучителем кадетского корпуса. Публиковался в журнале «Симбирская церковная старина». Автор сочинений «Из моих личных воспоминаний о давно минувших временах. 1840–1915» (1915), «Из давних воспоминаний о своих товарищах, наставниках и сослуживцах» (1917), «Мотыльки воспоминаний» (2023, составитель В.В. Ястребов). Описал симбирские впечатления, вид семинарии, судьбы семинаристов.

ИЗ МОИХ ЛИЧНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ (отрывки из сочинения)

15 июля 1854 года я был самым счастливым человеком во всём мире: окончил весьма успешно курс Алатырского духовного училища, получил билет от начальства училища с обязательством утром 23 августа того года явиться на приёмные испытания для поступления в 1-й класс Симбирской духовной семинарии...

Путь в 160 вёрст от Алатыря до Симбирска по большому почтовому Московскому тракту в двое суток едва был закончен. «Вон, попович, гляди, симбирских церквей кресты заблестали!» – неожиданно отвлёк моё внимание ямщик, ткнув кнутовищем в ту сторону, где стоял Симбирск. Но до Симбирска было ещё вёрст около 50. В ясный день по Московскому тракту он виден издалека. После своего Алатыря да двух-трёх малых уездных городков (Ардатов, Курмыш, Ядрин), виденных мною раньше, Симбирск куда как показался и велик, и красив. На первых порах приютил нас в своём домике почтенный Григорий Васильевич Поспелов, диакон Никольской церкви, у которого был маленький домик в Штатальном переулке, рядом с Рабочим домом...

А вот и семинария. И вывески нет, а знаешь: это семинария! И около, и внутри – всё рясы, подрясники и молодёжь в сюртуках и картузах, новички... Мне указали, где правление семинарии (особняк, пристроенный к семинарской церкви, сделанной из прежней столовой). Туда явился и представил свой билет, там дали расписание приёмных испытаний. Хотя экзамены шли быстро и без придинок, тем не менее из 30 алатырцев 9 отправили обратно на повторительный курс (ещё на 2 года!) с приличной хлопобучкой училищному начальству!..

Большие семинарские два дома (один для начальства, другой – для воспитанников) показались громадой! Всех комнат лучше показался зал экзаменационный: в два света, с хорами, на хорах и под ними огромные шкафы, битком набиты книгами: старинная обширная семинарская библиотека... Здесь производились экзамены, здесь же в первое время нашего обучения помещался богословский класс. А по обеим его сторонам большие светлые две комнаты: одна занятая, другая – спальная для богословов, в общежитии помещавшихся; вся первая половина бельэтажа – для богословов, положение привилегированное! Против богословского класса, окнами во двор, две занятые комнаты для философов, живших в общежитии. А класс философский и два отделения словесных помещались в нижнем этаже окнами на улицу, две комнаты окнами во

двор были занятыми словесников, а весь 3-й этаж, низкий, с крошечными окнами, шёл под спальные помещения философов и словесников.

Столовая, кухня и баня в отдельном флигеле, тут же комната-спальня для полупансионеров под громкой кличкой – колония. Спальные помещения с 7 часов утра запирались до 9 часов вечера. Тёпленькую одежду выносить из спален в занятные запрещалось... В церковь, в столовую во всякую погоду приходилось пробегать чрез двор в одних сюртуках; многие простужались... Условия были тяжёлые, особенно для не привыкших к такой обстановке... Но и требовать большего было и грех, и стыдно: на каждого из нас Синод отпускал по 30 рублей в год. Удивляться надо, как ещё нас так сытно кормили: щи и каша каждый день, в праздники пирог и кусок жареного мяса...

Жаль, что при учреждении духовной семинарии в Симбирске не воспользовались мудрым советом первого архипастыря Симбирской церкви, архиепископа Анатолия построить новую семинарию на огромном пустопорожном месте, принадлежавшем Симбирскому Покровскому монастырю, на углу Нижне-Лисиной улицы... Не страдала бы семинария от духоты, пыли и постоянного шума и грохота в самом центре Большой Саратовской улицы. Всем учащимся и учащим хорошо известны эти огромные неудобства! Не открывать окон нельзя – задохнёшься в комнате, где сидят 80 юношей... А открыть – другая беда: от шума и гама уличного почти ничего не слышно было из объяснений учительских!

Во время моего поступления в Симбирскую духовную семинарию штаты воспитанников были: в низшем отделении – 110, в среднем – 80, в высшем – 60. Из 110 воспитанников, принятых в 1854 году, через 4 года могли рассчитывать быть переведёнными в высшее отделение лишь 60. Значит, 50 учеников должны наполнять собой штаты всевозможных канцелярий... Бог привёл мне встречать своих товарищей аккуратными столоначальниками, деловитыми секретарями, исправными почтмейстерами, страх наводящими становыми и даже исправниками... В особенности наша семинария много выпустила даровитых студентов и в медико-хирургическую академию, и в разные университеты по медицинскому факультету... Были личности высоко даровитые из семинаристов, о коих дошли слухи чулы ли не легендарные...

Тамара НИКОЛАЕВА (р. 1958)

11 октября. 65 лет исполняется поэтессе Тамаре Константиновне Николаевой (р. 11.10.1958, р.п. Павловка Ульяновской обл.). Первые стихи опубликовала в районной газете «Искра». Трудилась на заводе «Контактор» в Ульяновске. Училась в Московском всесоюзном юридическом институте. Работала в Павловской средней школе; руководила литературным клубом «Живой родник». Публиковалась в сборниках «Симбирская Голгофа», «Мы и время», «Память жива», «Российской души глубина»; в журнале «Мономах»; в альманахах «Гончаровская беседка», «Карамзинский сад», «Земляки», «Золотая осень»; в книге «Павловка и Павловский край» и др. Автор поэтического сборника «Жажда жизни» (2017).

ПЕЧАЛЬНО-СЛАДКАЯ ПОРА

А ночью яблоки стучали
По крыше, падая с ветвей,
И в росных травах остывали
Пахучей свежестью своей.

И сторож спал в сторожке старой,
Ему привычен каждый звук.
Лениво таяли Стожары,
Когда луна свершила круг.

Знобить уж стало на рассвете,
Осенний воздух остывал,
И только, вспомнив вдруг о лете,
Кузнечик где-то верещал.

Исполнив чудо созревания,
Земля вздохнула от трудов.
Печален месяц увяданья,
Но сладок спелостью плодов.

МОЯ ОСЕНЬ

Как же я без осени, без её дождей,
Леденящей просини, грусти журавлей?
Невесомой кажется паутинки нить.
Мне бы так по осени бесконечно плыть.
Плыть, подобно лунному светлomu лучу,
Осыпая звёздную лёгкую пыльцу.
Свежий хмель антоновки на заре испить,
За туманом утренним вдоль реки скользнуть.
У берёзы тонкие ветви расплести
И её печальные думы отвести.
Шорох тайны лиственной ощутить во сне
И сгореть в рябиновом сладостном огне.
А в дожди шумящие влезть на сеновал...
Осень уходящую всё же будет жаль.

ЧУДО-КОВРЫ

Осень тонкой паутиной
Вяжет в воздухе узор,
И с печалью журавлиной
Полыхнул в лесах костёр.

Не щадя листвы зелёной,
По ветвям чеканит медь.
Но на площади соборной
Этой меди не звенеть.

На ковры, персидских краше,
Весь наряд цветной пойдёт.
По густой шумливой чаще
Ветер пламя разнесёт.

Я ступаю осторожно
По холодному огню.
Здесь обжечься невозможно,
Но наивно страх таю.

Красота кругом такая,
Что не верится глазам,
Словно солнце, обнимая,
Жар оставило ветвям.

И стекло оно к подножью
По живой коре стволов.
Я бреду по бездорожью
В чуде лиственных ковров.

Евдокия ЛЕВЕНШТЕЙН (1848–1911)

13 октября. 175 лет назад родилась автор воспоминаний Евдокия Петровна Левенштейн (13.10.1848, г. Симбирск–1911, г. Москва). Приёмная дочь А.А. Музалевской – родной сестры писателя И.А. Гончарова. Оставила «Воспоминания об И.А. Гончарове», которые были опубликованы в журнале «Вестнике Европы» (1908) и сборнике «Огни» (1916). Описала приезды И.А. Гончарова в Симбирск в 1855 и 1862 годах, образ его жизни, совместный отъезд в Москву, встречу супругов Левенштейн с писателем в Баден-Бадене в 1867-м и др. Гончаров сопровождал её в Москву для поступления в пансион. Вышла замуж за врача-психиатра Ю.А. Левенштейна, имевшего в Москве лечебницу для бедных.

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ И.А. ГОНЧАРОВЕ (отрывок)

Первые мои воспоминания о моём дяде относятся к 1855 году, когда мне было всего семь лет. Он тогда вернулся после своего кругосветного путешествия в свой родной город Симбирск, чтобы повидаться со своими родственниками. Я его видела тогда у моих родителей, и в моей памяти сохранились лишь кое-какие отрывочные воспоминания о нём. Помню только, что он много рассказывал о своём путешествии, из которого привёз нам всем подарки, между прочим, замечательные японские картинки на рисовой бумаге. Он был в очень хорошем настроении, был любезен и внимателен ко всем. Он рассказывал много, но в конце говорил моей матери, что она лучше всего может прочесть то, что он рассказывает, в его «Путевых заметках».

После первого его приезда я в течение долгого времени не видала его и не слыхала о нём ничего такого, что бы врезалось у меня в память. Поэтому могу упомянуть теперь только о втором его приезде, в 1862 году, когда мне было почти четырнадцать лет. Он тогда приехал летом в Симбирск из Петербурга, предварительно предупредив мою мать, что в этом году он не намерен отправиться за границу, куда ежегодно ездил (преимущественно в Баден-Баден), а думает на досуге работать в Симбирске над новым романом (утвердительно не могу сказать, но, мне кажется, над «Обрывом»); он спросил мою мать, можно ли будет ему провести у неё лето, чему она, конечно, весьма обрадовалась, так как они с малолетства были между собой очень дружны. Ему, разумеется, отдали самую лучшую комнату в доме и предоставили сад, в котором он проводил большую часть времени, беспрепятственно работая в беседке. Он был очень доволен всем, говоря, что не столько дорожит комфортом, сколько тишиной и свободой для своей работы, что немаловажно для него получить в Петербурге. Дядя был удивительно изящен во всём: в манерах, в разговоре, даже в отдельных выражениях, что мне особенно нравилось.

Он просил, чтобы к нему никого не допускали. Если он на улице завидит, бывало, ещё издали кого-либо из наших знакомых, то тотчас же сворачивает куда-нибудь в сторону, избегая встреч. Это немало огорчало мою мать, которая очень любила брата и гордилась им. К его счастью, в городе летом почти никого не было, все помещики разъезжались по своим имениям, а Симбирск наш был в то время помещичьим городом. Если бы Иван Александрович прибыл в Симбирск зимой, то он никак

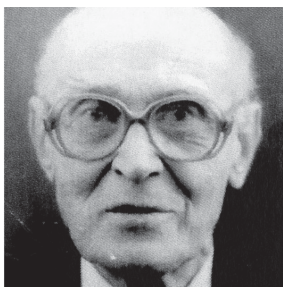
не отделался бы от посещений и знакомств и ему, конечно, не дали бы заниматься. Он писал, вероятно, «Обрыв», так как часто что-то шутил со мной, называя меня Верой, а племянницу моего отца – Марфинькой на том основании, что племянница имела склонность к хозяйству, а я – к книгам и музыке.

Дядя был по временам мрачен, раздражителен, говоря, что он страдает головными болями, и особенно его мучает часто *tic douloureux*, что особенно болезненно ощущает он перед дурной погодой или грозой. Я очень порядочно говорила по-французски, и дядя заставлял меня часто читать ему вслух лучшие отрывки из французской литературы, всегда выбирая их сам или направляя мой выбор. Попадались иногда в чтении слова, смутно понимаемые мной, и дядя объяснял мне их очень полно, наглядно и ясно.

Раз встретилось выражение *les injures du temps*. Я понимала каждое слово в отдельности, но смысл сочетания их мне был непонятен.

Дядя взглянул на меня, как бы раздумывая, как яснее мне его перевести. Вдруг вскочил на ноги, схватил меня за руки и быстро подвёл к зеркалу, висевшему тут же в комнате, между двумя окнами. Он совсем приблизил своё лицо к моему. «Ты видишь разницу между моим лицом и твоим?» – спросил он. Конечно, я видела ясно эту разницу. Я видела моё юное лицо с полудетским выражением удивлённых и выжидающих глаз, с тонкой, розовой, гладкой кожей, чуть-чуть подёрнутой лёгким, нежным пушком, и обрамлённое пышными тёмными волосами, а рядом с собой, прижатое ко мне щека со щекой, лицо дяди. Оно мне показалось вдруг как-то особенно старым, какие-то тени покрывали его, морщинки, раньше не замеченные мною, тянулись около глаз, от крыльев носа и углов рта, чего не могли скрыть ни усы, ни бакенбарды. Глубоко сидящие глаза его с красноватыми веками вокруг и массою мелких, издали незаметных складочек смотрели на меня в зеркало неприветливо. Гладко зачёсанные за уши волосы, в которых начинали пробиваться серебристые нити, выдавали крупный череп. Он схватил пальцами свою щеку около глаз и приподнял её.

– Ты видишь это, мою кожу и твою? Ты видишь, понимаешь разницу?.. Моя кожа теперь не такая, как твоя, но раньше, когда я был моложе, и моя кожа была такая же, как и твоя. Вот тебе и *les injures du temps!*

Иван ИНОЗЕМЦЕВ (1913–2006)

13 октября. 110 лет со дня рождения краеведа, автора воспоминаний Ивана Павловича Иноземцева (13.10.1913, г. Бугульма Самарской губ., ныне РТ – 16.02.2006, г. Ульяновск).

В начале 1916 года переехал с семьёй в Симбирск, жил в заволжской слободе Кавана. В 1918–1926 годах находился с родителями в Мелекесе, пошёл здесь в школу. С 1926 года жил в Ульяновске. Окончил Ленинградский медицинский институт (1940). Участник Великой Отечественной войны. До 1989-го трудился врачом-рентгенологом в Ульяновской областной больнице. Многие годы вёл дневник. Автор изданной в Ульяновске книги «Жаль, что время уходит... Воспоминания, стихи, публикации» (2019, составитель В.В. Ястребов).

ЖАЛЬ, ЧТО ВРЕМЯ УХОДИТ (отрывки из воспоминаний)

Мальчик Петя

В 1921 году у нас в стране, а особенно в Поволжье, был страшный голод. И однажды к окну нашего дома подошёл мальчик лет девяти просить милостыню – кусочек хлеба. Вид его был жалким. Он был грязный, босой, в рваной рубашке и в рваных штанишках. Моей матери его стало жалко. Она дала мальчику кусочек хлеба, варёную картошку, огурец и стала его расспрашивать. Он рассказал, что его отец погиб в Гражданскую войну, он ушёл из дома родной матери и уже второй год разъезжает по железной дороге в собачьем ящике под вагоном или на раме в передней части паровоза. Зимой кондуктора пускают его в вагон под скамейку. На остановках он бежит по вокзалам, выпрашивая копеечку, в буфетах облизывает тарелки, а иногда подносит багаж пассажирам. Его несколько раз забирали в детский дом, но он убежал. Было понятно из его рассказа, что он бродяжничает. Бродяжничество – довольно частое психическое заболевание. Как и все психозы, оно неизлечимо. Бродяжничают люди до старости, но обычно рано умирают...

Великий Ленин

Я вспомнил 1924 год. Вечером 21 января в Мелекесе вдруг загудели все гудки города и гудели около часа. Все встревожились. Не знали, что случилось. Тогда мой отец побежал на железнодорожный вокзал. Будучи начальником, он зашёл в телеграф и отстучал по телеграфному аппарату запрос в Симбирск. Ответили, что умер Ленин, а кто он такой, не сказали. На следующий день я спросил свою учительницу Торчевскую. Она тоже не знала. В документах по выселению её из Москвы была подпись председателя Совнаркома Ульянова.

Вскоре в школе повесили портрет Ленина с чёрной каймой и большим красным бантом. На портрете было написано: «Ленин умер, но дело его живёт!». Потом стали продавать ученические тетради с изображением всех членов Совнаркома во главе с председателем Лениным. Появились брошюры, разъясняющие, кто такой был Ленин.

После смерти Ленина Сталин разогнал всех капиталистов, а кулаков, предпринимателей и торговцев сослал на каторгу в Сибирь. Недовольных расстреливали. За литературу Ленина и о Ленине, которую я тогда читал, сажали в тюрьму. Сталин её всю переделал. В стране начался развал производства, а в сельском хозяйстве началась коллективизация.

Разразился голод. Вот тогда стало понятно, кто был Ленин. Поняли, что он был гениальным преобразователем общества, необыкновенным экономистом.

Китайцы в России

В 1927 году наша семья жила в Ульяновске на Никольском спуске, около Нового Венца. И мы с братиком всё лето бегали по этому бульвару с рогатками. На Венце были красивые аллеи, клумбы с цветами, и цвели липы.

К вечеру там собиралось много гуляющей публики, открывались пивные киоски, играл духовой оркестр, и американцы заводили свои игральные рулетки.

Однажды появился сибиряк с медведем и гармошкой. Под гармошку медведь топал и кружился. Публика бросала около медведя копейки. И однажды на Венце появились китайцы. Рослые грязные китайцы с босыми ногами. Они устраивали представления, глотая ржавые шпаги. Красивые китайки в разноцветных шёлковых халатах мелкими шагами на деревянных колодках ходили по Венцу и продавали свистульки, жужжалки и красивые бумажные веера. Грязные китайчата бегали по Венцу, выпрашивали копеечку и на ломаном русском языке распевали похабные частушки. За это их жестоко избивали.

Мы с братиком накупили у китайок свистулек и жужжалок, свистели и жужжали несколько дней. А однажды подняли такой свист в квартире, что у матери заболела голова.

В 1928 году китайцев в Ульяновске уже не было. Их выгнали якобы за шпионаж.

Бандитский дом

В 1927 году бандит Белов убил кассира Ульяновского патронного завода и утащил сумку с крупной суммой, а потом купил дом в Новом переулке. Через несколько месяцев бандита поймали, и, чтобы взять деньги у жены бандита, уголовный розыск придумал приём. Подговорили соседку, чтобы она сказала жене: «Ваш муж арестован, бегите, за вами придут». Жена разрешила на входной двери клеенку, переложила в сумку пачек двадцать червонцев и побежала по тропинке, где её уже ждала милиция.

Большой дом бандита был конфискован. Отец купил этот дом с торгов. Моя мать не знала, чей этот дом, а соседка ей сказала: «Зачем вы купили бандитский дом?» Это напугало мою мать. Она жила в этом доме четыре года и четыре года дрожала...

Элеонора ДЕНИСОВА (1933–2020)

13 октября. 90 лет назад родилась педагог, филолог Элеонора Ильинична Денисова (13.10.1933, г. Ульяновск – 07.06.2020, там же). Окончила Московский государственный педагогический институт имени В.И. Ленина. Кандидат филологических наук. Первый диктор Ульяновского телевидения. Преподавала русскую литературу в УлГПИ имени И.Н. Ульянова (1974–1994). Публиковалась в журналах «Дружба народов», «Мономах», «Карамзинский сад», «Симбирскъ». Обладатель Гран-при премии в области региональной историографии и литературного творчества «Шапка Мономаха» (2007). Автор сборника рассказов, очерков и эссе «Шарик улетел...» (2011). Много выступала с литературными программами, запись передачи, посвящённой С. Кековой, с участием Э.И. Денисовой можно найти на сайте «УлПравдаТВ».

КУРЬЁЗНЫЕ ИСТОРИИ (отрывок из воспоминаний)

Можно сказать, что моя трудовая деятельность и началась-то с курьёза.

Я работала корреспондентом на Ульяновском радио и получила задание взять интервью у гастролировавших тогда в городе известных куплетистов: Шурова и Рыкунина. Это было моё первое интервью.

Повесив через плечо магнитофон, я гордо, как зубр, съевший зубы на журналистике, отправилась в театр задолго до начала концерта. За кулисами встретила какого-то мужчину, спросила, как найти одного из гастролёров. Он приоткрыл дверь гримёрной со словами: «К Вам тут товарищ. Можно?» Услышав утвердительный ответ, я вошла. Передо мной, в белой рубашке с пудреницей в руках, сидел Рыкунин. Нижняя часть туловища была скрыта основанием трельяжа. Волнуясь, я робко лепетала что-то насчёт своих журналистских намерений.

Меня удивило, что Рыкунин ничего не отвечает и смотрит на меня растерянно и смущённо. Может быть, что-нибудь не в порядке с моим туалетом? Я отхожу в сторону, меняю точку обзора и вдруг вижу, что на артисте надета только рубашка, из-под которой видны трусы и голые ноги. Будь я немного постарше и опытнее, сделала бы вид, что не вижу ничего особенного, договорилась бы о встрече в антракте или после концерта и мирно ушла. Я же, покраснев, «как маков цвет», бросилась к двери.

Рыкунин оказался проворнее, загородил её собою, быстро говоря при этом: «Мне сказали «товарищ», я думал – это кто-то из наших. Я не знал, что войдёт молодая дама (к слову «дама» добавил несколько комплиментов). Подождите, я сейчас оденусь».

Он стал натягивать брюки, а я, закрыв глаза, вжалась лицом в стенку. Тут со словом «можно?» дверь открылась, и в гримёрную вошёл корреспондент «Ульяновской правды» Вадим Конев, балагур, вечно изводивший меня своими остротами и эпиграммами.

Увиденная им пикантная картина привела его в полный восторг: я стою, вся красная от смущения, Рыкунин поспешно натягивает брюки.

«Я интервью беру», – бормочу я, пребывая в полной растерянности. Конев произнёс нечто нечленораздельное и быстро вышел за дверь. «Да, ситуация – готовый анекдот, – горько думаю я, – уж Конев не преминет им воспользоваться».

Мои опасения полностью оправдались. На мою бедную, невинную, «как бутылка из-под кефира», голову посыпались язвительные эпиграммы, в которых Конев ярко живописал, как начинают строить карьеру молодые девушки. Он с удовольствием читал их на общих праздничных посиделках, все смеялись, а я плакала и пыталась всем объяснить, как на самом деле всё происходило. В общем, вела себя по-идиотски. Мои слёзы поддавали Коневу задора, он мучил меня долго и успешно, даже когда я вышла замуж и перешла работать на только что открывшееся у нас телевидение. Спасением оказалась учебная командировка на Центральное телевидение. Там случилась другая моя история.

В Москве, где я провела студенческие годы и где осталось много друзей, чувствовала себя превосходно, несмотря на жуткий токсикоз. Никакая пища не удерживалась во мне больше минуты, и за месяц беременности я превратилась в тростиночку, что мне, впрочем, нравилось. На студии в это время репетировали передачу о Юрии Саульском. Он недавно написал песню про Чёрного кота и был тогда весьма популярен.

После репетиции мы познакомились, и он предложил мне перекусить... И вот мы сидим в ресторане. Я отогрелась, с интересом осмотрела интерьер и стала с наслаждением поглощать одно блюдо за другим (видно, сказала предшествующая головодка). При этом я весело болтаю, улыбаюсь – чувствую себя прекрасно.

Потом замечаю, что Саульский не ест, молчит, а только смотрит на меня во все глаза с выражением крайнего удивления. Я смутилась, а он стал меня успокаивать: «Я просто никогда не видел, чтобы женщина так вкусно ела – с удовольствием, с отличным аппетитом, и при этом оставалась бы такой тоненькой. Просто чудо!»

Истинную причину своего отличного аппетита я уточнить постеснялась. Так и оставила его в недоумении. Потом я побывала на репетиции, а вечером Саульский подвёз меня на такси к театру, где я договорилась встретиться с подругой. Здесь мы и расстались, не делая попыток как-то продолжить наше знакомство.

Муж, которому я, вернувшись домой, рассказала эту историю, довольно мрачным тоном резюмировал: «Просто он решил: эту женщину мне не прокормить». И мы оба рассмеялись.

Михаил КОШКИН (1928–1996)

14 октября. 95 лет со дня рождения поэта Михаила Фёдоровича Кошкина (14.10.1928, д. Котьяковка, ныне Вешкаймского р-на Ульяновской обл. – 05.06.1996, р.п. Вешкайма). Окончил Ульяновский педагогический институт (1961). Работал учителем и журналистом в Куйбышеве, Тереньге, Барыше. Более 20 лет трудился заведующим отделом писем в районной газете «Путь Октября» (Вешкайма). Член Союза журналистов РСФСР (1980). Публиковался в сборниках «Волжские рассветы» (1959), «День поэзии» (1967); в журнале «Литературный Ульяновск» (2010). Автор книг «Мой любимый карандаш» (1957), «Если в небо бросить мяч» (1967), «Слава любимому краю» (2009, совместно с Е.Ф. Щербаковым).

***

Есть место на шаре земном,
Милее которого нет.
Стоит там бревенчатый дом,
Отец мой и мать жили в нём,
И я здесь явился на свет.

Деревня – родная краса!
Ты всё для меня припасла:
Вверху – голубень-небеса,
Вдоль речки – поля и леса,
Овраги кругом – без числа.

Я рос среди добрых людей,
Чья жизнь до сих пор нелегка.
Люблю я и птиц, и зверей,
Люблю полынок и кипрей,
И запах парной молока.

Деревня! Ты – радость моя!
Ты – горькое горе моё.
Тебе до последнего дня
Земная любовь от меня
И слёзы – полны до краёв...

Деревня, мне больно глядеть,
Как люди бегут от тебя,
Как избы уж стали редеть,
Как будто гуляет здесь смерть,
О чёрной победе трубя.

Душа-деревенька! Тебе
За всё благодарен сполна.
В извечном труде и в борьбе
В твоей лихоносной судьбе
Судьба всей России видна.

***

Я придумывать не стану
То, чего не знаю сам.
Никогда я не устану
Поклоняться небесам.

Что имею? Чем владею?
Лишь Вселенною одной.
Никогда не охладею,
Став угасшею звездой.

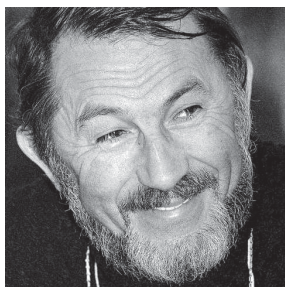
Мне за облачным сугробом
Не приснился этот рай –
Вместе с прахом, вместе с гробом
Не покину отчий край.

Будут люди, будут муки,
Будет радость без конца –
Не сложу покойно руки
Близ нетленного лица.

Эта вера, словно мера
Неизбывных вечных сил.
Не угаснет эта вера,
Если б вовсе я не жил.

Борис ВАХНЮК (1933–2005)

16 октября. 90 лет назад родился поэт, бард, киносценарист Борис Савельевич Вахнюк (16.10.1933, с. Гришки, ныне Деражнянского р-на Хмельницкой обл. Украины – 02.06.2005, г. Москва). Окончил Московский государственный педагогический институт имени В.И. Ленина. Работал в Гостелерадио СССР. В декабре 1969 года в качестве спецкора звукового журнала «Кругозор» приезжал в Ульяновск; сюжет о жизни города в канун 100-летия со дня рождения В.И. Ленина был опубликован в №3 журнала за 1970 год. Писал песни, которые пели А. Пугачёва, И. Кобзон, М. Магомаев, Л. Зыкина и др. Автор книги стихов «До востребования» (1992) и сборника очерков «Терема» (2009). Член Союза журналистов СССР.

ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЫХОД

Не вдоль по речке, не по лесам –
Вдали от родных огней –
Ты выбрал эту дорогу сам,
Тебе и идти по ней.
Лежит дорога – твой рай и ад,
Исток твой и твой исход.
И должен ты повернуть назад
Или идти вперёд.

Твоя дорога и коротка,
И жизни длинней она,
Но вот не слишком ли высока
Ошибки любой цена.
И ты уже отказаться рад
От тяжких своих забот.
Но, если ты повернёшь назад,
Кто же пойдёт вперёд?

Хватаешь небо горячим ртом –
Ступени вперёд круты, –
Другие это пройдут потом,
И всё же сначала – ты.
Так каждый шаг перемерь стократ
И снова проверь расчёт.
Ведь если ты не придёшь назад,
Кто же пойдёт вперёд?

СОЛДАТСКИЕ СНЫ

Мне что-то не снится война на войне,
А снится весёлый рушник на стене,
И вишнёвый цвет облетает в саду,
В забытом почти довоенном году.

Дождинки на милых ресницах дрожат,
И в братских могилах братья не лежат,
И мама живая сидит за столом,
И мирное солнце горит за селом.

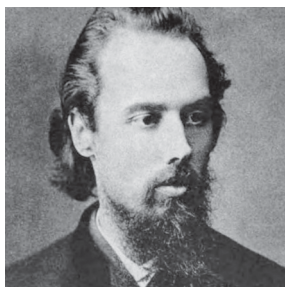
Мне что-то не снится война на войне, –
Кресты на окне и кресты на броне,
Приходит опять не война, а весна
В скупое мгновенье солдатского сна.

Не грохот я слышу, а гром вдалеке...
Ну разве позволю я дрогнуть руке?
Ну разве посмею я, разве смогу
Отдать мою добрую землю врагу?

Мне что-то не снится война на войне.
Журавль у криницы скрипит в тишине.
Мне снится сегодня не завтрашний бой,
А вербы над Росью в росе голубой...

А всё, что не снилось, но выпало нам,
Приснится, наверное, нашим сынам.
Ребятам, родившимся после войны,
За нас отоснятся военные сны...

Николай ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ (1853–1892)

17 октября. 170 лет со дня рождения прозаика Николая Елпидифоровича Петропавловского, псевдонимы – С. Каронин и Н.Е. Сибиряк (17.10.1853, с. Вознесенка, ныне Красногвардейского р-на Оренбургской обл. – 24.05.1892, г. Саратов). Весной 1881 года жил с семьёй в заволжской части Симбирска – пригородной слободе Канава; отдыхал здесь после тюремного заключения в Петербурге перед отправкой в ссылку; близко сошёлся с местными крестьянами. Помогал устраивать земледельческую толстовскую колонию в с. Архангельское (ныне Сурского р-на Ульяновской обл.). Автор посвящённой ей повести «Борская колония» (1890), циклов «Рассказы о парашкинцах» (1881), «Рассказы о пустаках» (1883) и др.

БОРСКАЯ КОЛОНИЯ (отрывок из повести)

После охоты Грубов и Неразов не пошли в село, а сделали длинный привал под огромными соснами, растянувшись на мягком боровом мхе, которым густо была покрыта песчаная почва этой части леса; тут же, возле них, в беспорядке валялись все охотничьи принадлежности – ружья, сумки, патронташи. День был знойный. Это был один из тех горячих дней, когда воздух кажется растопленной медью, земля тяжело дышит последними испарениями, вода превращается в стекловидную мёртвую массу; дальние поля, полузакрытые горячею дымкой, как будто тлеют медленным огнём, а сосновый лес, со своими красными стволами, издали представляется колоссальным костром, который без дыма и треска пылает неподвижным пламенем. Охотники долго бродили, только что выкупались и легли в самую густую тень леса. Но в этот день и тень не давала прохлады. Сквозь ветви деревьев солнечный огонь проникал до самой земли и раскалил сухую траву её так сильно, что она, казалось, уже корчилась и дымилась, готовая мгновенно вспыхнуть; в воздухе носился резкий аромат шалфея, богородичной травы, полыни и смолы. Дышать в этой насыщенной ароматами атмосфере, по-видимому, нечем было. По крайней мере один из приятелей, Неразов, побросав в разные стороны все свои вещи, и сам весь разбросался по траве; лицо у него было красное, горящее, глаза беспокойно бегали по сторонам; он то и дело переменял позы и, как говорится, метался от жары.

Зато другой, Грубов, лёжа плашмя, лицом к небу, неподвижно оставался на своём месте с самого прихода сюда. Лицо его не могло раскраснеться даже и от этой жары; оно, как и руки его, оставалось бескровным. Кровь его, видимо, только нагрелась до естественной теплоты, и он покойно лежал, устремив взгляд на верхушки сосен. Он молчал и, по-видимому, не намерен был нарушать молчание, наслаждаясь лесным безмолвием, согретый гигантским костром, среди которого лежал, и вдыхая аромат спаленных трав.

Но Неразов, обладающий сангвиническим темпераментом, не в состоянии был долго сосредоточиться на созерцании окружающих красот и молчать; он имел язык, который привык к беспрепятственному движению, и голову, в которой мысли

зарождались, как ветер в поле. Катаясь по траве, сбросив с себя фуражку и сапоги, он проклинал жару, выругал солнце и, наконец, нетерпеливо обратился к товарищу с вопросом:

– Да неужели тебе не жарко, Грубов?

Грубов это восклицание пропустил мимо ушей, как и многое из того, что болтал Неразов.

– Пойдём домой... Неужели тебе нравится лежать в этом пекле?

Грубов и на это промолчал; он только неопределённо улыбнулся.

– У меня теперь одно желание: выпить жбан квасу... А ты чего хотел бы? – не унимаясь, болтал Неразов.

– У меня другое желание, – возразил наконец Грубов. – Знаешь, что мне сейчас хочется?

– Окрошки с квасом? – живо осведомился Неразов.

– Не угадал.

– Простокваши?

– У тебя очень бледная фантазия, всё больше насчёт съестного.

– Ну, может, тебе хочется заняться философскими размышлениями?

– Лень.

– В таком случае, я уверен, тебе хочется повернуться вниз лицом и уснуть под этою сосной.

– Уснуть... вот это почти угадал. Мне нравится эта деревня, этот бор с его диким запахом, и я бы желал навсегда остаться тут... Я бы желал дышать этим смолистым воздухом, вставать вместе с горячим солнечным лучом, купаться в Боровке среди её водяных лилий, спать на шалфее, гулять под этими соснами. Но, увы, для этого необходимо всё-таки иметь землю, хутор и прочую благодать.

– А я всё-таки больше хотел бы сейчас квасу! – воскликнул Неразов.

В этом тоне разговор продолжался ещё долго. Но незаметно для обоих шутка скоро перешла в деловой разговор, под конец сильно взволновавший обоих, хотя вёлся он и несерьёзно.

– Ты в самом деле хочешь сесть на землю? – спросил Неразов.

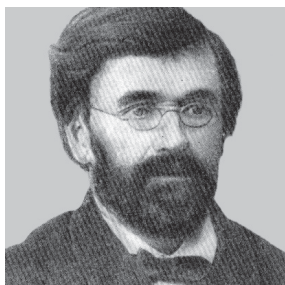
– Хоть на навоз, – возразил шутливо Грубов.

– Один?

– Если желаешь, и ты садись...

Филипп НЕФЁДОВ (1838–1902)

18 октября. 185 лет назад родился писатель, фольклорист, этнограф Филипп Диомидович Нефёдов (18.10.1838, с. Иваново Шуйского у., ныне г. Иваново – 25.03.1902, г. Москва). Участвовал в экспедициях по Волге и Южному Уралу. В начале 1890-х годов весной совершил путешествие по Волге на пароходе от Нижнего Новгорода до Самары; в путевых заметках дал описание реки, окружающего ландшафта и радостного солнечного утра вблизи Симбирска. Автор сборника рассказов «На миру» (1872); повестей «Лукавый попутал» (1892), «Тайна реки» (1894), «Чудесник Варнава» (1898); очерков «Этнографические наблюдения на пути по Волге и её притокам» (1877), «Весною: очерки и наброски» (1894) и др.

ПЕРЕВОЗЧИК ВАНЮШКА (отрывок из рассказа)

Ванюшка с ранней весны, как только пройдёт лёд, и до поздней осени, вплоть до заморозков, дни и ночи жил на реке: забежит домой поесть к бабушке – и опять на перевоз. «Служба» как раз по нём пришлась: на лодке когда случалось перевозить – веслом нетрудно было грести, а на пароме, когда скопилось много народа или ставили телеги с лошадьми, за канат тянули сами мужики. Дядя только вначале перевозил, а потом всё дело перепоручил Ванюшке, потому что летом мужику крестьянствовать надо. Деньги за перевоз Ванюшка без утайки, всё до копейки, отдавал хозяину, а жалованье своё приносил к бабушке. Случалось, редко, правда, что иногда какой мужичок, возвращавшийся навеселе с базара, зная про сиротство перевозчика и видя, как такой малыш в ненастье и холод, босоногий, в плохонькой одежонке и худых портнишках, откладывал и закладывал затворы, тянул за канат, – расчувствуется до слёз и, кроме пятака казённой платы, пожертвует от своего жалостливого сердца малышу копейку. А раз проезжая барыня так гривенник ему пожаловала! И эти жертвуемые и жалуемые деньги Ванюшка отдавал своей бабушке...

Бедно, ах как бедно они жили с бабушкой! Зимой коровкою только и питались, потому что жалованья зимою Ванюшка не получал... И вот три года он в перевозчиках... Дядя, хозяин, не обижал племянника – разве, когда выпивши, даст тукманку или «леща». Только вот осенью приходилось терпеть: студёная вода заливалась мальчугану за порыжелые голенища дырявых сапог, ноги от холода жгло и руки коченели, а ночью, лёжа в шалаше, он зяб и дрожал... Зато весною, летом...

И по лицу Ванюшки проходит счастливая улыбка. Ему уж рисуется картина весны...

– А не пора ли мне идти? – вспомнил мальчик. – Ровно бы я уж поотдохнул... Али ещё посидеть? Тепло, хорошо тутотка... А звёзды-то, звёзды-то как глядят!.. Вот весной они не так смотрят, и той, белой-то реки с заводями, не видать тогда. Вишь, по ней сколько звёздочек-то махоньких, словно кто их из лукошка просыпал!

И снова та же счастливая улыбка прошла по лицу мальчика; глаза его жмурятся, точно от солнечных

лучей. Он видит голубую реку, окаймлённую по обеим сторонам свежей, только что распутившейся зелёною листвою кустов и деревьев; там, где берег круче и лежит тень, – тонкий пар подымается; а где ударяло солнышко – там золотая рябь сверкает. В кустах свищут малиновки, пеночки и другие птички, а под ясным небом заливаются жаворонки... С другого берега кричат: «Перевозчик!» Ванюшка вылезает из шалаша, сбегает на плот, наскоро умывается свежеею водою, крестится на восход и отвязывает паром... Солнце всё выше-выше поднимается, с деревни прибегают ребятыньки, начинается по зелёному лугу беганье, игры, и раздаются весёлые крики...

Вон идёт какой-то охотник, с ружьём и сумкою через плечо, впереди бежит собака. Подходит.

– Здорово, ребята!

– Здорово.

– Вы здешние?

– Вестимо – здешние. А сам-то ты откуда?

– Приезжий. Я из Питера.

– Ой! Так далеко... Как же ты к нам зашёл?

– А я тут близёхонько от вас живу, рядом, в деревне Дубках поселился... Знаете вы тамошнего учителя?

– Видали.

– Так я у него живу. Сейчас – видите – на охоту иду. Где тут у вас перевозчик?

– А ты на пойму, что ли, хочешь?

– На пойму.

– Так пойдём к лодке. Я перевезу.

Перевёз Ванюшка охотника.

– Сколько за труды тебе следует?

– Две копейки.

– Кому же эти деньги пойдут? Миру?

– Знамо, хозяину.

– Получай хозяйские две копейки! А вот это тебе от меня в награду за то, что не потопил, перевёз благополучно.

– Ой! Да что больно много жалуешь?

– Бери.

Пятиалтынный дал! Ушёл, в кустах скрылся, и собака за ним побежала, тоже скрылась...

Авенир ЕФИМОВ (1888–1972)

18 октября. 135 лет со дня рождения автора мемуаров Авенира Геннадьевича Ефимова (18.10.1888, г. Нижний Новгород – 25.04.1972, г. Сан-Франциско, США). Окончил Симбирский кадетский корпус (1907). В 1918–1922 годах участвовал в Гражданской войне в составе белогвардейских войск Восточного фронта. В 1923 году эмигрировал в Китай, затем переехал в США. Автор книги воспоминаний «Ижевцы и воткинцы. Борьба с большевиками» (издана в США в 1975 году, в России – в 2008-м). Написана на основании дневника, который вёл в годы Гражданской войны. Один из персонажей автобиографического романа Г.П. Ишеевского «Честь» (1955). Похоронен на Сербском кладбище близ Сан-Франциско.

ИЖЕВЦЫ И ВОТКИНЦЫ. БОРЬБА С БОЛЬШЕВИКАМИ

(отрывок из книги воспоминаний)

Захват Казани отрядом Каппеля и чехами сильно всполошил большевиков. Их Восточный фронт резался в центре на две части. Главари большевиков в Ижевске получили приказ немедленно мобилизовать рабочих и двинуть их на Казань. Рано утром 7 августа они собрали митинг и, вопя о спасении завоеваний революции, требовали от рабочих подчиниться приказу и выступить на фронт.

Союз фронтовиков был к этому готов и имел заранее разработанный план. Остальные рабочие присоединились к фронтовикам и поддержали их. Тут же большевистским главарям были предъявлены требования из 10 пунктов, из которых важнейшие: 1) призвать всех от 18 до 30 (40) лет; 2) вооружить и обмундировать на заводе и отправить всех вместе; 3) обеспечить семьи; 4) охранять завод и плотину рабочими и т.д.

Комиссары почуяли заговор. Их ответы: 1) не надеются справиться с мобилизацией и призывают 4 – 5 сроков; 2) вооружить не могут – налицо только 300 винтовок, остальные будут выданы на фронте; 3) о семьях будут заботиться; 4) плотина охраняется надёжно и красноармейцами и т.д.

– Коли так – не пойдём! Долой Советы! – послышались крики из толпы рабочих.

Большевики поспешили закрыть митинг, но рабочие не разошлись. Председатель Союза фронтовиков Солдатов предложил перейти к штабу Союза на Казанской улице, и рабочие стройно, с пением ушли туда и продолжали обсуждать требования советчиков.

Так началось открытое выступление против красной власти ижевских рабочих, пока без кровавого столкновения. Но и оно не заставило себя долго ждать. Вечером распространилось известие, что Солдатов и многие члены Союза фронтовиков арестованы.

Рано утром 8 августа загудел гудок. Этот заводской гудок отличался большой мощностью, и его рёв можно было слышать за 40 вёрст от завода. Рабочие бросились по условленному заранее плану в пристрелочную мастерскую, где были винтовки и патроны. Разоружили растерявшихся часовых из плененных австрийцев, разделили найденный запас патронов – кому по 5 – 15, другим не досталось ничего.

Красные разгоняют толпы на улицах, запрещают собираться, грозят расстрелом. На Нагорной

части, где были казармы красноармейцев, послышались выстрелы. Напряжение нарастало. Но вот на плотине появились вооружённые рабочие. Пришедший с фронта лихой унтер-офицер Осколков бросился вперёд и дал первый выстрел по заставе красных, загородивших дорогу. Бой начался. Другой отряд рабочих по Долгому мосту двинулся в обход. Поднялся весь завод.

Кое у кого были припрятаны винтовки. Но оружия было мало, и вооружиться могли немногие. У красных было более 700 вооружённых: рота красноармейцев, две батареи, 100 пеших и 20 конных милиционеров и несколько «продовольственных» отрядов для выколачивания хлеба.

Бой разбился на отдельные очаги. Дрались с ожесточением обе стороны. Около полуночи весь завод был очищен от красных, понёсших большие потери и разбежавшихся по разным направлениям.

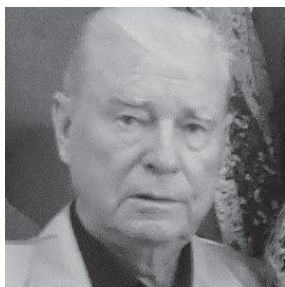
Ночью враг бежал, а рано утром 9 августа началась дружная работа по организации обороны. Всем было ясно, что «рабоче-крестьянская» власть пострадает как можно скорее задушить этот взрыв рабочего гнева.

Борьба предстояла упорная и ожесточённая, не на жизнь, а на смерть. Время было дорого, надо было немедленно выработать руководство военными действиями и организовать вооружённые силы. Собравшиеся фронтовики выбрали штаб обороны в составе трёх лиц – капитанов Цыганова и Солдатова и поручика Зебзиева.

Командование вооружёнными силами предложили полковнику Федичкину, единственному строевому кадровому офицеру, оказавшемуся на заводе. Стрелок 13-го Туркестанского полка, он получил большой боевой опыт на Кавказском фронте и был награждён многими боевыми наградами, в том числе орденом Святого Георгия 4-й степени. Свою боевую службу он начал молодым офицером ещё в Японскую войну.

Заведующий школой оружейных мастеров полковник Сорочинский организовал интендантство. Жандармский полковник в отставке Власов был призван в штаб. Другие офицеры мирного времени, составлявшие мирно настроенный старший артиллерийский технический персонал, уклонились от помощи восставшим. Непосредственное ведение боевых действий пало на унтер-офицеров и офицеров военного времени...

Евгений СОРОКИН (р. 1943)

18 октября. 80 лет исполняется поэту Евгению Фёдоровичу Сорокину (р. 18.10.1943, р.п. Барыш, ныне город в Ульяновской обл.). Окончил историко-филологический факультет Куйбышевского педагогического института. Более 30 лет преподавал в школе, техникуме и профтехучилище в Самаре. В 1990-е годы работал заведующим отделом редакции газеты «Барышские вести»; в 2001–2003-х – заведующим отделом сельского хозяйства Барышского района. Участник литературного объединения «Вдохновение». Автор поэтических сборников «Пламень чувственной души» (2006), «Я с вами жил» (2007), «Последние песни» (2009), «Там, где вьётся хмель душистый» (2011), «Герань в феврале» (2016) и др. Живёт в Барыше.

КОТЁНОЧЕК

Догорела за Волгой заря,
Блики дня потерялись за рощей,
В бледном зайчике фонаря
Копошился котёночек тощий.

Все подобраны пыльные крошки.
Облизнулся и вверх посмотрел:
Там, в растворенном светлом окошке,
Кто-то тихо, задумчиво пел.

Месяц вновь своей тропкой спешит,
Сонным светом свой путь устилая.
У калитки котёночек спит,
Позабытую лунность вдыхая.

***

Меня влекло неистребимо к дому,
Где ждали трепетно отец и мать.
На свете не было угла другого,
Которого я б мог себе желать.

И где б я ни был – всё была чужбина.
Судьба ль меня хотела испытать?
Но родина, как дорогого сына,
Всегда звала, как любящая мать.

Зачем себя я обрекал на муку?
К чему напрасно было так страдать?
Как сердце мучилось, терпя разлуку.
И было его некому унять.

Прошли года. Уже не стало силы
Носить в душе мне боли от разлук.
И родина меня простила,
Приняв в объятия тёплых рук.

***

Всё холода, холода, холода...
И неожиданно вдруг потеплело.
Песня лягушек несётся с пруда,
И от цветов всё в саду побелело.

Яблони, торн, черёмуха, вишня –
Облаком белым окутался сад.
А за речушкой в ольшанике слышно,
Как соловьи ошалело «гремят».

Всё ожило, пробудилось, проснулось
Голосом, запахом, цветом, теплом.
Жизнь утверждающе – всё вострепелось,
И проворчал пробудившийся гром.

***

Дохнули небеса Весной!
Пора природы возрожденья.
И снова ветер полевой
Повеял влагой обновленья.

И вострепенулась вновь душа
Восторгом сладким ожиданья,
Как будто трепетно спеша
На встречу первого свиданья.

И забывается тоска.
И забываются печали.
Живые звуки у виска
Зовут в лазоревые дали.

Владимир ШКУНОВ (р. 1963)

19 октября. 60-летний юбилей отмечает историк, публицист Владимир Николаевич Шкунов (р. 19.10.1963, г. Инза Ульяновской обл.). Окончил Мордовский университет (1989). Работал директором школы в Инзе, заведующим кафедрой Инзенского филиала УлГУ. Доктор исторических наук (2009), профессор. Научный сотрудник Поволжского филиала Института российской истории РАН. Автор изданий «Экономическая история Симбирского края с древнейших времён до конца XIX века» (2008), «Где волны Инзы плещут... Очерки истории Инзенского района Ульяновской области» (2012) и др. С 2003 года – председатель оргкомитета «Ознобишинских научных чтений» (Инза). Заслуженный учитель школы РФ (1993).

ГДЕ ВОЛНЫ ИНЗЫ ПЛЕЩУТ... (отрывок из книги очерков)

Ближайшими соседями по имению Д.П. Ознобишина и Н.Т. Аксакова были помещики Ахматовы, владевшие сёлами Никулино, Сюзсюм, деревней Анненково. Многие из представителей этого славного рода прославились на государственной и военной службе, а также как служители Русской православной церкви.

Появление Ахматовых в нашем крае относится, по всей видимости, к концу XVII – началу XVIII вв. Известно, что уже в 1764 г. капитан Антон Иванович Ахматов владел с. Никулино, а в начале XIX в. владельцем села был Федосей Иванович Ахматов (умер в 1811 г.). Федосей Иванович был женат на княжне Анне Чегодаевой. В браке у них родилась дочь, наречённая Прасковьей (в замужестве Мотовилова). Прасковья Федосеевна – прабабушка великой русской поэтессы Анны Ахматовой. Анна, урождённая Стогова, хорошо знала родословную своего рода. Поэтому не случайно, выбирая себе псевдоним, она остановила выбор на девичьей фамилии своей прабабки, в память о которой Анна носила кольцо («перстень чёрный»).

В середине XIX века самым известным из Ахматовых в Симбирской губернии был генерал-майор Алексей Петрович (1818–1870 гг.). Выпускник Казанского университета, он в 1836 г. поступил на военную службу и за короткое время сделал головокружительную карьеру: в 1849 г. получил звание полковника, а после Крымской войны – генерал-майора. 20-го ноября 1860 г. А.П. Ахматов назначен харьковским военным губернатором. В 1862 г. Алексей Петрович был переведён Высочайшим указом на должность обер-прокурора Святейшего синода, который возглавлял до 1865 г. В год назначения на должность обер-прокурора Алексей Петрович пожертвовал деньги на строительство церкви в своём родовом селе. За короткий срок в Никулино был возведён красавец-храм во имя архистратига Божия Михаила. Церковь стала и памятью о покойных родителях. Отец Ахматова – Пётр Антонович – (умер не ранее 1840 г.) владел не только селом Никулино, но и с. Ахматово, Белый Ключ, Безводное и другими и принадлежал к числу крупных землевладельцев Симбирской губернии. Ему принадлежало 5240 десятин земли и леса.

После смерти Петра Антоновича совладельцем Никулино был кузен Алексея Петровича майор

Пётр Николаевич Ахматов. Известно, что в 1865 г. А.М. Языков, один из организаторов Карамзинской общественной библиотеки, в письме к И.И. Благодарову, наставнику Симбирской семинарии, писал по поводу восстановления библиотеки (после пожара) о том, что «не пососедействовать ли нашему Петру Николаевичу и короткий ему человек?» Сын Петра Антоновича Ахматова Николай Петрович (1809–1872 гг.) владел д. Безводная, с. Ахматовка, Белый Ключ; на протяжении нескольких лет избирался Карсунским уездным предводителем дворянства. И Пётр Антонович, и Николай Петрович были хорошими знакомыми Дмитрия Петровича Ознобишина.

В 1865 г. Алексей Петрович вышел в отставку. По хозяйственным делам он чаще бывал в своём имении в Никулино. Ещё в начале 60-х гг. XIX в. в связи с проведением крестьянской реформы А.П. Ахматов активно занимался решением крестьянского вопроса. Ко времени отмены крепостной зависимости Алексею Петровичу принадлежали 489 крепостных мужского пола (общее количество превышало 1 тыс. чел.) и 3310 десятин земли. Он поддерживал тесные связи со своими соседями: Д.П. Ознобишиным, Н.Т. Аксаковым, П.Т. Морозовым, владельцем Большой Борисовки, генерал-майором Эрнестом Христофоровичем фон Вик и др.

В 1869 г. Алексей Петрович был избран почётным мировым судьей по Карсунскому уезду. К этому времени он имел звание генерал-адъютанта. В 1870 г. А.П. Ахматов выехал в Европу. Во время путешествия по Италии его здоровье резко ухудшилось. В этот же год он скончался во Флоренции. В память об Алексее Петровиче Симбирская духовная семинария учредила специальную стипендию, которую назначили наиболее одарённым семинаристам. Потомков у Алексея Петровича не было, поскольку он так и не вступил в брак, прожив всю жизнь холостяком.

Таким образом, село Никулино, ныне не существующее на географической карте Инзенского района, связано с именами многих выдающихся людей, представителей древнего рода Ахматовых. Это родина предков Анны Ахматовой, Льва Гумилёва.

Олег ПОРТНЯГИН (р. 1948)

20 октября. 75 лет исполняется поэту Олегу Алексеевичу Портнягину (р. 20.10.1948, г. Мариинск Кемеровской обл.). Окончил Иркутский университет (1976). Работал учителем и сотрудником газеты в Сызрани; с 1994 года заместитель редактора газеты «Волжские вести». Член Союза писателей России (1998). Автор поэтических сборников «День рождения» (1988), «От любви и печали» (1997), «Излучина» (2006), «Мне жизнь такой привиделась» (2008), «Порядок слов» (2013) и др. Не раз бывал в Ульяновской области: в 2006 году на открытии постамента Д.В. Давыдову в селе Верхняя Маза Радищевского района; в 2019-м посетил Карсун. Лауреат литературной премии имени И.И. Дмитриева. Живёт в Сызрани.

ХОЛОПЫ

– Почто, холоп, ты мне перечишь?! –
Ругал хозяин мужика.
Добавил кое-что покрепче –
Из матерного языка.

Хотел холопу дать по морде,
Хотел холопа выгнать вон,
Хотел ещё чего-то вроде.
Да тут затренькал телефон.

Хозяин в трубку телефона
Подобострастно лопотал,
Что затерялись, мол, вагоны,
А в них – заказанный металл.

Смените, барин, гнев на милость.
Над вами тоже – чей-то верх.
Ведь ничего не изменилось:
Холопы. XXI век.

МИРЫ

Ни газет, ни телевизора
Видеть больше не могу.
Вот такая мысль вызрела
У меня вчера в мозгу.

Но, глаза продравши, снова я
Прямо с самого утра
Кнопки телевизионные
Нажимаю, как вчера.

А потом, в почтовом ящике
Взяв газеты, я опять
Долго что-то настоящее
В них пытаюсь отыскать.

Те грешат, а эти каются.
Мир летит в тартарары.
В жизни не пересекаются
Параллельные миры.

В ТУМАНЕ

Всё смешалось на этой земле:
День и ночь непогода шаманит.
Не поймёшь, то ли город в тумане,
То ли это Россия во мгле.

Непогода недаром пришла.
И становится ясно до боли:
Как-то связаны между собою
Серый морок тумана и мгла.

Напрягай до предела мозги,
Пробуй землю босыми ступнями –
Ни во мгле, ни в кромешном тумане
Всё равно не увидишь ни зги.

Остаётся теперь верить нам,
Душу грея зажжённой свечкой,
В то, что мгла не окажется вечной,
Как не вечен и серый туман.

Лилия ИШКИНЯЕВА (р. 1973)

23 октября. 50 лет исполняется филологу, краеведу Лилии Камилевне Ишкinyaевой (р. 23.10.1973, р. п. Старая Кулатка Ульяновской обл.). Окончила УлГУ имени И.Н. Ульянова (1997). С 2000 года преподаёт в УлГУ; кандидат филологических наук (2011); с 2016-го – доцент кафедры журналистики, филологии и библиотекведения. Автор монографии «Творчество С.Т. Аксакова и литературная традиция XVIII столетия» (2018); статей «С.Т. Аксаков об охотничьих угодьях Симбирской губернии» (2011), «Круг чтения С.Т. Аксакова как источник его нравственно-эстетических воззрений» (2015), «Русские писатели XVIII – начала XIX в. в оценках и воспоминаниях С.Т. Аксакова» (2017) и др. Живёт в Ульяновске.

ТВОРЧЕСТВО С.Т. АКСАКОВА И ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ XVIII СТОЛЕТИЯ (отрывок из монографии)

Творчество С.Т. Аксакова занимает, бесспорно, особое место в истории отечественной литературы. Современник великих русских писателей, таких, как Грибоедов, Пушкин, Гоголь, Гончаров, Тургенев, Толстой, – Аксаков обладал уникальным дарованием в аспекте тематики, жанра и стиля его произведений. Эта уникальность во многом была обусловлена тем, что, в отличие от своих старших и младших современников, Аксаков, с его способностью принимать чужое и сохранять своё, глубже и органичнее унаследовал традиции литературы XVIII столетия.

Прочное и длительное приобщение к ним происходило в детстве и юности будущего писателя (через чтение Ломоносова, Державина, Сумарокова, Хераскова, Карамзина, Шишкова, переводной литературы, через лучший детский журнал того времени «Детское чтение для сердца и разума»), через начало его литературной деятельности – переводы французских авторов (в том числе Буало), поэтические опыты в традиционных жанрах, рецензии на театральные постановки пьес классицистического и сентименталистского направления.

В своих воспоминаниях писатель не раз называл те литературные произведения, которые составляли круг его чтения в детстве и юности, что даёт возможность открыть источники его творческой индивидуальности.

Заданная «Детским чтением» установка на восприятие гармонии мироздания, на изучение природы и познание Бога в его творениях, на любовь и дружбу в отношениях между людьми сохранялась в Аксакове всю жизнь. Разновидности идиллического жанра, описательной поэмы, зарисовок из «натуральной истории», детские рассказы, охотничьи руководства минувшего столетия определили направление художественных свершений Аксакова, тематическое и жанровое своеобразие его творчества.

Увлечённость литературным чтением, декламацией, театром, личные знакомства писателя с корифеями русской культуры XVIII века отразились в его воспоминаниях и повлияли на собственное его творчество.

Красота русского поэтического слова, идиллическое начало, присущее классицизму и сентиментализму, поэзия природы и детского мировосприятия, романизация семейных отношений и в то же

время ощущение драматизма всего происходящего в мире людей унаследованы были Аксаковым от литературы XVIII столетия.

Актуализация внимания авторов и теоретиков к жанру идиллии на рубеже XVIII–XIX веков связана была с формированием русского романа, вобравшим в себя традиции литературных и документальных жанров. Идиллия в произведениях Аксакова как жанр и как своеобразная устремлённость к миру природы оттеняется драматическими, психологическими и социальными коллизиями и выражает в целом преданность писателя идеалам добра и красоты. Благодаря этому, образы природы (дерево, бабочка, река и др.) у Аксакова, продолжая традицию искусства барокко и классицизма, приобрели обобщённо-символический смысл, связанный с проблемами бытия человека в мироздании.

Говоря об «охотничьих записках» Аксакова, нельзя не отметить удивительную соотнесённость их с разнообразными жанрами предшествующего периода. Внешне сопоставимые с многочисленными охотничьими руководствами по ружейной, псовой, соколиной охоте, рыбной ловле и т. п., они и по макрокомпозиции, и по микроструктуре текста оказываются приобщёнными в равной степени и к естественнонаучной, и к поэтической традиции, т. е. к томам «Натуральной истории» (Бюффон), к жанру описательной поэмы (Томсон, Делиль) и к прозаическим и стихотворным идиллиям.

Автобиографическая проза Аксакова также укоренена в литературе века Просвещения, в сентиментальной повести и романе. Отказавшись от последовательного, линейно-исторического изложения воспоминаний детства, он взял за основу сформировавшийся в произведениях Карамзина и его современников принцип незаданной смены впечатлений, чем максимально приблизился к воплощению детского, построенного именно на впечатлениях, мировосприятия. Поэтизация семейных отношений, душевности и теплоты материнской и сестринской любви, трогательной заботы, родства с природой приобрела у Аксакова неизмеримо большую художественную силу, благодаря эстетически сдержанному и в то же время недоумённому показу контрастирующих картин: равнодушия, злобы, не любви, эгоизма и т. д., а также благодаря отказу от дидактизма...

Виктор КОЧЕТКОВ (1923–2001)

24 октября. 100 лет назад родился поэт, прозаик и литературный критик Виктор Иванович Кочетков (24.10.1923, с. Балахоновка, ныне Клявлинского р-на Самарской обл. – 14.10.2001, г. Москва). Член Союза писателей СССР (1949). Дружил с Н.Н. Благовым, написал предисловия к его книгам. В 1960–1980-х гг. не раз приезжал в Ульяновск; в 1986 году посетил Пушкинский праздник поэзии в Языково, расписался в книге гостей музея «Усадьба Языковых». Автор поэтических сборников «Солдаты мира» (1950), «Росный час» (1959), «Соколиная страна» (1966), «Тепло земли» (1973), «Весть» (1988), «Окопный колосок» (1993), «Прощанье с Волгой» (1997); книги прозы «Счастливый из Манешт» (1964) и др. Стихотворение В. Кочеткова «Кукушка», адаптированное Юрием Кирсановым на «афганский» лад, стало песней воинов-афганцев.

ВЕСТЬ

«Поэзия – весть», – утверждает Овидий.
Судьбою приказано мне
Быть вестником тех корпусов и дивизий,
Что в Вечном сгорели огне.

Я – воин, которого шлют Фермопилы,
Чтоб знали во все времена,
Какую огромной ценою купила
Победу родная страна.

Грядущему весть я несу из бывшего
О тех, кто не может прийти.
Мне надо сказать их заветное слово,
Чтоб право на смерть обрести.

***

Когда закат последним блеском
Косынку высветит свою,
Пойду к знакомым перелескам
По запылённому жнивью.

И будет тучка плыть лениво,
И будут птицы петь зарю,
И я со степью молчаливой
Наедине поговорю.

И постою под звёздным небом
Средь остывающих полей.
И будет вечер пахнуть хлебом,
Как руки матери моей.

***

Дорога вьётся, стелется,
То узится, то ширится,
То в балке канителится,
То на просторы вырвется.

То под гору наклонится,
То в гору поднатужится,
То с полем познакомится,
То с рощею подружится.

Вовек бы не сходить с неё...
Иду дорогой пыльною,
А сверху снисходительно
Орёл мне машет крыльями.

Узнал тебя не скоро я,
Открыл тебя не сразу я,
Земля моя, с которою
Надолго песня связана.

С которой столько прожито.
Которой столько отдано...
На первую похожа ты,
Моя вторая родина.

На ту сторонку милую,
Заволжскую, заокскую,
Где под высокой ивой
Стоит изба отцовская.

...Шагаю степью ровною,
И дали открываются.
В одну любовь сыновнюю
Две родины сливаются.

КУКУШКА

Весь просвечен заревой покой,
Степь о чём-то о своем мечтает.
Серая кукушка за рекой,
Сколько жить осталось мне, считает.
Льнет, как паутинка к пиджаку,
Стебелек багульника примятый;
Я ловлю ленивые «ку-ку» –
Долголетья зыбкие приметы.
Вторит им качанием кустов
Вся в рябинах тихая опушка.
...Восемьдесят...Девяносто...Сто...
Что-то ты расщедрилась, кукушка.
Тратили мы силы, не скупясь,
Жили безоглядливо и пылко,
Дни свои не пряча про запас,
Как монеты мелкие в копилку.
Шествует победа по стране,
Думаешь, легко она досталась?!
Нам пришлось растратить на войне
Годы, что отпущены на старость.
Так что ты, вещунья, погоди
Мне дарить чужую долю чью-то.
У солдата вечность впереди,
Ты её со старостью не путай.

Венедикт ЕРОФЕЕВ (1938–1990)

24 октября. 85 лет со дня рождения писателя Венедикта Васильевича Ерофеева (24.10.1938, пос. Нива-2 Мурманской обл., ныне в черте г. Кандалакша – 11.05.1990, г. Москва). Во время войны (с сентября 1941-го по ноябрь 1943 года) жил в эвакуации у бабушки с дедушкой на родине отца, в селе Елшанка Николаевского района Ульяновской области. Писать прозу, по свидетельству матери, начал с 5 лет (1943). Учился в Московском университете. Член Литфонда СССР (1989). Автор поэмы в прозе «Москва – Петушки» (1968), эссе «Василий Розанов глазами эксцентрика» (1979), трагедии «Вальпургиева ночь, или Шаги командора» (1985), книг «Моя маленькая Лениниана» (1990), «Мой очень жизненный путь» (2008) и др.

МОСКВА – ПЕТУШКИ (отрывок из поэмы)

Все говорят: Кремль, Кремль. Ото всех я слышал про него, а сам ни разу не видел. Сколько раз уже (тысячу раз), напившись или с похмельюги, проходил по Москве с севера на юг, с запада на восток, из конца в конец, насквозь и как попало – и ни разу не видел Кремля.

Вот и вчера опять не увидел, – а ведь целый вечер крутился вокруг тех мест, и не так чтоб очень пьян был: я, как только вышел на Савёловском, выпил для начала стакан зубровки, потому что по опыту знаю, что в качестве утреннего декокта люди ничего лучшего ещё не придумали.

Так. Стакан зубровки. А потом – на Каляевской – другой стакан, только уже не зубровки, а кориандровой. Один мой знакомый говорил, что кориандровая действует на человека антигуманно, то есть, укрепляя все члены, ослабляет душу. Со мной почему-то случилось наоборот, то есть душа в высшей степени окрепла, а члены ослабели, но я согласен, что и это антигуманно. Поэтому там же, на Каляевской, я добавил ещё две кружки жигулёвского пива и из горлышка альб-де-дессерт.

Вы, конечно, спросите: а дальше, Веничка, а дальше – что ты пил? Да я и сам путём не знаю, что я пил. Помню – это я отчетливо помню – на улице Чехова я выпил два стакана охотничьей. Но ведь не мог я пересечь Садовое кольцо, ничего не выпив? Не мог. Значит, я ещё чего-то пил.

А потом я пошёл в центр, потому что это у меня всегда так: когда я ищу Кремль, я неизменно попадаю на Курский вокзал. Мне ведь, собственно, и надо было идти на Курский вокзал, а не в центр, а я всё-таки пошёл в центр, чтобы на Кремль хоть раз посмотреть: всё равно ведь, думаю, никакого Кремля я не увижу, а попаду прямо на Курский вокзал.

Обидно мне теперь почти до слёз. Не потому, конечно, обидно, что к Курскому вокзалу я так вчера и не вышел. (Это чепуха: не вышел вчера – выйду сегодня.) И уж, конечно, не потому, что проснулся утром в чьём-то неведомом подъезде (оказывается, сел я вчера на ступеньку в подъезде, по счёту снизу сороковую, прижал к сердцу чемоданчик – и так и уснул). Нет, не поэтому мне обидно. Обидно вот почему: я только что подсчитал, что с улицы

Чехова и до этого подъезда я выпил ещё на шесть рублей – а что и где я пил? и в какой последо-

вательности? Во благо ли себе я пил или во зло? Никто этого не знает, и никогда теперь не узнает.

Не знаем же мы вот до сих пор: царь Борис убил царевича Димитрия или наоборот?

Что это за подъезд, я до сих пор не имею понятия; но так и надо. Всё так. Всё на свете должно происходить медленно и неправильно, чтобы не сумел загордиться человек, чтобы человек был грустен и растерян.

Я вышел на воздух, когда уже рассвело. Все знают – все, кто в беспамятстве попадал в подъезд, а на рассвете выходил из него, – все знают, какую тяжесть в сердце пронёс я по этим сорока ступеням чужого подъезда и какую тяжесть вынес на воздух.

«Ничего, ничего, – сказал я сам себе, – ничего. Вон – аптека, видишь? А вон – этот пидор в коричневой куртке скребёт тротуар. Это ты тоже видишь. Ну вот и успокойся. Всё идёт как следует. Если хочешь идти налево, Веничка, иди налево, я тебя не принуждаю ни к чему. Если хочешь идти направо – иди направо».

Я пошёл направо, чуть покачиваясь от холода и от горя, да, от холода и от горя. О, эта утренняя ноша в сердце! о, иллюзорность бедствия! о, непоправимость! Чего в ней больше, в этой ноше, которую ещё никто не назвал по имени, чего в ней больше: паралича или тошноты? истощения нервов или смертной тоски где-то неподалеку от сердца? А если всего поровну, то в этом во всём чего же всё-таки больше: столбняка или лихорадки?

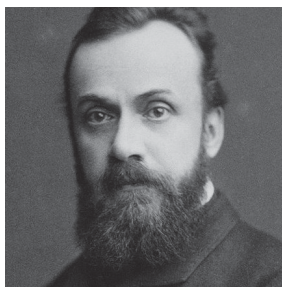
«Ничего, ничего, – сказал я сам себе, – закройся от ветра и потихоньку иди. И дыши так редко, редко. Так дыши, чтобы ноги за колени не задевали. И куда-нибудь да иди. Всё равно куда. Если даже ты пойдёшь налево – попадёшь на Курский вокзал; если прямо – всё равно на Курский вокзал. Поэтому иди направо, чтобы уж наверняка туда попасть».

О, тщета! О, эфемерность! О, самое бессильное и позорное время в жизни моего народа – время от рассвета до открытия магазинов! Сколько лишних седин оно вплело во всех нас, в бездомных и тоскующих шатенов! Иди, Веничка, иди...

Ну вот, я же знал, что говорил: пойдёшь направо – обязательно попадёшь на Курский вокзал. Скучно тебе было в этих проулках, Веничка, захотел ты суеты – вот и получиай свою суету...

Глеб УСПЕНСКИЙ (1843–1902)

25 октября. 180 лет назад родился прозаик, публицист Глеб Иванович Успенский (25.10.1843, г. Тула – 06.04.1902, г. С.-Петербург). Учился в Петербургском и Московском университетах. Автор циклов очерков и рассказов «Нравы Растеряевой улицы» (1866), «Разоренье» (1869–1871), «Власть земли» (1882), «Волей-неволей» (1884), «Поездки к переселенцам» (1889) и др. Не раз бывал проездом в Симбирской губернии. Останавливался в Симбирске в 1871, 1873, 1878 и 1887 годах, проплывая на пароходе по Волге из Нижнего Новгорода в Саратов. О путешествии по реке в 1871 году писал жене: «Волга мне ужасно нравится, но потому именно, что тоска, которую испытываешь на ней, – глубокая...».

ПОКА ЧТО (отрывок из путевых заметок)

...И если бы я не был так основательно доведён до убеждения в том, что никаких фантазий для русского человека пока что не полагается, – то непрерывный, оживлённый разговор, касающийся участи «ребят» и не дававший мне должного спокойствия в течение всей дороги от Рыбинска, по Волге и Дону, до Ростова и далее этот разговор должен бы был привести меня в восхищение: так необыкновенно радостно было видеть подхалима и предателя, которого наконец-таки прошибла же настоящая слеза, слеза сожаления и раскаяния в своём бездушии и бессердечии... Но я сильно вообще поутих в мечтаниях и, несмотря на радостные слёзы, которые начинали было журчать где-то под сердцем, я предпочёл встряхнуться и освежить в своём сознании новую формулу моей смиренно-мудрой жизни. А разговоры на животрепещущую тему случались иногда весьма любопытные.

Остановился американский пароход Зевеке у пристани какого-то волжского городка или посада. На горе – церкви, каменные дома и городской сад-бульвар, на пристани – носильщики, торговки, публика. На всю эту обычную картину волжских пристаней, при каждой остановке, обыкновенно с верхней галерейки парохода, от нечего делать, глязет пароходная публика.

Стопилась такая-то кучка разного народа и в этот раз; тут и англичанин с англичанкой, и барин в картузе с красным околышем, и «человечек» по хлебной части в старом пиджаке с оторванным на спине лоскутом, и «батюшка» с матушкой, и купец с седой бородой, типа иконописного, – словом, собралось много людей всякого звания: кто просто стоял у перил, кто стоял облокотившись на них, кто сидел на белом деревянном диванчике. Человечек по хлебной части неустанно ел подсолнухи и плевал скорлупу куда попало. Все ждали отхода парохода, глазели, топтались и переминались и почти не разговаривали.

Но вот на берегу, на бульваре, послышались звуки музыки: скрипки, флейты и кларнеты давали о себе знать отрывочными визгливыми звуками, напоминавшими вопли испуганных и находящихся в каком-то переполохе кур, – но какая-то труба заявляла о себе чрезвычайно решительно и твёрдо. Короткими, толстыми и тяжёлыми, как хорошие берёзовые дрова, звуками кидала она в средину воплей раскудахтавшихся кларнетов и флейт, всякий раз совершенно без малейшего, так сказать, остатка,

заглушая всю суматоху и всё неистовое кудахтанье в музыкальном курятнике. Пьеса, исполняемая оркестром, по мере приближения к концу, шла всё более и более ускоренным ходом, и труба стала разбрасывать свои полена всё чаще и чаще и притом во все стороны: направо и налево, вниз, вверх, по воздуху, по куриному воплю, в пароход, и даже за Волгу – и, наконец, зашвырнув последнее полено, по-видимому в крапиву, рядом с собой, – так короток был этот последний звук, – замолкла совершенно неожиданно.

– Ну теперь, надо быть, и стадо начнёт собираться! – проговорил человечек по хлебной части в разорванном на спине пиджаке. Проговорил он это, по-видимому, сам с собой, ни к кому не обращаясь, глаза на пристань и город и поплёвывая подсолнечную скорлупу.

– Какое стадо? Откуда? – спросил его также простонародный человек, поплёвывая ту же подсолнечную шелуху. – Чего говоришь-то?

– Чего говорю? Слышал, в трубу трубили на бульваре?

– Ну?

– Ну – это и есть, что вышел пастух, в трубу заиграл, а теперича и стадо должно на этот самый рожок собираться... Как скотина-то в деревнях собирается? Знаешь? Ну, так и тут...

– Кака тут скотина?

– Ты чем слушаешь-то? Ухом или брюхом? Я что говорю? Я говорю: в деревне затрубит в трубу, заиграет во рожок пастух, – и начинает собираться скотина... В городе же, как только в семь часов музыкант затрубит в трубу, – так начинает собираться особенное стадо – не скотов бессловесных, – понял ты, что я говорю, или нет? – а высшее образованное общество, господа, чиновники и прочий отборный фельетон... Расчухал теперь? Видишь, вон чиновник выползает из-под горы? Это он на рожок пошёл... Не нашему же брату-мужику под музыку слоняться до полночи... Вроде как стадо, – собирается высший свет на выгон, к буфету... Ишь, чиновник-то выгребается в гору, словно муха из банки с вареньем, слаб, устал, утруждён... Эй! Труба! Ну-ка! дёрни хорошенько, подбодри его, подшвырни на гору-то!..

Говорилось всё это не спеша, якобы совершенно серьёзно, но публика третьего класса оценила остроумца, и то там, то здесь слышалось одобрительное гоготанье...

Дмитрий КАНТЕМИР (1673–1723)

26 октября. 350 лет назад родился политический деятель, писатель, историк Дмитрий Константинович Кантемир (26.10.1673, г. Галац, Молдавия, ныне Румыния – 01.09.1723, с. Дмитровка Орловской провинции Киевской губ.). С 1710 года молдавский господарь. В 1711-м заключил тайный договор с Петром I о союзе против Турции и переходе Молдавии в состав России. Заведовал канцелярией в Персидском походе Петра I в 1722 году; вместе с сыном Антиохом был в Симбирске 9 июня, когда флотилия остановилась под горой из-за сильной бури на Волге. Автор романа «Иероглифическая история» (1705); исторических трудов «Описание Молдавии» (1716), «Жизнь Константина Кантемира» (1718) и др.

ОПИСАНИЕ МОЛДАВИИ (отрывок из сочинения)

У нас нет намерения давать пространное описание животных Молдавии, которые также имеются и в соседних странах, как не входит в наши планы напоминать о бродящих по лесам стадах оленей, серн, коз, лисиц, рысей и волков; но задача наша состоит в том, чтобы рассказать про то особенное, свойственное только животным, здесь обитающим, что мы наблюдали в Молдавии.

Итак, мы напоминаем, что у нас имеется три породы овец: горные, сорокские и дикие. Едва ли возможно рассказать, сколько больших стад овец можно видеть повсюду в горах, ибо западные области Молдавии малопригодны для производства зерновых культур, и единственным занятием жителей этих мест является овцеводство, которое даёт им пропитание. Отсюда при посредничестве греческих купцов доставляется ежегодно более чем шестьдесят тысяч этих овец (называемых по-турецки кивирджик) в Константинополь, к столу султана, потому что их мясо предпочитается всякому другому ввиду его отменного вкуса и хорошей усвояемости. Особенно богатые пастбища находятся в трёх местах: в Русском Кымпулунге у реки Путила, в Молдавском Кымпулунге у реки Молдова и в горах Вранча в округе Пуша.

Овцы, которые водятся на равнинах, гораздо крупнее, чем те, что растут в горах, но зато они не так плодовиты. Из них следует особо упомянуть о тех, которые рождаются в Сорокском округе. Все они имеют на одно ребро больше, чем остальные, и сколько времени живут, оно у них остаётся. Но если этих овец переводят в другие области, то уже на третий год у них появляются ягнята с обычным числом рёбер. Равным образом, если овца из другой области завозится в Сорокский округ, то на третий год у неё рождаются ягнята, которые превосходят мать на одно ребро.

Значительно отличаются от них дикие овцы, которых, как я думаю, едва ли можно найти в другом месте. У них верхняя губа отвисает на две ладони, и поэтому, когда они пасутся, должны щипать траву, отступая назад. У них шея очень короткая и не имеет ни одного сочленения, а поэтому эти овцы не могут поворачивать голову ни направо, ни налево. Ноги у них короткие, но бегают они так быстро, что собаки, гоняясь за ними, едва могут их настичь. Кроме того, эти овцы обладают таким острым нюхом, что могут за немецкую милую учуять охотника

или любого зверя, когда идут за ними по ветру, и тотчас же убегают; если же к ним подходят против ветра, то овцы ничего не чувствуют, пока их не поймают.

У горцев вола малорослы. Жители же равнин разводят большие стада крупных и красивых волов, которых они гонят ежегодно в Польшу, в Дансиг, более чем по одиннадцати тысяч голов, и оттуда они попадают в соседние государства под именем польских. В Молдавии пара волов продаётся за пять имперялов летом, а зимой даже за три; напротив, в Дансиге, как мы слышали, их продают за сорок, пятьдесят имперялов.

Самые жирные и самые лучшие вола водятся у реки Сараты в округе Фалчиу, и у реки Башеу, в Черновицком округе, потому что тамошние поля изобилуют солью и дают мягкую траву, способствующую тучности. Доход от волов настолько велик, что жители могут не только кормиться от них, но даже в состоянии платить очень тяжёлые подати, которые турки обыкновенно с них взимают.

По обоим берегам Тираса часто встречаются дикие буйволы, но они, как нам кажется, не местного происхождения, а переходят по замёрзшему Тирасу из Подолии и Татарии из-за суровых северных ветров, свирепствующих зимой в тех местах.

В западных горах водится другой зверь, который, позволю себе утверждать, является характерным для нашей страны и которого молдаване называют зимбр. По величине он равен домашнему быку, но голова меньше, шея несколько длиннее, брюхо поджарое, ноги длинные, рога приподняты вверх, концы которых сильно заострены и немного загнуты вперед. Этот дикий и быстрый зверь может взбираться, подобно козам, на горные утёсы, откуда его берут или же убитым или раненым из ружья. Это и есть тот зверь, изображение головы которого пожелал иметь в качестве герба страны Драгош, первый господарь возрождённой Молдавии.

В Ореевском округе, у деревни Тохатин, между реками Икел и Рэут водятся свиньи не с раздвоенными копытами, как обычно, но с цельными, как у лошадей. То же происходит и с поросятами, которые появляются на свет на третий год от маток, завезённых сюда из других уездов, и не только у домашних свиней, но и у диких, которые в изобилии водятся в камышах по Тирасу...

Эдуард УЧАРОВ (р. 1978)

26 октября. 45-летний юбилей отмечает поэт Эдуард Раимович Учаров (р. 26.10.1978, г. Тольятти). Окончил филиал Академии труда и социальных отношений. Член редколлегии журнала «Казанский альманах». Публиковался в газете «Литературная Россия», в журналах «Дружба народов», «Нева», «Аргатак. Татарстан» и др. Автор поэтических сборников «Подворотня» (2011), «SOSстояние весомости» (2012), «Трехколёсное небо» (2015), «Калмыцкие таблицы» (2016), «Иностранная вещь» (2017), «Стиходворения» (2018). Редактор-составитель книги «Гавриил Каменев: избранное». Приезжал в Ульяновскую область в 2016 и 2017 годах, написал стихотворение «Письмир» и эссе «Ульяновск». Живёт в Казани.

НА КАЗАНСКОМ БАЗАРЕ

Здесь, на базаре, в шум и гам,
Среди корзин
Проходит батюшка к рядам
И муэдзин.

Здесь пахнет квасом и халвой –
Ядрёный дух!
Мясник с утра над головой
Гоняет мух.

Здесь в тубетейку льют рубли,
Звучит баян.
Хозяин, старенький Али,
Немного пьян.

Здесь на бухарские ковры
И местный кроль
Придут рязанские воры
«Сыграть гастроль».

Здесь, разложивши короба,
Людскую течь
Сзывает бойкая апа,
Мешая речь.

И нищий ветеран труда,
Держась, как принц,
Займёт полтинник навсегда
У продавщиц.

А за углом, проспав обед,
Колокола
Разбудят звоном минарет –
Споёт мулла.

СВИЯЖСК

Впадает ли в Волгу кривая Свияга,
где кожа реки золотится на солнце
и храмы медовые, вставши на якорь,
в обеденный проблеск опутаны звонцем?

Впадает ли сердце в острожную крепость,
забившись о берег тугими волнами,
в крови оживляя восторженный эпос
о грозном царе от бревенчатых армий?

Впадают ли в спячку глухие столетья,
ушедшие вплавь на приступе Казани,
внизу по теченью победу отметив,
забывшие всё, что стремительно взяли?

Заблудшее солнце, что рань ножевая,
безмолвные церкви по горлу полощет.
Но с лязгом мечей иногда оживает
на острове новом старинная площадь...

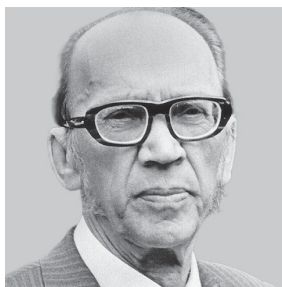
БУЛГАРИЯ

Волга впала в Каму,
Кама – в небеса.
Небо под ногами
брызнуло в глаза.

Ищет, не находит
синь свою вода:
белый пароходик,
чёрная беда.

К берегу какому
выплыл башмачок?
Волга впала в кому –
больше не течёт...

Андрей АЛДАН-СЕМЁНОВ (1908–1985)

27 октября. 115 лет назад родился поэт и прозаик Андрей Игнатьевич Алдан-Семёнов (27.10.1908, д. Шунгунур Вятской губ. – 08.12.1985, г. Москва). В 1932–1934 годах жил в Самаре, работал спецкором газеты «Средне-Волжская коммуна», затем в газете «Красная Татария» в Казани. Не раз бывал проездом в Ульяновском округе Средневолжского края. Член Союза писателей СССР (1934). Возглавлял Кировское отделение Союза писателей СССР (1935–1938). В романе «Красные и белые» (1970) описал события 1918–1919 годов в Самаре, Сызрани, Симбирске. Автор книг стихов и прозы «Белый остров» (1931), «Солнце» (1936), «Закон дружбы» (1954), «Под русскими звёздами» (1977), «Гроза над Россией» (1984) и др.

КРАСНЫЕ И БЕЛЫЕ (отрывок из романа)

И Муравьёв решил.

Он посадил на царскую яхту «Межень» отряд личного конвоя, состоявший из черкесов и татар, и отправился в Симбирск.

Облитая лунным сиянием, Волга мерцала, молчаливо проходил высокий правый берег, луговая сторона освещалась зарницами далёкой грозы.

На палубе яхты ходили, сидели бойцы, они не понимали друг друга, черкесы высокомерно поглядывали на татар, татары косились на косматые папахи и кавказские кинжалы.

Из салона выскочил Чудошвили с тугой кожаной сумкой. Затянутый в черкеску, он походил на огромную малиновую осу.

– Становись в затылок! Принимай деньги! – проревел он, доставая из сумки горсть червонцев. – На каждое рыло по десятке. В Сымбирск прыдём получите исчо!

А в царском салоне Муравьёв мерил нервными шагами пушистый ковёр; мысль, что он находится на яхте, ещё недавно принадлежавшей русскому императору, тревожно пьянила. Муравьёв сожалел, что мало людей вовлёл в свою рискованную авантюру. Он умел в нужную минуту принимать нужные для себя решения, усваивать нужный тон поведения. Муравьёв с упорством маньяка шёл к намеченной цели: он изменил монархии и перешёл на сторону Временного правительства, от Керенского переметнулся к большевикам. Изменить большевикам для него ничего не стоило.

– Адъютант! – негромко позвал Муравьёв.

– Я здесь, Михаил Артемьевич. – Чудошвили появился в салоне.

– Садись за машинку. Продиктую несколько приказов.

Муравьёв провёл рукой с затылка на лоб, взъерошил только что зачёсанные волосы. Стал диктовать:

– «От Самары до Владивостока всем чехословацким командирам! Ввиду объявления войны Германии приказываю вам повернуть эшелоны, движущиеся на восток, и перейти в наступление к Волге и далее на западную границу. Занять по Волге линию Симбирск – Самара – Саратов – Балашов – Царицын, а в северо-уральском направлении Екатеринбург и Пермь. Дальнейшие указания получите особо. Главнокомандующий армией, действующей против германцев, Муравьёв».

Адъютант печатал быстро, механически ставя в словах букву «э» вместо «е».

– Приказ передать по радио, как только придём в Симбирск, – распорядился Муравьёв, но тут же передумал: – Нет! Передадим, когда на яхту явится Тухачевский. Накрой стол, приготовь угощение, за рюмкой коньячка милее разговаривать на острые темы.

Муравьёв опять заходил по салону. Воображение разыгрывалось прихотливо. На мгновение он попытался представить Восточный фронт от Волги до Тихого океана: панорама была необозримой даже для мысленного взора.

– Исчислено, взвешено, разделено! – произнёс он неуверенно и удивлённо.

– Что, Михаил Артемьевич? – переспросил адъютант.

– Я исчислил силы большевиков, взвесил собственные, разделил Россию на две части. Но и то, что сегодня достанется большевикам, завтра будет моим. – Муравьёв выпил рюмочку коньяку, вытер губы салфеткой, на которой ещё виднелась вышитая шелками корона. – Всё завтра может стать моим, если не изменит фортуна.

Поздним вечером «Межень» пришвартовалась у пристани Симбирска. Муравьёв послал связанных за командиром Симбирского корпуса и командиром бронедивизиона. Это были свои люди, и он приказал им с броневиками и матросским отрядом явиться на пристань. За Тухачевским направил адъютанта.

Страх перед неизвестностью внезапно овладел Муравьёвым, но он понимал, что начатую авантюру уже нельзя остановить.

На пристани раздались пьяные крики – кого-то приветствовали матросы. В салон вошёл комкор.

– Мы потеряли самое драгоценное время, – начал он с ходу. – Восстание в Москве сокрушено...

– Не повторяй, что и так известно. Москва ещё не вся Россия, а Симбирск станет точкой отсчёта новых времён...

На пороге салона появился Тухачевский. Главком принял его как радушный хозяин, сдёрнул салфетку, прикрывавшую вино и закуски. Движением глаз, белозубой улыбкой, всем своим сердечным видом он как бы говорил: «А вот мы сейчас задушевно побеседуем».

Андрей КУРБСКИЙ (1528–1583)

Октябрь. 495 лет назад родился политический и военный деятель, писатель-публицист Андрей Михайлович Курбский (?..10.1528, Московия – ?..05.1583, с. Миляновичи Речи Посполитой, ныне Волынской обл. Украины). В 1540–1550-х годах один из самых близких людей Ивана Грозного. Во время похода на Казань в августе 1552-го прошёл с войском вдоль Суры до впадения в неё реки Барыш, затем через реки Кивать, Якла и Цильна (в районе сегодняшних сёл Барышская Слобода, Кивать, Астрадамовка, Кувай Сурского района). В 1564 году бежал в Литву. Автор посланий к старцу Вассиану Муромцеву (1561–1564) и Ивану Грозному (1564–1579), сочинений «Сказ о логике», «История Флорентийского собора» и др.

ПОСЛАНИЕ КУРБСКОГО ИВАНУ ГРОЗНОМУ (май 1564 года)

Царю, Богом препрославленному и более того – среди православных пресветлым явившемуся, ныне же – за грехи наши – ставшему супротивным (пусть разумеет разумеющий), совесть имеющему прокажённую, какой не встретишь и у народов безбожных. И более говорить об этом всё по порядку запретил я языку моему, но из-за притеснений тяжчайших от власти твоей и от великого горя сердечного дерзну сказать тебе немногое.

Зачем, царь, сильных во Израиле истребил, и воевод, дарованных тебе Богом для борьбы с врагами, различным казням предал, и святую кровь их победоносную в церквах Божьих пролил, и кровью мученической обогрил церковные пороги, и на доброхотов твоих, душу свою за тебя положивших, неслыханные от начала мира муки, и смерти, и притеснения измыслил, оболгав православных в изменах и чародействе и в ином непотребстве и с усердием тщась свет во тьму обратить и сладкое назвать горьким, а горькое сладким? В чём же провинились перед тобой и чем прогневали тебя заступники христианские? Не они ли разгромили прегордые царства и обратили их в покорные тебе во всё, у которых прежде в рабстве были предки наши? Не отда ны ли тебе Богом крепчайшие крепости немецкие благодаря мудрости их? За это ли нам, несчастным, воздал, истребляя нас со всеми близкими нашими? Или ты, царь, мнишь, что бессмертен, и впал в невиданную ересь, словно не предстоит тебе предстать пред неподкупным судией и надеждой христианской, богоначальным Иисусом, который придёт вершить справедливый суд над вселенной и уж тем более не минует гордых притеснителей и взыщет за все и мельчайшие прегрешения их, как вещают божественные слова? Это он, Христос мой, восседающий на престоле херувимском одесную величайшего из высших, – судия между тобой и мной.

Какого только зла и каких гонений от тебя не претерпел! И каких бед и напастей на меня не обрушил! И каких грехов и измен не возвёл на меня! А всех причинённых тобой различных бед по порядку не могу и исчислить, ибо множество их и горем ещё объята душа моя. Но под конец обо всё вместе скажу: всего лишён был и из земли Божьей тобою без вины изгнан. И воздал ты мне злом за добро моё и за любовь мою непримиримой ненавистью. Кровь моя, словно вода, пролитая за тебя, вопиет против тебя перед Богом моим.

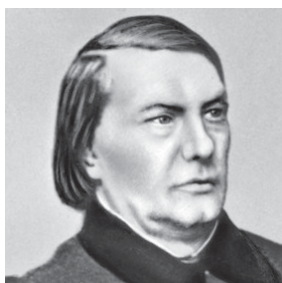
Бог читает в сердцах: я в уме своём постоянно размышлял, и совесть свою брал в свидетели, и искал, и в мыслях своих оглядывался на себя самого, и

не понял, и не нашёл – в чём же я перед тобой виноват и согрешил. Полки твои водил и выступал с ними и никакого тебе бесчестия не принёс, одни лишь победы пресветлые с помощью ангела Господня одерживал для твоей славы и никогда полков твоих не обратил спиной к чужим полкам, а, напротив, преславно одолевал на похвалу тебе. И всё это не один год и не два, а в течение многих лет неустанно и терпеливо трудился в поте лица своего, так что мало мог видеть родителей своих, и с женой своей не бывал, и вдали от отечества своего находился, в самых дальних крепостях твоих против врагов твоих сражался и страдал от телесных мук, которым Господь мой Иисус Христос свидетель; особенно много ран получил от варваров в различных битвах, и всё тело моё покрыто ранами. Но тебе, царь, до всего этого и дела нет.

Хотел перечислить по порядку все ратные подвиги мои, которые совершил я во славу твою, но потому не называю, что Бог их лучше ведаёт. Он ведь за всё это воздаст, и не только за это, но и за чашу воды студёной. И ещё, царь, говорю тебе при этом: уже не увидишь лица моего до дня Страшного суда. И не надейся, что буду я молчать обо всё: до последнего дня жизни моей буду беспрестанно со слезами обличать тебя перед безначальной Троицей, в которую я верую, и призываю на помощь херувимского Владыки Мать – надежду мою и заступницу, Владычицу Богородицу, и всех святых, избранников Божьих, и государя моего князя Фёдора Ростиславича.

Не думай, царь, и не помышляй в заблуждении своём, что мы уже погибли и истреблены тобою без вины и заточены и изгнаны несправедливо. Не радуйся этому, словно похваляясь этим: казнённые тобой у престола Господня стоят, зывают об отомщении тебе, заточённые же и несправедливо изгнанные тобой из страны зывают день и ночь к Богу, обличая тебя. Хотя и похваляешься ты постоянно в гордыне своей в этой временной и скоропреходящей жизни, измышляешь на людей христианских мучительнейшие казни, к тому же надругаясь над ангельским образом и попирая его, вместе со вторящими тебе льстецами и товарищами твоих пиров бесовских, единомышленниками твоими боярами, губящими душу твою и тело, которые детьми своими жертвуют, превзойдя в этом жрецов Крона. И обо всё этом здесь кончаю.

А письмо это, слезами омоченное, во гроб с тобою прикажу положить, перед тем как идти с тобой на суд Бога моего Иисуса. Аминь.

Иван БАБСТ (1823–1881)

1 ноября. 200 лет назад родился историк, редактор и публицист Иван Кондратьевич Бабст (01.11.1823, г. Коротояк, ныне село в Острогожском р-не Воронежской обл. – 18.07.1881, с. Белавино, ныне Солнечногорского р-на Московской обл.). Окончил Московский университет (1846). Посетил Симбирск 12–15 июля 1863 года на пароходе «Турист» в свите наследника престола Николая Александровича. В соавторстве с К.П. Победоносцевым издал «Письма о путешествии государя наследника цесаревича по России от Петербурга до Крыма» (1864), где описал подробности трёхдневного пребывания в Симбирске. Автор работ по политэкономии, очерков «Лейбниц» (1848), «От Москвы до Лейпцига» (1859) и др.

ПИСЬМА О ПУТЕШЕСТВИИ ОТ ПЕТЕРБУРГА ДО КРЫМА

(отрывок из путевых записок)

В воскресенье, 14 июля, Его Высочество слушал обедню в соборе. Симбирский большой собор принадлежит к зданиям новейшей архитектуры. Он построен дворянством в память освобождения России от нашествия неприятеля в 1812 году. Старее этого храма тёплый собор, построенный на месте древней церкви, существовавшей с основания Симбирска.

Ни в том, ни в другом храме нет достопримечательных древностей. В Симбирске вообще нет древних зданий, и сам город, сравнительно говоря, принадлежит к числу молодых городов. Он основан в 1648 году, по плану боярина и оружейничего Богдана Матвеевича Хитрово, для ограждения здешнего края от набегов татар и инородцев. Память о боярине, основателе города, до сих пор ещё не забыта в Симбирске, и в некоторых дворянских семействах сохраняются старинные вещи и оружия, ему принадлежавшие. Некоторые из этих вещей, старые пицала и ковши отличной работы, собраны были к приезду Его Высочества и поставлены в кабинет к нему. Вообще, стараниями начальника губернии М.И. Анисимова и его супруги, этот кабинет устроен был прекрасно, с полною заботливостью обо всём, что могло служить к удобству и возбудить внимание Его Высочества.

Наконец, подошёл вечер, о котором так много думали и к которому столько готовились в Симбирске. Вечер этот удался вполне. Симбирское дворянство желало сделать свой бал по возможности интересным и оживлённым для дорогого гостя. И

конечно желание это было искреннее, потому что вечер удался. Праздники, как всё на свете, имеют судьбу свою: судьба этого праздника была счастливая. Бал симбирского дворянства, по общему отзыву, был таков, какие не часто бывают и в Петербурге. Всем без исключения было на нём весело, все без исключения остались им довольны, все вынесли с собою самые приятные впечатления. Какой судьбы счастливее этой можно желать для бала?

Было какое-то единство и воодушевление в чувстве, которое связывало всех присутствовавших на этом вечере. В числе наших симбирских знакомых были такие, которые бегают, как от чумы, от всякого бала, которым бальная атмосфера противна. Мы наблюдали за ними: и их во весь вечер не покидала весёлая, довольная улыбка, и они без всякой задней мысли искали, кому бы сказать; как хорош нынешний вечер; и они оставались до конца, и покидали бал с некоторым сожалением.

К 10 часам вечера осветилось разноцветными огнями всё здание Симбирского дворянского собрания. Внизу лестницы Его Высочество был встречен губернским предводителем дворянства Ермоловым со всеми дворянами, которые и проводили его вверх по лестнице. Наверху, у дверей залы, ожидали дорогого гостя дамы, с букетами в руках, и проводили в залу. Залом и убранством её нельзя было налюбоваться. Есть, без сомнения, в других городах залы более обширные и пышнее отделанные; но симбирская зала дворянского собрания

отличается изяществом постройки и пропорциональностью частей, которые не часто встречаются. Она вся белая; плафон отделан тоже белой лепной работой, нисколько не нарушающей общей простоты. Присмотревшись к физиономии многих других зал, мы были поражены видом этой, и всякий пожелал узнать имя её строителя. Оказалось, что строитель её архитектор Бенземанн, тот же самый, что строил около Карамзинской площади недавно возобновлённую церковь Николая Чудотворца, обратившую на себя внимание Великого Князя при самом въезде в Симбирск – оригинальностью и красотой рисунка. Зала, сама по себе изящная, была убрана с большим вкусом цветами; особенно замечателен был по искусному сочетанию цветов и зелени бордюры около портрета Государя Императора, на боковой стене залы.

Бал начался польским: его открыл в первой паре Великий Князь с главной хозяйкою бала, супругою губернского предводителя. За польским начались по обычаю контрдансы, и в течение трёх часов один танец сменялся другим почти без перерыва. Всеми танцами дирижировал весьма удачно ардатовский уездный предводитель г. Потёмкин. Со всех концов залы можно было видеть высокую фигуру его в мундире и слышать его голос. Государь Наследник участвовал почти во всех танцах к неописанной радости дам, хозяев бала и целого общества. Мы не без удивления смотрели на прекрасную половину симбирского общества: столько тут было красоты и свежести! Самые взыскательные кавалеры признавались, что в этом отношении симбирский бал мог поспорить с любым столичным...

Мария СЕМЁНОВА (р. 1958)

1 ноября. 65-летний юбилей отмечает прозаик, поэтесса, литературный переводчик Мария Васильевна Семёнова (р. 01.11.1958, г. Ленинград, ныне С.-Петербург). Член Союза российских писателей. Автор книг фэнтези, исторической и криминальной прозы: «Лебеди улетают» (1989), «Волкодав» (1995), «Валькирия» (1996), «Право на поединок» (1996), «Меч мёртвых» (1998), «Окольцованный злом» (2000), «Тот, кого я всегда жду» (2001), «Полжизни за коня» (2009) и др. Посетила Ульяновск 25-27 апреля 2017 года в рамках выставки-ярмарки «Симбирская книга»; провела творческие встречи во Дворце книги и в городской библиотеке №1 «Мир искусств», в районном Доме культуры посёлка Старая Майна. Живёт в С.-Петербурге.

ПЕСНЬ СМЕРТИ

Торопится время, течёт, как песок,
Незванная Гостья спешит на порог.
С деревьев мороз обрывает наряд,
Но юные листья из почек глядят.

Доколе другим улыбнётся заря,
Незванная Гостья, ликуешь ты зря!
Доколе к устам приникают уста,
Над Жизнью тебе не видать торжества!

Незванная Гостья, в великом бою
Найдётся управа на силу твою.
Кому-то навеешь последние сны,
Но спящие зёрна дождутся весны.

Незванная Гостья, повсюду твой след,
Но здесь ты вовек не узнаешь побед.
Раскинутых крыльев безжизнен излом,
Но мёртвый орёл остается орлом...

Незванная Гостья, ты слышишь мой смех?
Бояться тебя – это всё-таки грех,
Никто не опустит испуганных глаз,
А солнце на небе взойдёт и без нас...

Доколе над нами горит синева,
Лишь Жизнь, а не гибель пребудет права,
Вовеки тебе не бывать ко двору,
Незванная Гостья, на нашем пиру!

Покуда мой меч надо мною поёт
И дух не забыл, что такое полёт,
Я буду идти, вызывая на бой,
Незванная Гостья, – смеясь над тобой!

ПЕСНЬ ОТЧАЯНИЯ

О чем ты споёшь нам, струна золотая?..
Здесь камень холодный безгласен и слеп.
Здесь вечная ночь, а зари не бывает.
Здесь тщетной надежды прижизненный склеп...

В рудничном отвале твой путь оборвётся,
Где мёртвые смотрят последние сны,
И горное солнце, холодное солнце
В слепые глаза поглядит с вышины...

Не ждите, невесты! Не свидимся с вами:
Живыми уже не вернёмся домой.
Сокрытые камнем, ушедшие в камень,
Мы избраны вечной Хозяйкою Тьмой.

Она нам постелет роскошное ложе,
Подарит, лаская, прекраснейший сон –
Что странником неким, случайно заходим,
Последний привет будет вам донесён...

Николай ДЕРЖАВИН (1888–1928)

3 ноября. 135 лет со дня рождения журналиста, краеведа, историка литературы Николая Александровича Державина (03.11.1888, г. Ардатов Симбирской губ., ныне Республики Мордовия – 16.03.1928, с. Красиловка Киевского округа Украинской ССР). Окончил Симбирскую духовную семинарию (1910). Жил в Симбирске, преподавал в Языковском училище. Много лет работал над историей Симбирского театра и словарём деятелей Симбирского края. Автор статей о Д.Н. Садовникове (1910), А.Ф. Лабзине (1912), И.А. Гончарове (1912), А.С. Пушкине (1913), Д.Д. Минаеве (1915), очерка «Огни рампы 1780–1924» (1928), легенд и сказок «Озеро Маришка» (1911), «Вещий сон Карабая» (1915) и др.

ОЗЕРО МАРИШКА (отрывок из легенды)

...Как ни упрашивала Марина остаться, не послушался её Иван, – ушёл. Наступила для Марины пора тяжёлая.

И раньше шипели по-змеиному бабы синбирские на Марину, а теперь и совсем от попреков и насмешек их житья не стало ей, бедной. Выйдет она на улицу, а они вслед ей кричат:

– Что, недотрога-царевна, опростоволосилась? Поиграл с тобой прохожий добрый молодец да и бросил тебя, как тряпку грязную. Так тебе и надо! Не важничай впредь!

Гневно сжимала губы Марина, но что же могла она поделывать со злой сворою? Пробовала она говорить, что через год вернётся её милый, а бабы издевались над ней.

– Нет, уж поминай его, как звали! Он взял своё: зачем же ему вертаться-то?

Хорошо ещё, что зима скоро наступила. Заперлась Марина в избушке своей по-над озером, заседала за пряжу и позабыла о злых бабах. Только об Иване своём ненаглядном и думала она в ночи тёмной, бессонной.

Но вот прошли шумливые святки, наступила масленица мокрохвостая. Зажурчали ручейки подснежные, прилетели жаворонки голосистые, появились первые проталинки. А там зазвенели по рекам хрустальные льдины, загудели колокола пасхальные, и май пришёл в уборе подвенечном. Слово фатой оделись сады вишнёвые, опушились луга травой муравчатой, зазеленели поля озимями шелковыми. Ждёт не дожётся Марина Ивана. Но вот проходит день за днём, неделя за неделей, – нет его!

А злые бабы синбирские опять не дают Марине прохода.

– А ведь ты, Марина, – ехидно смеётся одна, – похудела, побледнела, с лица некрасивой стала!

– Если ты этак дурнеть будешь, – подхватывает другая, – так в тебя, пожалуй, ни один прохожий добрый молодец не влюбится!

– Ты не об Иване ли думаешь? – говорит третья. – Брось! Мало ли у тебя здесь дружков-то до него было? Найдётся ещё какой-нибудь мужичёнка, который, может быть, и приголубит тебя на старости лет!

Чёрной змеёй вползло в душу Марины сомнение от этих насмешек: «А что, если и впрямь Иван не вернётся назад?» – думала она, и скорбные складки залегли у неё между бровями. Потускнели от этих дум её очи лазоревые, поблели щеки румяные.

Сжали рожь, нет Ивана; начали листья желтеть, – не идёт ненаглядный... Хоть бы весточку прислал!

Не вытерпело, наконец, сердце Марины: в тёмную ночь сентябрьскую бросилась она в озеро холодное и, как ключ, пошла ко дну. Вот-то обрадовались злые бабы синбирские!

– Так ей, поганке, и нужно! Туда ей дорога, бесстыднице! – говорили они. – С чего ж это, однако, на неё нашло? Неужто с того, что Иван Курчавый её бросил? Эка невидаль! Не он первый, не он последний из тех, что девок-то бросают! По себе, небось, знаем!

Только ошиблись злые бабы синбирские: не бросил Иван Марину, вернулся, – да уж поздно было. С богатой добычей воротился он с поля бранного, чтобы одеть свою красу ненаглядную в парчу да бархат, а как узнал о смерти Марины, бросился на землю и всю зиму пролежал в горячке мучительной.

А весной, когда поправился, каждый вечер выходил он на озеро, выплывал на лодке на середину его и играл на гусях песни печальные. Плакали струны, а вместе с ними плакал и Иван...

Одна баба уверяла, что своими глазыньками видела однажды, как заиграл Иван на гусях, а Марина выплыла из воды и села на край лодки: он-де играет, а она его обнимает и в воду манит. Немного спустя, одной весенней ночью задумчивой, пропал Иван, – словно в воду канул, только шапку да гусли его нашли на берегу озера – могилы Мариной. Не иначе, как Маришка сманила его к себе в озеро, решили бабы синбирские и прозвали они озеро именем Марины.

***

Теперь уже нет в Симбирске того озера. Не так давно пересохло оно до дна, и на его месте образовалась пустопорожня площадь. Но и площадь эта пошла у симбирян под именем никому теперь неведомой вдовы-красавицы. Так она и до сих пор зовётся...

Михаил ХЕРАСКОВ (1733–1807)

5 ноября. 290 лет назад родился поэт и прозаик Михаил Матвеевич Херасков (05.11.1733, г. Переяславль, ныне Переяслав-Хмельницкий Киевской обл. Украины – 09.10.1807, г. Москва).

В 1763–1802 годах был директором, затем куратором Московского университета. Издавал журналы «Полезное увеселение» и «Свободные часы». В 1767-м в свите Екатерины II совершил плавание по Волге. 5-8 июня находился в Симбирске, в пути участвовал в переводе сочинения Ж.-Ф. Мармонтеля «Велисарий», ряда статей французской энциклопедии. Автор трагедии «Венецианская монахиня» (1758), философско-нравоучительного романа «Нума Помпилий, или Процветающий Рим» (1768), эпической поэмы «Россияда» (1779) и др.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

О моя любезна Муза,
 Всех забав моих источник!
 Я твою к себе холодность
 Уже начал примечати.
 Мнится, белыми крылами,
 Муза, Муза, ты махаешь
 И со взором отвращённым
 От меня ты улетаешь.
 Кажется, моя и лира
 Перьями уже покрылась,
 Как молодой орёл за старым,
 За тобою устремилась.
 Не оставь меня, о Муза!
 Если ты меня покинешь,
 Вечну скуку мне оставишь.
 Ты моя утеха в скуке,
 Ты в печали мне отрада,
 Суеты мирские гонишь
 От моих смущённых мыслей.
 Век мой только расцветает:
 Кто любителей так скоро,
 Кто, о Муза! покидает?
 В старости Анакреона,
 Муза! ты не покидала,

И власы его седые
 Ты венками украшала, –
 Может быть, своею страстью
 И своим приятным слогом
 И тебе он был приятен.
 Подожди, любезна Муза!
 Как моя нестройна лира
 С веком дней моих созреет,
 И тогда твоя холодность
 Оскорбить меня успеет.
 Если пел я не согласно,
 О любви писал не страстно,
 Добродетель пел не стройно,
 Уличал пороки мало,
 Время есть ещё исправить
 И стихи мои, и сердце.
 Семена сажат весною;
 Как покроюсь сединою,
 Нужды мне в тебе не будет;
 Ни свирелью, ни трубою
 Действовать уже не стану;
 И совсем когда устану,
 Полечу тогда спокойно
 В тёмну вечность за тобою.

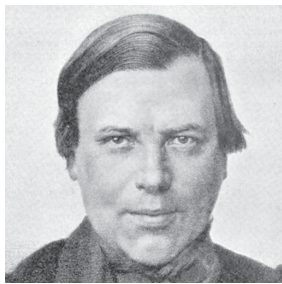
1762

Евгений ПЕТРОВ-СКИТАЛЕЦ (1903–1965)

5 ноября. 120 лет назад родился кинорежиссёр, сценарист, публицист Евгений Степанович Петров-Скиталец (05.11.1903, г. Нижний Новгород – 1965, США). Сын писателя С.Г. Петрова-Скитальца. В 1918–1921 годах актёр и режиссёр любительской драматической студии в Симбирске, окончил здесь пролетарскую школу имени К. Маркса (1922). Работал режиссёром на киностудиях Москвы. Во время войны попал в плен; жил во Франции и США.

Опубликовал в «Новом журнале» очерк «Об отце» (1961, №63). Автор публицистических книг «Кронштадтский тезис для свободного русского правительства» (1964), «Национальная проблема СССР: взаимосвязи и освобождение» (1965, издана в городе Оттава, Канада) и др.

Павел МЕЛЬНИКОВ (1818–1883)

6 ноября. 205 лет со дня рождения писателя, этнографа, публициста Павла Ивановича Мельникова, псевдоним – Андрей Мельников-Печерский (Об. 11.1818, г. Нижний Новгород – 13.02.1883, там же). Окончил Казанский университет (1837). В 1852 году по поручению Русского географического общества обследовал мордовское население Нижегородской, Казанской, Пензенской, Симбирской, Самарской и Тамбовской губерний. Написал «Очерки мордвы» (опубликованы в 1876 году в журнале «Русский вестник»). Автор рассказов и повестей «Красильниковы» (1852), «Медвежий угол» (1857), «Именинный пирог» (1858), «Бабушкины рассказы» (1859), романов «В лесах» (1874), «На горах» (1881) и др.

ОЧЕРКИ МОРДВЫ (отрывок из сочинения)

Мордва разделяется на несколько племён. Главное из них эрзя или эрдзяды, живущие в Арзамасском, Ардатовском, Лукояновском, Сергачском и Княгининском уездах Нижегородской губернии (в ней только две деревни Лукояновского уезда населены мокшанами); в губерниях Пензенской, Симбирской и Саратовской эрдзяды живут смешанно с племенем мокша, а в Казанской губернии среди них, впрочем, особняком, живёт мордовское племя каратаи. Небольшое племя терюхан, самое северное из мордовских, жившее прежде по берегам Волги и Оки, осталось теперь (1867 год) лишь в сорока селениях Нижегородского уезда, всего в количестве тринадцати тысяч душ обоего пола. Это племя было очень близко к эрдзядам, теперь же оно почти совершенно обрусело. Некоторые считают терюхан эрдзядами, но, судя по остаткам их языка, судя по их обычаю и религиозному культу, их нельзя не признать особым племенем. Племя мокшан, численностью немного уступающее эрдзядам, обитает в северной части Тамбовской губернии, в западной половине Пензенской, в двух селениях Нижегородской, а также в Симбирской и Саратовской губерниях, смешанно с эрдзядами.

Полагают, что племя мокшан в VIII или IX столетии было известно арабским писателям под именем «буртасов». Эти писатели говорят, что на правом берегу Волги северными соседями прикаспийских хазаров, в двадцати днях езды от столицы их Итиля (около Астрахани), жили буртасы, земля которых простиралась в длину на северо-запад также на двадцать дней езды и граничила с владениями болгарскими. По этому расчислению оказывается, что земля буртасов начиналась приблизительно от нынешних границ Саратовской губернии с Астраханскою и достигала к северу до нынешнего Симбирска, а на запад почти до Оки. Так как теперь в этих местах живут мордва-мокшане, то ориенталисты наши и признают в них потомков буртасов, тем более, что восточные писатели, упоминая о племени эрзя и даже о небольшом племени каратаев, совершенно умалчивают о многочисленном племени мордвы-мокшан. Мокшане разделяются на две группы: одни называются высокими мокшанами, другие простыми, и различаются между собой в языке.

Наконец, четвёртое мордовское племя каратаи, весьма незначительное по числу, обитает в Тетюшском уезде Казанской губернии, против Камского

устья. В Самарской и Астраханской губерниях живут поселившиеся здесь, как сказано выше, в XVII и XVIII уже столетиях эрдзяды и, кроме того, терюхане (совершенно потерявшие здесь свои племенные особенности и слившиеся вполне с эрдзядами).

В эпоху призвания Рюрика некоторые народы чудского племени были уже подвластны славянам и в первые же времена существования русского государства совсем обрусели. Таковы: весь, жившая на Белоозере, среди которой, по сказанию Нестора, водворился один из братьев Рюрика, меря, жившая на озёрах Мерском (Галичском), Неро (Ростовском) и Клещине (Переславском), мурома, жившая по Оке. В главные города последних двух племён, в Ростов и Муром, Рюрик, как видно из летописи, послал «мужей» своих и обладал землями их точно так же, как Новгородом и другими славянскими городами. Сыновья Владимира, святые Борис и Глеб уже княжили в чудских городах, Ростове и Муроме. Затем названия веси, муромы и мери боле не появляются на страницах русской летописи; ко времени нашествия монголов, конечно, все они уже совершенно обрусели, но мордва оставалась ещё самобытною и независимою, ибо находилась вне славянского влияния. Только перед самым нашествием монголов летописи начинают упоминать о мордве и рассказывать о столкновениях с нею русских князей; до тех же пор только один раз, именно под 1103 годом, об этом народе упоминает летописец: «бися Ярослав (сын Святослава Черниговского) с мордвою, – говорит он, – месяца марта в 4 день, и побеждён бысть Ярослав».

Во время войн Андрея Боголюбского с болгарями, мордва, жившая тогда у устья Оки и далее по берегам Волги, без сомнения, подвергалась нападениям русских дружин. Так, под 1173 годом летописец говорит: «Послал князь Андрей сына Мстислава на болгары, а Муромский князь сына послал, а Рязанский князь сына послал, и бысть не люб путь теи всим людем сим, зане непогодье есть зиме воевати болгары, идучи не идяху. И бывшу же на Городьце князю и совокупися с братома своима, с Муромским и с Рязанским на устье Оки, и ждаша дружине своей две недели и не дождавша, поехала с передними с дружиною...». Из летописного рассказа трудно заключить, где и какие сёла и какой город разорил воевода, но ясно, что князь Мстислав Андреевич всё время стоял на устье Оки, следовательно на земле мордовской...

Михаил СОЛОМЕНЦЕВ (1913–2008)

7 ноября. 110 лет назад родился государственный и партийный деятель, публицист Михаил Сергеевич Соломенцев (07.11.1913, с. Ериловка, ныне Елецкого р-на Липецкой обл. – 15.02.2008, г. Москва). Председатель Совета Министров РСФСР (1971–1983), председатель Комитета партийного контроля при ЦК КПСС (1983–1988). Приезжал в Ульяновск с визитом 22 мая 1973 года; в июне 1983-го находился здесь в составе правительственной комиссии по расследованию крушения теплохода «Александр Суворов», врезавшегося в мост через Волгу. Автор книги воспоминаний и публицистики «Российская Федерация» (1978), «Верю в Россию» (2003), «Зачистка в Политбюро. Как Горбачёв убирал «врагов перестройки» (2011).

ЗАЧИСТКА В ПОЛИТБЮРО (отрывок из воспоминаний)

После решения Политбюро об уходе Д.А. Кунаева на пенсию состоялся Пленум ЦК КПК, избравший 16 декабря 1986 года первым секретарём Г.В. Колбина. Он не пользовался поддержкой в республике, и к тому же нарушалось установленное ещё при Сталине правило, когда первым секретарём нацкомпартии избирали представителя соответствующего народа.

Назначение Г.В. Колбина вызвало массовые волнения в Алма-Ате. Их можно было бы предотвратить, если бы Кунаеву дали возможность выступить перед народом. Для решения этого вопроса Д.А. Кунаев прибыл в ЦК КПК около 11 часов утра 17 декабря. Он просидел в приёмной первого секретаря два часа, а около 13 часов Колбин заявил ему, что он свободен и может отдыхать, с ситуацией справятся без него.

Вскоре волнения охватили весь город. Толпы народа собрались у телецентра. К охранникам подошли люди с арматурными прутами в руках и потребовали, чтобы те (а это все были русские) встали перед ними на колени. Возникла драка, и одного охранника убили. Молодой парень, 28 лет, жена и двое детей остались. Ещё несколько человек были убиты. Разорили много магазинов, учреждений. Отняли грузовые автомобили и с флагами разъезжали по всей Алма-Ате.

Мне позвонил Горбачёв и попросил вылететь в Алма-Ату во главе комиссии по расследованию этих чрезвычайных происшествий. Когда мы прилетели, экстремисты готовились к решающему выступлению. Председатель КГБ доложил, что во всех дворах вооружаются, подгоняют откуда-то машины.

Приняли решение срочно заблокировать выходы из дворов и прордержали их там до середины дня.

На 12 часов назначили республиканский партийно-хозяйственный актив. Зал на две с половиной тысячи мест был полон, даже в проходах сидели. Я выступил, дал оценку событиям. Сказал, что из любого положения нужно искать мирный выход. Решили, что все присутствующие будут нести полную личную ответственность за свои области, районы, предприятия и организации.

Назарбаев попросил собрать Совет Министров, и договорились, что я приду на это заседание. Совет Министров прошёл в целом спокойно. Местные руководители валили всё на молодёжь. Я не согласился. Говорю: «Давайте поедем сейчас на рынок и спросим, кто всё это затеял. Люди знают».

Огромнейший богатейший базар, и всё забито народом.

– Михаил Сергеевич, здравствуйте! – кричат.

– Откуда вы меня знаете? – спрашиваю.

– Вы же у нас работали и в Алма-Ате, и в Караганде.

– Что же вы тут молодёжь так распустили, что они взбунтовались? – спрашиваю.

– Михаил Сергеевич, не верьте. Пусть на молодёжь не сваливают. Это всё начальство затеяло. Они там кресла никак поделить не могут.

Так мы прошли через весь базар, а за мной целая толпа. Работники КГБ не знали, что делать. Я их успокоил. Никто меня убивать не будет.

Зашёл в большой магазин, толпа за мной. Выйти было трудно. С крыльца магазина стал говорить с людьми. Сказал, что я здесь пять лет проработал – и в Алма-Ате, и в Караганде. Отношения между казахами и русскими всегда были прекрасные.

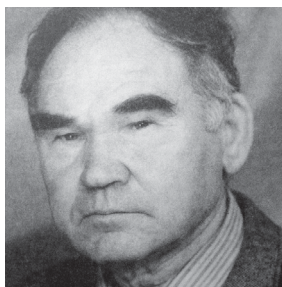
– Очень прошу вас, – сказал я, – не принимайте участия в беспорядках и не давайте этого делать своим родным, друзьям и знакомым.

Затем были встречи в Академии наук, в университете, в институтах. Постоянно связывался с Москвой, с Горбачёвым. Он просил меня побывать в Казахстане, пока обстановка не наладится. Спрашивал, в чём причина. Я отвечал: «Это национализм. Колбина нужно убирать».

Через некоторое время позвонил Назарбаев, уже в Москву, и сказал, что прочитал мою записку о событиях в Алма-Ате и не согласен с тем, что главной причиной является национализм.

– Жаль, что вы не пошли со мной на алма-атинский рынок, – ответил я ему. – Там было огромное количество простых людей, которые хором говорили, что весь этот бунт был затеян начальством из-за того, что первым секретарём избрали русского...

Пётр МЕЛЬНИКОВ (1928–2012)

8 ноября. 95 лет со дня рождения прозаика и поэта Петра Трофимовича Мельникова (08.11.1928, с. Сосновка Чердаклинского р-на, ныне Ульяновской обл. – 11.08.2012, г. Ульяновск). Работал бригадиром плотников в автохозяйствах Ульяновска. Автор книг стихов и прозы «Горькая трава свергузик» (1995), «Песня зелёного луга» (2001), «Столбунцы» (2001), «На дальней кошаре» (2002), «Таёжные просеки» (2003), «Перевалы судьбы» (2010), «Лазоревый цветок» (2010), «Иван и Надя» (2011), «Даль обещала счастье мне...» (2018). В 2008 году издано собрание сочинений в 2 томах: «Даль» (поэзия) и «Столбунцы» (повести и рассказы). Был другом поэта Н.Н. Благова. Имя П.Т. Мельникова присвоено библиотеке посёлка Мирный Чердаклинского района Ульяновской области (2017).

РОССИЯНКА

Милая избранница природы,
Ясная берёза на ветру,
Как дитя раздолья и свободы,
Машет мне ветвями поутру.

У тебя судьба в российской славе
И неповторимая краса:
Вся зимой – в серебряной оправе,
А весной – зелёная коса.

Может быть, хранясь от печенег,
С давних, незапамятных веков
Растворилась с чистотою снега,
Белых лебедей и облаков.

Оттого донине первозданный
Образ твой свет белый излучал!
Ты спасла мне жизнь в степи буранной,
Где тебя случайно повстречал.

***

Расстались мы с грустью и болью,
Забыв расспросить адреса.
А мне наглядеться бы вволю
В глаза твои, как в небеса.

Я знаю, что будет в расцвете
В апреле твоя красота.
Серёжками верба осветит
Знакомые сердцу места.

В наряде летучего ситца,
Какого на модницах нет,
Пройдёшь ты. В туман превратится
По снегу положенный след.

Капель упадёт на ладони,
И будет на взлёте дорог
Стоять пред тобою в поклоне
Посаженный ветром цветок.

ПРИЗНАНИЕ

Завет отцов не позабудем.
Для нас история – не миф.
Земля добрее стала к людям,
Обиды прошлые забыв.

И Волга в синие просветы
Между берёзовых стволов
Несёт нам запах всей планеты
И откликается на зов.

Нет лучше места для раздумий,
Разлив реки и неба высь,
Мы так устали от безумий,
Что в нас все страсти улеглись.

Здесь камень, пористый, как губка,
Хранил для нас мильоны лет
И оттиск раковины хрупкой,
И самого моллюска след.

В стакан с водой на стол любимым
Срывая ландыши в лесу,
Мы узнаём чутьём глубинным
Счастливой жизни полосу.

Кузьма ГОРБУНОВ (1903–1986)

10 ноября. 120 лет назад родился прозаик Кузьма Яковлевич Горбунов (10.11.1903, с. Панышино, ныне Радищевского р-на Ульяновской обл. – 22.03.1986, г. Москва). Работал в Ульяновске в газетах «Пролетарский путь» и «Красная жатва»; состоял здесь в литературной группе «Стрежень», написал роман «Ледолом». Трудился в газетах Самары и Сызрани. С 1931 года жил в Москве. Был членом оргкомитета I съезда Союза писателей СССР, член Союза писателей СССР (1934). Автор повестей «Чайная «Уют» (1930), «Жалость» (1932), «Подвиг» (1936), «Семья» (1939), рассказов и очерков о подвигах народа на фронте и в тылу «Когда люди не умирают», «Конец «Акулы», «Правила борьбы», «Седьмая рота» и др.

ЛЕДОЛОМ (отрывок из романа)

На рассвете подул густой низовой ветер. К обеде разыгралась крутая непогода. Небо над Волгой – смутное, чадное; солнце затянуто дымкой. По отлогому берегу острыми грядами вихрится колючий, как соль, песок. На стрежне в мыле и пене пляшут косматые валы. Порывисто хлопает угол парусиновой палатки.

В шторм только и дело, что спать. На обрывах старых сетей лениво дремлет лопухий, белый, с жёлтыми пятнами на спине пёс Редедя. Впросонках он иногда подвывает ветру да отрывисто лязгает зубами на неугомонных блох.

Бакенщик Яшка спал весь день, до одури. И только перед вечером, когда ветер начал чуть спадать, он на карачках выполз из палатки. На его опухшем чёрном цыганском лице – тоска и смятение; густые жёсткие волосы слиплись и висят сосульками. Он из-под руки долго смотрит на мутную, затуманенную Волгу. Там, в самой гуще валов, отчаянно мечется, прыгает, ныряет одинокая красная шляпа плавучего бакена, прикованная канатом к глубокому речному дну.

Яшка горестно всплёскивает руками:

– Опять вечерет! Ехать зажигать надо. Гаси да зажигай бакен, пески, ветер да небеса! Боже ж ты мой, какое скушное мне задалось житьё! Отцу хорошо говорить: «Поезжай, садись на бакен, – жалованье с кукиш, зато профсоюзным будешь». На кой мне этот союз? Ты там дома прохлаждаешься, а я – в союзе, да на диком острове, на песках. Сам здесь посиди!..

Тупым носком кожаной рыбацкой бахилы он толкнул Редедю в бок и слезливо воскликнул:

– Спишь! Чёрт! Хозяину скушно, а ты спишь! Боже ж ты мой, какая у меня беспонятливая собака!

Вразвалку Яшка идёт к груди запорошенных песком брёвен, считает их, наверное, тысячный раз за лето:

– Раз, два, три, четыре... Пятнадцать штук. На сруб хватит. Ежели вздумаю жениться, можно у отца делёжку просить...

Яшка откидывает с глаз чёрные волосы, лени-

вым взглядом опять бродит по Волге, с завистью смотрит на тот берег, на маленькую, еле видимую землянку, в которой живут дед Назар с внучкой Анкой – они тоже служат бакенщиками.

– Вот людям житьё задалось, – бормочет Яшка. – Село близко. Хотя и чужое, а всё-таки село. Опять же двое, не скучно, есть с кем словом перемолвиться... Эх, кабы Анка подороже была, и нам с тобой, Редедя, веселее бы жилось. Да нет же, жёсткая она девка, неприветливая. Железо девка!.. Тоска!..

Яшка и Редедя широко зевают, один – жмурясь и сладко скуля; другой – с хрустом выворачивая скулы, скаля белые крупные зубы.

– Поеду, видно, зажигать. Ночевать, Редедя, на той стороне останусь: может, ночью с Анкой потолкуем, может, она добрее будет.

– Яшка направляется к лодке. Редедя покорно бредёт за ним.

– Пошёл, пошёл! Куда лезешь?

Отряхивая вымоченные лапы, с поджатым виновато хвостом Редедя неохотно возвращается к палатке.

Над лодкой крылом взмыл белый парус, ветер туго лёг в полотнище. С шипением лодка зарылась глубоко носом в пену. Качнулся, отпрянул, побежал назад песчаный берег...

Анка, босиком, придерживая на голове белую косынку, стоит на обрыве каменистого берега. Чуть откинувшись назад, она из-под руки всматривается в лодку, наискось пересекающую широкую Волгу. Утлая скорлупка то сгинет в бугристых волнах – только парус останется белеть, то взлетит на гребень, словно невиданная однокрылая птица. У Анки невольно замирает сердце, хоть и сама не сробеет мчаться под парусом в любую непогоду. Она тревожно шепчет:

– Вот бесшабашный! Вот отчаянный! Не мог другое время выбрать...

Ветер всё ещё крепок. Он налетает порывами, рвёт с головы у девушки платок, веет белокурыми её волосами, раздувает платье синего сатина, сшитое по-городскому, стянутое в талии...

Искандер ФАХУТДИНОВ (1968–2018)

11 ноября. 55 лет со дня рождения поэта Искандера Фяртдиновича Фасхутдинова (11.11.1968, с. Уразгильдино Чердаклинского р-на Ульяновской обл. – 04.10.2018, с. Татарский Калмаюр Чердаклинского р-на). Окончил УлГПУ имени И.Н. Ульянова (2000). Работал учителем, замдиректора в школе села Татарский Калмаюр, директором Мирновской школы Чердаклинского района. Был председателем районного клуба учителей «Призвание», призёром областного конкурса «Учитель года» (2010). Один из авторов «Баллады о родном крае», написанной ко дню рождения Н.М. Карамзина (2012). Стихи публиковались в журнале «Симбирскъ» (2013), в антологии «Ульяновская словесность: начало XXI века» (2014).

БАБЬЕ ЛЕТО

Бабье лето, бабье лето –
Серебристый чистый звон.
В арку алого рассвета
Лентою туман вплетён.

Духом яблочным дурманят
Постаревшие сады.
У берёз на сарафанах
Золотых монист ряды.

Над простором свежих пашен,
Покрывающих поля,
Перевёрнутая чаша
Голубого хрусталя.

Загрустил бы – не грустится, –
Оттого, что, друг ты мой,
Унесут на крыльях птицы
Нашу молодость с тобой.

***

Величаво, чуть печально
С облаков пролился свет.
Отблеском свечей венчальных
Тают блики на листве.

На заре гореть берёзам,
Как когда-то Купине.
Будут росы, словно слёзы,
С листьев капать в тишине.

И надеждой отзовется
Вдруг в душе моей печаль:
Эта осень в храме Солнца
Нас могла бы обвенчать.

Но дубы здесь в грубых ризах –
Им сегодня довелось
Править в храме Солнца тризну
По тому, что не сбылось.

Храм напрасно был украшен –
Память всё вернула снам.
И лежит фатой упавшей
Возле ног моих туман...

ТЕНЬ БЕЛОЙ ПТИЦЫ

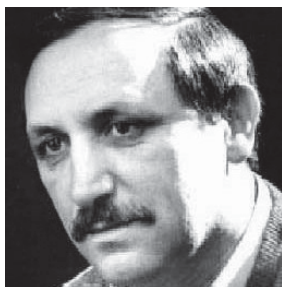
Все звёзды мира на твоих ресницах,
В твоей ладони – меры бытия...
И если б ты могла быть белой птицей,
Твоей земною тенью плыл бы я.

Где сходятся пространства с временами,
Где слов не знают «был» или «была»,
Там с тихим вздохом лёгкими губами
Дотронусь тенью белого крыла..

Чуть прикоснусь без грусти, без смятенья
Пред тем, как раствориться в серой мгле...
Не так уж плохо быть твоею тенью –
Тенью белой птицы на земле...

Валерий ХАТЮШИН (р. 1948)

13 ноября. 75-летний юбилей отмечает поэт, прозаик, литературный критик Валерий Васильевич Хатыушин (р. 13.11.1948, г. Ногинск Московской обл.). Член Союза писателей СССР (1986). С 1990 года работает в журнале «Молодая гвардия», ныне – главный редактор. Секретарь Союза писателей России. Автор поэтических сборников «Вечерний свет» (1989), «Год Польшы» (1990), «Разлука» (2000), «Иною дорогой» (2008); книг прозы «Кровная связь» (1990), «Русская кровь» (1992), «Поле битвы» (2001), «Не изменяй себе» (2008) и др. Приезжал в Ульяновск 15–16 июня 2019 года, выступил во Дворце книги на I Всероссийском фестивале литературных журналов «Волжская пристань». Живёт в Москве.

АНГЕЛ

Железная птица – огонь и металл,
по небу ночному я в ней пролетал.
Мотор надрывался, и воздух свистел,
я видел, как ангел навстречу летел.
Тот ангел-хранитель был бронзовокрыл.
Откуда он взялся, куда он спешил?
Кого он услышал в полуночной мгле
на этой опальной и грешной земле?..

***

Я шагаю устало
от Москвы на восток...
Что-то птица сказала –
я расслышать не смог.

Сколько хватит мне силы,
столько буду шагать.
Голос неба России
я хочу разгадать.

Всюду прежние лица,
всюду голос родной.
Но о чём эта птица
говорила со мной?..

***

...Не погубить себя во зле,
и не убить, и не украсть,
пройти свободно по земле –
и чтоб ни разу не упасть.

Чтоб, не споткнувшись, пронести
такое чудо, как любовь,
когда на всём твоём пути
цветы и кровь, цветы и кровь...

***

Девушка. Птица. Россия...
Песня грустна и светла.
Что мне иная стихия? –
Ночь без любви и тепла.

Вёрсты дорог отмеряя,
шёл я, дрожал на ветру.
Нету без Родины рая,
здесь я рождён и умру.

Небом ли душу омою,
в глине бесследно ль сгнию –
только бы небо – родное,
только бы землю – мою.

***

Тая обиды про запас,
бывает, связи рвём с друзьями,
но жизнь всегда сближает нас
с людьми, которых стоим сами.
Мы лжи боимся, как чумы.
Но для других честны всегда ли?
Когда-то, может быть, и мы
чужих надежд не оправдали.
Во зле никто не обвинит,
но ожидания напрасны,
что случай вдруг соединит
с людьми, которые прекрасны.
Мы перед совестью своей
за всё ль останемся спокойны?
А жизнь приблизит к нам друзей,
которых будем мы достойны.

Аврамий НОВОПОЛЬЦЕВ (1828–1886)

15 ноября. 195 лет назад родился русский сказочник Авраамий Кузьмич Новопольцев (15.11.1828, с. Ясашиное Помряскино, ныне Старомайнского р-на Ульяновской обл. – 06.09.1886, там же). Жил бедно; каждое лето подражался пасти стадо в ближних и дальних сёлах. В 1870-х годах в усадьбе помещика Лазарева в селе Новиковка 72 текста сказок, новелл, преданий и легенд записал от него Д.Н. Садовников; все они изданы в книге «Сказки и предания Самарского края» (1884, переиздана в 2003 г., С.-Петербург). С 2003 года в Старомайском районе проводится фольклорный фестиваль имени А.К. Новопольцева; его имя присвоено Старомайскому межпоселенческому культурно-досуговому центру (2014).

СКАЗКА ПРО КОТА БЕССМЕРТНОГО И МАРЬЮ ЕРИДЬЕВНУ

(отрывок)

В некотором было царстве, в некотором государстве жил-был царь, и у него был один сын разьединый – Иван-царевич. И возрос он в совершенные годы и вздумал жениться. Таковых королевен за него не находилось. И были у него прислуги, генералы, генеральские отличные девушки, няньки и мамки всякие были и ходили за ним, по зелёным садам разгуливались с ним, и так было им охота за него замуж которой-нибудь да выйти. Ну, как эти девушки ему не нравились.

За тридевять земель, в десятом в дальнем царстве, была царская дочь, Марья Еридьевна, и так была она от лица отличная красавица, что ни вздумать ни взгадать. Иван-царевич посылает к ней письмо и просит за себя в замужество. Она от него письмо принимала и обратно ему высылала, замуж за него была идти согласна; только что очень далеке. Пишет обратное письмо и прописывает в письме, чтобы ждал меня Иван-царевич, я приеду за него в замужество и со всеми няньками, с сенными девушками вот в такой-то день и в таком-то часу, чтоб он не спал и при край моря на бережке бы стоял. Иван же царевич письмо её принимал и сам себе прочитал; ни день ни ночь не спал – на бережке стоял, Марью Еридьевну ждал. Все эти часы, дни и минуты проходят, на него тоска находит; голова у него кружится, и сон лезет в глаза.

Входит он в зелёный сад, где его сенные девушки гуляли, и заставил одну сенную девушку в головушке поискать. Стала она искать, воткнула к нему булабочку, и словно он уснул, как умер. Как уснул и Марья Еридьевна является в тот час. Стали его будить, стали тыкать – он как мёртвый спит; а его сена девушка сон на него напустила, чтобы он её замуж взял, а Марью Еридьевну бы оставил. Вот Марья Еридьевна в музыки играла и своих девушек плясать заставила; Ивана-царевича за ноги и за руки брали, будили, торыкали и вверх его кидали. И как мёртвый! Она села на пароход и была да нет! Отколь приехала и назад туда поехала. Вот же эта сена девушка булабочку из головушки вынимала, ото сна Ивана-царевича разбуджала.

Спрашивает он её:

– А что, не была ли Марья Еридьевна?

– Вот пароход-то бежит. Была да назад уехала и

больно на тебя серчала. А только будто ты её обманул.

Он на это не взирал, сам вдоль по бережку побежал; увидел её пароход, гаркнул громким голосом. Она только махнула рукой:

– А здорово, да и прощай.

Села да и поехала. Поклонилась только, да и квит дело. Обращается Иван-царевич домой плакать и думать, и так горюет, в тоску-печаль вдался. И думает, как бы к ней, в её царство идти, как бы её там найти. Ну найти её очень мудрено: она далече, в нерусской земле. Вот пошёл же Иван-царевич к кузнецам мастерам:

– Сделайте мне, господа-кузнецы, трое сапог железных и три шляпы железных, да ещё сделайте три просвирки железных.

Вот Ивану-царевичу кузнецы всё это исправили; приходит Иван-царевич к отцу с матерью во дворец, на высокий крылец:

– Батюшка с матушкой! Благословите меня!

Они спрашивают его:

– А куда же ты вздумал, глупое дитя?

– Да пойду, батюшка и матушка, Марью Еридьевну искать.

– Ну, Бог тебя благословит!

Он Богу помолился, с отцом, с матерью распростился, железные сапоги обул, а двое за плечи привязал и шляпу железную надел, а прочее в сумку клал. И пошёл добрый молодец. Шёл путём дорогой, долго ли, мало ли, долго ли, коротко ли шёл, сапоги железные изнасил, и подонок изломал, и просвиручку съел. Другие надел, ещё дальше пошёл. Дошёл до избёнки. Стоит избушка, на курьей голяшке повёртывается. Он сказал:

– Избушка, избушка! Встань ко мне передом, а к лесу задом!

Избушка встала. Он вошёл в неё – лежит Ягая баба, ноги из угла в угол; нос железный в потолок упёрся. Он вошёл, Богу помолился, Ягой бабе поклонился. Говорит ему Ягая баба:

– Что это у нас? Прежде русского духу слыхом не слыхано, видом не видано, а вот нынче русский дух в устах явится и в глаза мечется! Ба! Ба! Ба! Иван-царевич! Что ты от дела лытаешь или больше себе дело пытаешь?

– Эх, родима бабушка, я от дела не лытаю, дела больше себе пытаю...

Владимир ДВОРЯНСКОВ (1948–2016)

15 ноября. 75 лет со дня рождения поэта, прозаика Владимира Николаевича Дворянского (15.11.1948, д. Екатериновка Сенгилеевского р-на Ульяновской обл. – 04.10.2016, г. Ульяновск; похоронен в Екатериновке). Окончил УлГПИ имени И.Н. Ульянова. Работал в областных газетах, в детской библиотеке, в журнале «Мономах». Член Союза писателей СССР (1978). Автор книг «Осенние костры» (1976), «Свет июльских полей» (1982), «Поклонение родникам» (1993), «Время красных рябин» (1997), «Чистота и радость света» (2007), «Пари, душа, высоко» (2018) и др. Лауреат областной премии имени Ленинского комсомола (1982), премии «Шапка Мономаха» в номинации «За заслуги в области литературного творчества» (2009).

***

Посмотришь вдаль –
холмы, холмы, холмы,
Да облаков неровные изломы.
И рвы, водой небесною полны,
Что пролилась, когда гремели громы.

Окинешь взглядом даль из-под руки:
С холмами рядом, далеко и близко,
Как часовых надёжные штывы
Сверкают всюду грани обелисков.

Родная Русь, да сколько ж полегло
Твоих сынов, которых ты любила,
Чтоб вражье беспросветное крыло
На ясном небе зори не затмило.

...Повсюду обелиски и холмы,
Как далеко видать их на рассвете.
И понимаю сердцем, что лишь мы
Теперь за всё – за Родину – в ответе.

ПРОВОДЫ

Как много их разлук-то,
Прощаний каждый год.
У призывного пункта
Опять весь день народ.

Мальчишка чернобровый
Острижен наголо.
В глазах какой-то новый
Огонь, горит светло.

И мать всплакнула тихо,
Платок держа в руке,
Когда вдруг поезд лихо
Присвистнул вдалеке.

И скрылись за холмами
Его село и мать,
Но дым под небесами
Из труб ещё видать.

Что снова на закате
Припал к родным полям,
Что сладок и приятен
До смерти будет нам.

***

Святые материнские седины,
Они и днём сверкают, и в ночи,
Где поле и озябшие рябины,
Где бьют артезианские ключи.

Прости за них своих сынов и мужа,
Что не спасли от бед тебя и гроз.
Прости за то, что горевая стужа
Так отбелила смоль твоих волос.

...Раскаянье всегда приходит поздно,
И потому средь дождика опять
Живущих всех рябины просят слёзно
Беречь родную землю – нашу мать.

Ведь в ясный полдень
с вьющейся тропинки
Над полем перепаханным, вдали
Виднеются не просто паутинки,
А седина пробилась у земли.

***

В такую рань у Волги ни души,
Никто сейчас не спустится по тропам.
Лишь вдалеке, где водятся ерши,
Сидит рыбак на камне крутолобом.
Повсюду гладь – ни ряби, ни морщин.
И в этот час безветренный, уютный
От куш прибрежных клёнов и лещин
Вода в заливе стала изумрудной.
Во всём покой: в молчанье камыша,
В паренье птиц в дали необозримой.
И только лишь тревожится душа
За этот мир.
И хрупкий, и ранимый.

Сергей СУМИН (р. 1973)

16 ноября. 50-летний юбилей отмечает поэт и прозаик Сергей Александрович Сумин (р. 16.11.1973, г. Тольятти). Окончил Тольяттинский педагогический институт (1995). Работал здесь учителем в школе, преподавателем в университете, куратором клуба «Орфей», журналистом. С 2011 года главный редактор альманаха литературы Поволжья «Графит». Публиковался в антологиях «Нестолничная литература», журнале «Волга», сборниках «Легко быть искренним» и «Самарский верлибр». Автор книг стихов и прозы «Слова и мёд» (2012), «Кольцо» (2019), «Письмена листвы» (2020) и др. Приезжал в Ульяновск 26 августа 2017 года для участия в поэтическом фестивале «Литературный перформанс» на бульваре Новый Венец.

***

о светлый час безлиственной тоски
так где твои цветы и лепестки?
я говорил, что от тебя устал
но отчего ты золотом мне стал?
палёным шумом перекормлен слух
я говорить хочу за всех старух
за листья, за траву, за горизонт
и в дождь гулять, не раскрывая зонт
влеки меня к просветам сентября
пусть речь моя бормочется не зря
я свет поймаю, в ковшик зачерпну
и понесу в беззлобную страну
высокий бог безлиственной тоски
открой мне тайны, оборви листки
я говорил когда-то, что устал
но в этот миг ты золотом мне стал

***

день убегающий по городу
от пистолета иль ружья
нацеленного югом смолodu
в границах нового огня
соль выделяемая веером
и воздух вывернут насквозь
как сладкой мятой или клевером
развеян ангельский авось
но страсть зовущая надеяться
трещит как нитки в рукавах
а иногда к просветам клеится
и остывает в двух шагах

***

смотреть на утренний пейзаж
потом забыться ненароком
и постепенно выйдет боком
свободы вяжущая блажь
открытый мир и на краю
резвятся ангельские тени
они ревнивы в самом деле
я неохотно говорю
молчать же проще и верней
«Дао дэ цзин» не пролистаешь
где тело, где душа – не знаешь
и солнце греет все нежней
читаю книгу и покой
вмещает и меня, и книгу
как будто суету отринув
уходим мы за строем строй

***

я знаю многое о свитках темноты
но думаю о том, что свет есть ты
и в миг заката, падающий сон,
я обернусь тобой, ведь я влюблён

когда я падаю в немеющий закат
то говорю тебе – ты свет иль брат?
а сон летит сквозь бледные огни
я знаю, что теперь мы с ним одни.

Насибулла ТУМАКОВ (1928–2008)

17 ноября. 95 лет со дня рождения журналиста, краеведа, писателя Насибуллы Хаснулловича Тумакова (17.11.1928, с. Аллагулово, ныне Мелекесского р-на Ульяновской обл. – ? 12.2008, пос. Ишеевка Ульяновской обл.). Работал печником, слесарем, мастером, снабженцем, заведовал клубом и нефтебазой. Жил в Ишеевке. Опубликовал более тысячи статей об истории края, героях войны и труда. Автор книг «Сквозь века и годы», «Ишеевка – наш общий дом», «Иштекс – 200 лет», «Сказки ишеевского леса», «Ишеевцы в боях за Родину. Патриоты» (2005), «Ишеевские рассказы», «Мозаика жизни», «Ишеевка – 380 лет», «Костры над Свягой», «Дорога, ведущая к высотам» (2007) и др. Член Союза журналистов России.

Латыф ЗАЛЯЙ (1893–1966)

17 ноября. 130 лет назад родился татарский языковед, педагог, литературный критик Латыф Залялетдинович Залялетдинов, псевдоним – Заляй (17.11.1893, с. Татарское Урайкино, ныне Старомайнского р-на Ульяновской обл. – 01.08.1966, г. Казань). В 1906–1911 годах учился в Мелекесском медресе; был учителем в школе родного села. Работал в Ташкенте, Самаре, Казани. Доктор филологических наук (1954). Автор трудов «К вопросу о происхождении татар Поволжья» (1946), «Основы татарской орфоэпии» (1952), «Средний диалект татарского языка» (1954); статей о творчестве Г. Тукая, Ф. Амирхана, Ш. Камала, М. Амира, С. Хакима, Н. Исанбета и др. Первым обосновал существование 3 диалектов татарского языка.

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТАТАР ПОВОЛЖЬЯ

(отрывки из сочинения)

Язык как «реальное сознание» способен сохранить в себе историю своих создателей, творцов, даже больше, чем письменные документы, датированные определёнными периодами. Но чтобы вскрыть по материалам языка подлинную историю того или другого народа, необходимо знать этот язык до мельчайших деталей...

Работа над историей как татарского народа, так и его языка началась уже давно: ими занимались довольно видные деятели русской и европейской тюркологии. Наследство, накопленное в течение нескольких столетий упорным трудом тюркологов, подготовило плодотворную почву для советской науки. Но мы, её представители, при всём уважении к нашим предшественникам, не вправе замалчивать их ошибки, воспринимать их опыт без надлежащей критики.

Главным недостатком досоветской тюркологии в изучении истории татарского языка было то, что тогда прошлое брали оторванно от настоящего. Это, разумеется, привело многих к выводу, что поволжские болгары как народ являются вымершими, а их язык – мёртвым. А это, в свою очередь, дало повод пантюркистам всех толков искать и «находить прародину» татар Поволжья где-то в Алтайских горах, у озера Иссык-куль и т. д.

Такой разрыв между прошлым и настоящим получился потому, что многие историки-тюркологи письменную культуру болгар ограничивали одними лишь надгробными надписями, оставляя в стороне богатое литературное наследство, начальный этап которого датируется примерно X–XI вв. Изучая историю языка татарского народа, мы должны быть свободны от той ограниченности, которой иногда страдали весьма ценные труды наших предшественников-тюркологов.

Историю развития и отдельные этапы жизни того или иного языка можно уяснить, изучая 4 источника: а) язык письменных памятников, б) язык фольклора, в) сохранившиеся особенности живых диалектов и говоров данного народа, г) факты взаимовлияния данного языка и других языков. В истории татарского языка все эти источники имеются, и надлежит их всемерно использовать. Но спешим оговориться, что письменные памятники по истории нашего народа, к сожалению, немногочисленны и до сих пор ещё мало изучены со стороны их языка...

Процесс концентрации татарского языка (иначе говоря, «отатаривание» всего этого конгломерата)

шёл вокруг болгаро-кипчакских элементов. Процесс этот начался, как мы уже сказали, со времен древних болгар. До XIV–XV вв. этот процесс шёл довольно интенсивно. С «Нехдж Фарадиси» (XIV в.) и «Кодекса Куманикуса» процесс «отатаривания» заметно усиливается за счёт того же болгаро-кипчакского элемента, с явным преобладанием последнего: например, активность йокания, монофтонгизация ай (качан) и т. д.

В языке поэтов XVIII–XIX вв. (например, у Маула Коляя, у Кандаляя) кипчакский элемент преобладает над казанско-татарским элементом. С момента же образования татарского национального литературного языка в качестве нормы общего литературного языка берётся средний диалект – язык казанских татар. С этого же времени начинается ограничение роли западного диалекта (являющегося в той или иной степени продолжением кипчакского языка) в формировании татарского литературного языка.

В становлении татарского языка начиная с древних времен принимали участие путём заимствования два типа языков: а) языки флективные, т. е. другой системы, б) языки одной системы, т. е. однородные. К первой группе относятся арабский, персидский, русский, а ко второй – все тюркские языки, так или иначе принимавшие участие в процессе формирования татарского языка: чувашский, башкирский, а через письменность, кроме того, – уйгурский, узбекский и др.

Мы не собираемся при этом отрицать иноязычных влияний на развитие татарского языка. Эти заимствования не только помогали развитию татарского языка в его лексико-грамматической части, но влияли и на его логический строй. Это мы видим в области калькирования, которое больше всего относится к заимствованиям из русского языка: например, өченче көн (из русского «третьего дня»), иртәдән арыга (русское «послезавтра»), кышлык («озимые») и пр. Калькирование из русского синтаксиса занимает важное место в синтаксическом строе татарского языка, тем более в живой разговорной речи.

Конечно, мы не настаиваем на том, чтобы современный татарский язык признали целиком и полностью продолжением болгарского языка. Татарский язык пережил в своей истории очень большие изменения, но несмотря на всё это? он является до известной степени продолжением болгарского языка...

Тихон ПЕДЭРКИ (1903–1976)

17 ноября. 120 лет назад родился чувашский прозаик и драматург Пётр Тихонович Петров, псевдоним – Тихон Педэрки (17.11.1903, с. Кошки-Новотимбаево, ныне Тетюшского р-на РТ – 26.03.1976, г. Казань). Окончил Ульяновский пединститут (1950). Преподавал в чувашском педагогическом техникуме в Ульяновске (1924–1926); работал учителем, заведующим районо, преподавателем педучилища в Сенгилеевском районе (1926–1950). Жил в Казани. Член Союза писателей СССР (1965). Автор повестей «Обновлённый корень» (1961), «Буря» (1967), «Железо надо ковать умеючи» (1969), «Мальчик из чувашского села» (1971), «Атлан» (1972); книг прозы «Мечта» (1941), «Молния среди ночи» (1964), «Кровавые дни» (1971) и др.

МАЛЬЧИК ИЗ ЧУВАШСКОГО СЕЛА (отрывок из повести)

Гавриил Мушкеев вынес из омшаника блюдо с мёдом. Сели пить чай. Запах душицы и сотового мёда всё резче чувствовался в утреннем воздухе.

Разговор шёл об урожае. Все радовались доброму умолоту. Удельный магазин завален хлебом. Не пусты и крестьянские сусеки.

– На этот раз с голоду не помрём, – сказал дед Григорий. – А ещё, слышать, вот-вот начнут делить удельные земли. Кончается удельня. Мужик сам будет хозяин своей земли.

– Слухи разные, – только и сказал в ответ Гавриил Мушкеев, – кому верить, поди разберись.

Подшло время прощаться. С минуты на минуту должен подъехать Баратынский на своём рессорном тарантасе.

– Давайте по русскому обычаю присядем, – сказал Гавриил Мушкеев. – Перед далёкой дорогой посидеть надо. Ведь на край света провожаем мальчика.

– Однако Симбирск не край света, – возразил дед Григорий. – Я в войну где только не был, а края света не видел. Пленные французы говорили, что и они не видели края света, хоть и приплыли из-за моря. А есть ли он, край-то света?

– А у нас свой учёный, – улыбнулся Гавриил Мушкеев. – Пусть он нам всё объяснит.

– Земля – круглая, как тыква, – наставительно сказал Иван. – Ни конца ни края у неё нет.

Мушкеев раскинул дробный хохоток. Айда шутник у него квартирант... Земля круглая... Да если бы она была круглой, тогда и без лошадей можно было бы куда угодно поехать. Ведь куда ни двинешь – всё под гору. Нет, земля – она как большая гороховая лепёшка.

Зазвенели бубенцы. К пасеке подъехал Баратынский. Был он в чёрной рясе, с большим крестом на груди. Всех по очереди благословив, обратился к деду Григорию.

– Как здоровье, севастопольский герой?

– Коптим потихоньку, – усмехнулся дед Григорий. – А как ваше здоровье, батюшка?

– С божьей помощью здоров. Однако живу в суете и хлопотах, – пожаловался Баратынский. – Вот и теперь в Симбирск надо ехать, ребят везти в межевую школу... Прощайся, Иван, да поехали... Время не ждёт... Благословляй внука, Григорий Пахомыч.

– Я его только что благословил.

Иван взял в руки котомку и зашагал следом за Баратынским. Вдруг неудержимые слёзы ручьём хлынули из его глаз. Весь сотрясаясь от плача, он метнулся назад к дедушке, обнял его и прижался щекой к домотканой рубахе.

– Хватит, Ваня, хватит, – дрожащими губами шептал дед, – иди, однако, ждёт тебя батюшка...

Звякнули бубенцы. Послышалось щёлканье кнута, мягкое постукивание колёс – и, постепенно стихая, погасло в утреннем тумане.

Всю дорогу Баратынский наставлял своего ученика. Симбирск – не Бурундуки. В большом городе легко растеряться. Да и соблазнов там великое множество. Надо уметь побеждать в себе эти соблазны. Город Симбирск – куда как большой, сам увидишь. Дома высокие каменные, и в два, и в три, и в четыре этажа, церкви одна лучше другой. Не забудь ходить в церковь. Господь любит терпеливых и старательных. И всякий раз, когда будешь молиться, молись и за царя-батюшку. Ведь это по его царской милости ты будешь учиться в межевой школе на государственный кошт. Вас у царя десять миллионов удельных крестьян. И все вы его рабы и верные слуги. Мала ли честь быть слугой самого царя русского! Всегда помни об этом.

В город приехали под вечер. Долго тянулась увитая плющом кладбищенская ограда. Потом пошли приземистые военные казармы...

***

Доживая остатки дней вдали от Симбирска, Иван Яковлев не переставал интересоваться своей школой, следил за всем, что связано с просвещением и культурой чувашского народа.

Но годы брали своё. Былая энергия воли и ума постепенно угасала. Старик одряхлел. Сначала он не мог произнести ни одного слова из греческого, потом из латинского. Забылись все современные иностранные языки, которыми когда-то он владел в совершенстве. Незадолго перед смертью он перестал говорить и по-русски. С внучатым племянником, присутствовавшим при его кончине, он говорил уже только по-чувашски.

Людмила ЯМЩИКОВА-ДМИТРИЕВА (1893–1978)

18 ноября. 130 лет назад родилась прозаик Людмила Андреевна Ямщикова-Дмитриева, псевдоним – Арт. Феличе (18.11.1893, г. С.-Петербург – 15.11.1978, там же). Дочь известной детской писательницы Маргариты Владимировны Ямщиковой (лит. псевдоним – Ал. Алтаев) (1872 – 1959). Л.А. Ямщикова-Дмитриева окончила Петербургскую школу сценического искусства (1915). Четверть века выступала в театрах Харькова, Тифлиса, Ростова-на-Дону, Оренбурга, Курска, Костромы, Рязани и др. Зимний сезон 1926–1927 годов провела на сцене Ульяновского драматического театра, о чём вспоминала в мемуарных записках «Актриса». Член Союза писателей СССР. Автор книг «Плакучая берёза» (1915), «Атаман Степан Разин» (1920), «Багровый хамсин» (1926), «Под знаменем Гарибальди» (1930), «Чайковский в Москве» (1951), «Могучий слепец» (1959) и др. Биографически связана с усадьбой «Лог» Псковского губернии. Ныне в усадьбе расположен литературно-мемориальный музей Ал. Алтаева (М.В. Ямщиковой), в экспозиции рассказывается и о Л.А. Ямщиковой-Дмитриевой.

АКТРИСА (отрывок из воспоминаний)

...Город Ульяновск. На лестнице, спускающейся на привокзальную площадь, стоит актриса и, упершись обеими ногами в каменные ступени, изо всех сил удерживает рвущихся со сворки собак: изящную Кимру и уже могучего щенка – ирландского сеттера...

Прохожие оглядываются на предоставленную «животным стихиям» даму с орлиным профилем. А муж её в это время героически преодолевает всевозможные неувязки с доставкой обширного ручного багажа в местную «Троицкую» гостиницу, при которой находится и сам театр. Кто находился при ком – гостиница при театре или театр при гостинице – ульяновцы затруднялись объяснить. Во всяком случае, этот архитектурный гибрид совмещал в своих стенах ещё и ресторан с бильярдом. Но всё это как нельзя лучше помогало быту труппы, набранной давним другом Вадимом Валериановичем Образцовым

Старые друзья!.. Сколько милых знакомых по Оренбургу и Курску!.. Чего стоит одна Мария Алексеевна Эмская! А Кира Андреевна Вадецкая! Обе они – не ивановские актрисы, не та неприятная труппа, где было вынесено столько нелепых, ненужных и бессмысленных страданий...

Все комнаты, конечно, опять заняты – всегдашнее наказание за поздний приезд на сезон. «Героям» отводят некое пустое помещение, отделённое от бильярдной стеной с дверным тамбуром. Последний сейчас же определяется хозяйственной «героиней» как вместительный шкаф для её гардероба. Впрочем, основная часть гардероба оставлена ещё в багажном отделении вокзала. По всей гостинице начинается сбор остальной мебели: кровати – не в пример шириной жалкого ложа вдовы Свирибовой, деревянного дивана – из тех самых, что приносят физические муки ожидающим очереди в «присутственных местах», стола, стульев и, вместо ширмы, трёх-четырёх вешалок с подножками для калош и верхними полками под головные уборы. Наличие двух собак не позволяет наводить в помещении «эстетику», решают обойтись одним лишь принципом рациональности.

Таким образом, как и в Иванове-Вознесенске, чета оказалась «на окраине». Остальная труппа разместились в настоящем «актёрском городке» – на

втором и третьем этажах, в непосредственном соседстве друг с другом, в обычных номерах с обычной стандартной мебелировкой.

Кроме хлопот по усвоению нового местожительства, забот о собаках, знакомства с вновь приглашёнными членами коллектива, актрису беспокоила всё время судьба багажа. Ходили упорные рассказы о кирпичах и камнях, которые будто бы часто заменяют недостающий вес, указанный на багажных квитанциях.

– Речной, почему ты не привозишь багажа?

– Успеется.

– Успеется! Обкрадут – вот тогда действительно успеется...

– Ерунда.

– Я тебя очень прошу – съезди на вокзал. Мы уже четвёртый день как приехали.

– Успеется.

– Да в чём дело?.. Почему ты оттягиваешь?

– Надо уплатить за багаж...

Ну и уплати.

– Нет ещё денег, не получил.

Вот ещё непредвиденный аргумент!.. Почему нет денег? Куда они все ушли? Актриса не ведает этим вопросом, полагаясь всецело на житейскую опытность «героя». Он получает за неё в театрах, ему же она передаёт и свои литературные заработки. Так хорошо не знать всех этих «меркантильных» дел!

Но давняя история с пропажей багажа в Ростове-на-Дону не даёт покоя.

– Речной, я тебя умоляю поехать на вокзал и выкупить багаж. У меня нехорошее предчувствие.

Актриса явно волнуется, и «герой», раздобыв денег, отправляется на вокзал.

Скоро в комнату вносят объёмистую поклажу, зашитую в мешковину. «Герой» невозмутим в своей оправдавшейся уверенности, что его-то во всяком случае не могут коснуться житейские невзгоды.

Актриса подозрительно обходит багаж кругом; за ней следуют обе собаки, обнюхивая пропахшую вокзалом упаковку.

– А это что-о?.. – произносит актриса медленно. – Почему расшит угол? Я сама тщательно зашивала все углы...

Алексей СУХОТИН (1888–1942)

19 ноября. 135 лет со дня рождения языковеда, переводчика Алексея Михайловича Сухотина (19.11.1888, д. Кочеты, ныне Залегощенского р-на Орловской обл. – 21.02.1942, г. Ульяновск). Пасынок старшей дочери Л.Н. Толстого. Окончил Московский институт востоковедения (1925). Автор сочинений «К вопросам алфавитной политики» (1930), «Спор об унификации алфавитов» (1932), «Проблема «сокращённых слов» в языках СССР» (1933) и др. Перевёл с французского «Курс общей лингвистики» Фердинанда де Соссюра (1933), книгу Эдварда Сепира «Язык» (1934). В октябре 1941 года был командирован Наркомпросом в Ульяновск для руководства кафедрой русского языка УлГПИ. Умер от инсульта по дороге на лекцию.

ПРОБЛЕМА «СОКРАЩЁННЫХ СЛОВ» В ЯЗЫКАХ СССР

(отрывок из сочинения)

Потребность сокращения многобуквенных графических слов и сведения фиксированных по значению словосочетаний к одному слову диктовалась соображениями экономического порядка, главным образом удешевлением телеграфной переписки. Потребность эта удовлетворялась, с одной стороны, внеязыковым путём – путём применения телеграфных кодов, особых систем чисто условного соотношения придуманных звуковых комплексов со смысловыми элементами речи, с другой стороны – путём, который, по существу, является языкотворческим, путём образования сокращённых и сложносокращённых обозначений, составленных из звуковых и графических элементов тех цельных слов и словосочетаний, полное выражение которых в телеграфной переписке значительно её удорожало бы...

Полные названия капиталистических предприятий стали, таким образом, дублироваться сокращёнными названиями, которые из телеграфного адреса стали распространяться и в текст телеграммы, и вообще в переписку, и в устную речь, иногда почти полностью вытесняя из употребления полные названия. Примеру капиталистических предприятий стали следовать государственные и общественные организации, и наличие в обиходе этой огромной массы сокращённых названий стало оказывать влияние на развитие словосократительных тенденций в языке вообще.

В дореволюционной России, как и повсюду, сокращённые названия раньше всего появились у капиталистических предприятий. Можно указать на «Лензото» (Ленское золотопромышленное товарищество), «Ропит» (Российское общество пароходства и торговли), «Продамет» (Общество для продажи русских металлических изделий) и др. Дальнейшее распространение получили они во время войны в армии, где наряду с сокращёнными названиями для учреждений выработалась целая система таких же названий для должностей, всякие «главковерх» (верховный главнокомандующий), «главкосев» (главнокомандующий северным фронтом), «командарм» (командующий армией) и пр. Также стали создаваться и сокращённые названия для учреждений и должностей, порождённых революцией...

Часть сложносокращённых слов (как здесь, так и в дальнейшем этот термин включает и буквенные аббревиатуры) относится к классу собственных

имён. Таковы географические названия как «Донбасс», «Татреспублика», «АГБО», «ЦЧО». Характер собственных имён носят и сокращённые названия таких единственных учреждений, как «Коминтерн», «Центросоюз», «СТО», «ВЦСПС».

Другие сложносокращённые слова суть безусловно имена нарицательные, как, например, «колхоз», «зарплата», «вуз», «МТС».

Не подлежит сомнению, что имена нарицательные гораздо теснее связаны с системой языка, нежели имена собственные. Поэтому широкое распространение и на них приёма образования сложносокращённых слов и составляет один из элементов того качественно нового, того лингвистически революционного, что внесено в русский литературный язык именно в послеоктябрьскую эпоху...

Нужно сугубо подчеркнуть, что сложносокращённые слова не только лексически обогащают язык, но и поднимают его на высшую типологическую ступень, уплотняя его содержание и убыстряя его темп. Поэтому для национальных языков СССР, развивающихся в одинаковых национальных с русским социальных условиях, вопрос должен идти не только и не столько о передаче сложносокращённых терминов русского языка, отнюдь не о механическом их усвоении, а об усвоении самого приёма их образования.

Конечно, надо считаться со структурными особенностями языка. Ещё в большей мере надо считаться с культурным развитием населения. Восприятие и осознание сокращений, в особенности буквенных, требует повышенного уровня грамотности. Там, где этот уровень ещё не достигнут, обилие сложносокращённых слов грозит сделать литературный язык недоступным широким массам...

С воздействием русской языковой стихии следует считаться как с историческим фактом. Но нужно помнить, что путём заимствования русских сложносокращённых слов национальные языки обогащаются только лексически, не обогащая себя тем самым новой структурно-смысловой категорией. Допустимым в известных пределах заимствованием русских сложносокращённых слов не следует подменять другой актуальнейшей задачи – перенять русский опыт самостоятельного создания сложносокращённых слов.

Дмитрий ЮДИН (р. 1968)

19 ноября. 55-летний юбилей отмечает прозаик Дмитрий Анатольевич Юдин (р. 19.11.1968, г. Ульяновск). Окончил Ульяновский государственный педагогический институт имени И.Н. Ульянова по специальности «преподаватель истории» (1993). Работал охранником. Сочиняет преимущественно детские сказки. Автор изданных в Ульяновске книг «Пожарный переулок» (2010), «Волшебнику. До востребования» (2013); сказок и фэнтези «Гудвин», «Хрустальный шар», «Сказка дилижанса», «Алсу», «Перелётная птица между мирами», «Сказка о злой ведьме, весёлом трубочисте и моей дочери Алёнке» и др. Публиковался в антологиях «Ульяновская словесность: начало XXI века» (2014). Живёт и работает в Ульяновске.

СКАЗКА ДИЛИЖАНСА (отрывок)

Дилижансы ходили по вторникам и четвергам. Сегодня был четверг, он покидал свой город и свою станцию.

– Остаться б мне... Но все вещи собраны в дорогу, и, верно, много дней пройдёт, пока я привыкну к новому месту.

Плохое настроение волшебников – такая нынче мода.

Плохое настроение волшебника – погода, и это совсем не обман, туман впереди нас.

В тумане стоят дилижансы.

В тумане встал наш дилижанс, дорогу, что ли, кучер потерять боялся.

– Никуда не поедем, вельможный пан, виною туман.

Офицером в дилижанс был приглашён кучер.

– Втроём, верно, лучше, – сказал он мне.

Он кучер, трубач, он грузчик поклажи, хлебнув коньяка, расскажет сказку, чтоб время убить.

Я знал их.

Это были славные дети, они любили друг друга. Всё складывалось у них как нельзя лучше, и в селе-нии уже многие начинали поговаривать о предстоящей свадьбе.

Но словно туча в ясный день, к той девочке, её звали Антуанетой, стал свататься Глин Глинский – богач, толстосум и вдовец. В селе-нии о нём говорили: «Водится с чёртом». Как знать? Но его первые жёны одна за одну сошли в могилу. Зачахли в клетке золотой, вот так-то.

Отец той девочки, не враг же он своему ребёнку, долго не соглашался, но щедрые подарки сделали своё дело. И старик махнул рукой: «А, ладно!»

Ведомого мезью юношу родня пыталась задержать, но разве остановишь Любовь, а тем более Ненависть. С ножом в руке он проник в сад своего обидчика, но сторожа Глинского были тут как тут. Они схватили и притащили Теодора к хозяину. А тот даже и бровью не повёл, как будто бы знал обо всём наперёд.

– Хочешь невесту вернуть? Принеси золотые яблоки, они продлят мне жизнь на целую сотню лет. А взамен так и быть получишь свою невесту. Ты

молод, смел, удачлив, иди, и у тебя всё получится. А пока ходишь, не страшись, – при этих словах Глинский начал бить себя кулаком в грудь, – к твоей милёнке я и пальцем не прикоснусь! Слово тебе даю!

– Крепко ли твоё слово?

– А крепче нет, пойд и у любого на ярмарке спроси.

– Где ж те яблоки?

– За Высокими Горами, за Опалённой Солнцем Пустыней и за Безбрежным Морем-Океаном в саду у великого волшебника Хитра. Иди, и на всё про всё даю тебе три года! Не воротись – на себя пеняй!

Высоко-высоко в горах жили орлы.

Огромная сильная птица уже давно наблюдала за человеком, тот крался где-то там, внизу у подножья вершин.

Нелепое заблуждение считать, что орлы не понимают нашу речь, они слишком горды и надменны, чтоб заговорить с нами.

Словно огромное чёрное облако, Орёл опустил ся на тропу перед юношей, молвил:

– Человек! Ты стремишься к небу! Природа совершила ошибку, но я – великий чародей. И единым взмахом крыла я обращаю тебя в величавую, стремительную птицу!

Человек взмолился:

– Нет! Нет!

И глаза орла, словно угли, что дышат пламенем, наполнились яростью: он уже не слышал то, о чём молил, упрашивал его тот глупый червь. Орёл мог раздавить, разорвать, столкнуть со скалы измученного путника. Но то была бы не месть, а птица собиралась мстить. И когда человек находил вроде бы нужную тропу и пускался по ней в путь, дорогу всякий раз ему снова и снова преграждала огромная птица, принуждая Теодора отступать, отступать и искать иную тропу, чтоб быть потом остановленным снова.

Целый год птица преследовала человека, но из той борьбы Теодор вышел победителем!

Победитель нуждался в отдыхе. И кабак гостеприимно распахнул перед ним свои двери...

Геннадий МАТВЕЕВ (1938–2017)

21 ноября. 85 лет назад родился поэт Геннадий Фёдорович Матвеев (21.11.1938, с. Чуфарово, ныне Майнского р-на Ульяновской обл. – 05.10.2017, г. Ульяновск). Окончил Ульяновский политехнический институт (1971). Работал секретарём парткома завода «Автозапчасть», зам. секретаря парткома объединения «АвтоУАЗ» (1970–1979); директором завода «Автозапчасть» и ОАО «Автодеталь-Сервис» (1979–2002). Был депутатом Ульяновской городской думы 3-го созыва. Автор поэтических сборников «Никто года не остановит» (1993), «Дышу строкой, душой согретой» (1994), «Под дымок сигареты...» (2001), «Любовь года оберегает...» (2008) и др. Член Союза писателей России (2000). Почётный гражданин города Ульяновска.

***

Не увижу тебя, и глаза пеленою
Застилает белесый туман.
Не услышу тебя, и такое со мною...
Словно в душу ворвался буран.

А увижу тебя – ночь свои покрывала
Раздвигает для пылкой зари.
А услышу тебя – и печали не стало.
Говори! Говори! Говори!

***

Появилась звездой за туманами,
Осветила мой путь в пустоте
И какими-то дивными странами
Засверкала в глухой темноте.
И навеки звездой околдованный,
Сумасшедшим иду за тобой,
Теплотою твоей очарованный,
Опьянённый твоей красотой.
Годы, ветры бегут – не загадывай,
Не суди, не кори, не томи, –
Всё, что дало нам время, откладывай
И храни от зари до зари.
Звуки нашей таинственной музыки,
Всё смешалось в любовном бреде.
Мы на зыбкой тропинке и узенькой
Расплескали любовь – как беду.
Появилась судьбой за туманами,
Осветила своей красотой,
Теплотою, как саблей, поранила
И навек повела за собой.

***

Прошла незаметно,
Взглянув свысока,
И холодом ветра
Коснулась слегка.
Улыбкой, как вихрем,
Вскружила... и ввысь,
Горячее сердце
Молило: вернись!
Вернись мне не лишней,
Играть перестань.
Чарующей вишней
Ты рядышком встань.
Листвой шелестящей
Меня обойми.
Звездой горящей
К себе позови.
Теплом и доверьем
Меня обогрей.
Минуты, мгновенья,
Прошу, не жалея.
И сердце святое
Как дань не дари.
Коль я не достоин –
С другими гори.

Ирек ГАТАУЛЛИН (р. 1953)

21 ноября. 70-летний юбилей отмечает детский писатель, бард Ирек Ахатович Гатауллин (р. 21.11.1953, г. Казань). Окончил Казанский энергетический институт (1979). С 1979 года живёт в Ульяновске, где организовал детско-юношеский клуб самодеятельной песни. Организатор и руководитель проекта «Детская поющая республика» на Грушинском фестивале. Работал на энергетических предприятиях Ульяновска; директор компаний «Теплосвет», «Тепломонтаж». Автор книг прозы «А зря никто не верил в чудеса!..» (1995), «Семь плюс семь» (1997), «Одванчиковое лето» (1999), «Дашка – белая ворона» (2007); исторических романов о событиях в Симбирске и Ульяновске «Венец над Волгой» (2003) и «Век».

ВЕНЕЦ НАД ВОЛГОЙ (отрывок из романа)

В городе Симбирске, где они жили, в соседнем доме напился конюх и, сонный, опрокинул лампу на сено. Сгорело три дома, и их тоже. Лена вспомнила угрюмое лицо отца и плачущую мать. Рядом с отцом стояли городской и ещё какой-то мужчина из страховой конторы в чёрном костюме и пенсне. Он то и дело поправлял очки, что-то вымерял и аккуратно записывал карандашом в тоненькую тетрадь.

– Не извольте беспокоиться, господин Меднов! Наша страховая компания гарантирует в случае стихийных бедствий выплату денег. Через неделю после комиссии, к двадцать пятому августа этого года, всё получите-с. Всё до копейки. Не извольте-с переживать! – повторял он. – Вы в нашей страховой компании состоите давно, с 1894 года. Сейчас 1906-й. Никак двенадцать лет скоро исполнится.

Семья Медновых приехала на следующий день после пожара из деревни, где отдыхала почти всё лето. Вид пожарища удручал. От двухэтажного деревянного дома ничего не осталось. Кругом чёрная сажа и обгоревшие головёшки. Сиротливо смотрелись оставшиеся на месте домов печи. Они казались уродливо высокими из-за тянувшихся кверху труб.

– Ой, Господи, – причитала горничная Глаша, сложив на груди ладони, будто пытаясь поклониться. – Как же дальше-то будем жить, Алексей Николаевич?

Алексей Николаевич, отец семейства, ничего не слышал, только бормотал под нос:

– Отстроимся. Москва горела, и мы сгорели. Бог даст, отстроимся.

Город Симбирск, основанный ещё в 1648 году на правом высоком берегу Волги, не раз повидал на своём веку пожары. Самый страшный был в 1864-м, когда сгорело три четверти города. Как писала петербургская газета «Северная почта», «...пожары, бывшие в Симбирске с 13 по 21 августа, истребили лучшую часть города. Частных домов сгорело 1480, церквей – 12, в числе которых три домовых и женский Спасский монастырь». Так что пожар, свершившийся на Покровской улице, не был столь страшным для города, как предыдущие.

Медновым пришлось снова возвращаться в Прибылово: жить в городе было негде. Денег сразу на покупку дома не хватало. Решили постепенно за год построить новый.

Делать здесь, в небольшом имении, особо было нечего. Если отец часто ездил в город врачевать

(слава Богу, до него было не так уж и далеко – вёрст десять), то дочери Ленушке особых дел не находилось, пока ей не предложили преподавать в церковно-приходской школе.

Школа была маленькая, бревенчатая, всего четыре класса. Соответственно, если не считать сторожа, было в ней четыре преподавателя, из них два священнослужителя, один отставной унтер-офицер и Елена Алексеевна, семнадцати лет. Ей, как самой юной, доверили младший класс. Она долго не могла забыть, как первый раз вошла туда. Деревенская детвора, одетая кто во что горазд: кто в лапти, кто в старые отцовские портки, – со страхом и уважением смотрела на неё.

Лена была строгой учительницей, и даже у отца Григория, который в школе вёл богослужение и сперва с великим недоверием относился к столь юной особе, поменялось мнение о ней.

– Дети, посмотрите на меня и повторяйте за мной буквы, – говорила учительница.

Дети, кто во что горазд, как можно громче повторяли за ней. Елена Алексеевна на секунду останавливалась, готовая рассмеяться, и, постукивая указкой по парте, начинала снова.

В начале октября, когда уже начинала опадать листва на деревьях, учительница принесла в класс скрипку. Дети, затаив дыхание, смотрели, как она вытаскивала из кожаного футляра изящный музыкальный инструмент. Елена Алексеевна рассказала ребятам, что это за музыкальный инструмент – скрипка, потом взяла её в руки и повела смычком. Звуки музыки наполнили классную комнату. Восхищённые глаза ребят смотрели на Елену Алексеевну. Она увлеклась. Когда перестала играть, то заметила, что за партами учеников гораздо больше, а из открытой двери торчат головы ребят из соседнего класса и большая курчавая борода отца Григория.

– Очень хорошо, барышня, у вас получается. Просто прекрасно играете. Я уж сто лет не слышал скрипку. Последний раз у проезжих цыган. Вы ведь, Елена Алексеевна, вроде и на фортепиано играть умеете? Летом я часто слышал, когда мимо ваших окон проходил. А вот на скрипке первый раз. Это хорошо, что вы её принесли детишкам показать. Я к чему клоню. Дети-то у нас деревенские, о музыке слыхивали мало. А для души ребячьей ой как она нужна...

Ольга КРЫЛОВА (р. 1938)

23 ноября. 85 лет со дня рождения прозаика Ольги Васильевны Крыловой (р. 23.11.1938, с. Новое Никулино, ныне Цильнинского р-на Ульяновской обл.). Окончила заочно УлГПИ имени И.Н. Ульянова, Казанский университет. Более 30 лет работала в многотиражной газете Ульяновского автозавода, где напечатала главы повестей «За Свягой – рекой» и «Главный конвейер». Автор книг «Домна Назаровна» (1980), «Краснотал» (1993); в соавторстве с сестрой Н.В. Крыловой – «Ночь на Крутояре» (2002) и «Час между собакой и волком» (2003). Член Союза писателей России (2002). Лауреат областной премии имени М.И. Ульяновой (1980), всероссийского конкурса «Мастер» (2010). Живёт в Красноармейске в Подмосковье.

ВЗГЛЯД ЗА «ГОРИЗОНТ» (отрывки из воспоминаний)

Литературное объединение «Горизонт» было почти ровесником многотиражной газеты Ульяновского автомобильного завода. В редакцию постоянно приходили читатели многотиражки, пробующие свои силы в литературном творчестве. Токарь Александр Колесов, впоследствии редактор газеты механического завода и сотрудник областной газеты. Работали в газете писатели Евгений Мельников, Юрий Соколов, Анатолий Минаров, Геннадий Киселёв; краевед Александр Авдонин – автор литературных исследований о пребывании Пушкина в Симбирске и о писателе Неверове...

Однажды в литобъединении появился поэт (как потом выяснилось, большого масштаба) Юрий Грунин. Семьдесят третий год славен преследованиями ныне известного во всём мире лауреата Государственной премии России писателя Александра Исаевича Солженицына. Оказывается, Юрий Грунин находился вместе с А.И. Солженицыным в лагере... Грунин читал стихи о лагере из сборника «Сквозь плен и тлен», которые были уже набраны в журнале «Новый мир», где главным редактором был Твардовский. Вскоре Твардовского сняли, а стихи были сняты с печати. Потом мы читали «Письмо Якира Сталину», отрывки из опубликованных воспоминаний дочери Сталина Светланы «Моё кремлёвское детство», стихи Мандельштама...

Руководил литобъединением член Союза писателей СССР Дмитрий Константинович Дудкин, тоже прошедший школу ГУЛАГа и лично знакомый с А.И. Солженицыным. После таких бесед мы (не все, конечно) стали яростно защищать Солженицына от злобных нападок в центральной прессе. Это не осталось незамеченным. Мы сочинили не куда-нибудь, а в Кремль телеграмму, содержание которой подсказали Д.К. Дудкин и Ю.В. Грунин: «Почему такая большая страна борется с одним писателем?» И я понесла её на телеграф Главпочтамта. Пожилая телеграфистка, прочитав текст, сорвалась со стула и куда-то побежала. Её долго не было, потом она вернулась и, покрутив пальцем у виска, прошептала: «Да ты в своём уме?! Спрячь и никому не показывай».

Тогда я поехала в дальний район города на неприметный телеграфный пункт. К моему удивлению, молоденькая телеграфистка автоматически прочитала текст, сосчитала слова, повторила вслух:

«От имени литобъединения «Горизонт» Крылова. Правильно?» Я кивнула. Заплатив рубль сорок шесть копеек, я попросила квитанцию. Девушка пристально посмотрела и сказала: «Бланки кончились».

Конечно, телеграмма дошла, но не по тому адресу, который был указан... К тому времени нашлись «доброжелатели», которые сообщили «куда надо» о том, что в литобъединении автозавода «кучкуются антисоветчики». Нас стали вызывать по одному «куда надо», спрашивать, о чём говорили на своих «сборищах». «Люди в штатском» беседовали со многими работниками редакции – членами литобъединения.

Что касается меня, то «где надо» сравнительно молодой человек с видом замороженной щуки угрожающим полушёпотом произнёс: «Что, лес в мордовских лесах валить захотелось? Грунин – влаصة, работал «у них» в газете, пятнадцать лет отсидел, а вы на своих «сборищах» слушаете, раскрыв рты, всякую антисоветчину?! О чём он вам говорил при встрече на Венце?» – спросил он. «Не было такого», – оторопел, ответила я. Тогда с ловкостью иллюзиониста этот не назвавший себя человек извлёк из папки фотографию, на которой были изображены трое: Н.С. Колычева – тогдашний редактор автозаводской газеты, Ю.В. Грунин и я, сидевшие на скамейке в сквере на Венце. Я также увидела общую тетрадь – дневник литобъединения, где записывались имена присутствующих, мнения о стихах, рассказах, а также изъятые в редакции листки со стихами Якира, статьи Мандельштама, отрывки из воспоминаний дочери Сталина.

Итоги были таковы: Грунин из Ульяновска выехал, Дудкина от руководства литобъединением отстранили, членов литобъединения, в том числе и меня, запретили печатать в областных газетах, в областной партийной газете появилась разгромная редакционная статья о нашем литобъединении «Против перекосов», а моя повесть «За Свягой – рекой», стоявшая в плане выпуска издательства «Современник», оказалась на столе... у секретаря обкома КПСС по идеологии Владимира Николаевича Сверкалова. Именно от него я тогда узнала о том, какую роль сыграл секретарь парткома автозавода А.М. Марьев в судьбе литобъединения «Горизонт». Сверкалов сказал: «Только благодаря Марьеву поезд в мордовские леса ушёл без вас...»

Адель КУТУЙ (1903–1945)

28 ноября. 120 лет назад родился татарский прозаик, поэт и драматург Адельша Нурмухамметович Кутуев, псевдоним – Адель Кутуй (28.11.1903, с. Татарский Канадей, ныне Кузнецкого р-на Пензенской обл. – 16.06.1945, г. Згеж, Польша). Жил в Самаре, посещал литературный кружок, который вёл А.С. Неверов. Не раз бывал проездом в Симбирской губернии. Окончил Казанский восточный педагогический институт (1929). Член Союза писателей СССР. Автор пьес «Сёстры в законе» (1926), «Котёл» (1927), «Ответ» (1929); повести «Неотосланные письма» (1936); рассказов «День Султана» (1938), «Муки совести» (1939), «Как быть?» (1940) и др. Во время войны был корреспондентом фронтовых газет.

НЕОТОСЛАННЫЕ ПИСЬМА (отрывок из повести)

Был 1923 год. Устав скитаться – жизнь до этого не улыбалась мне, – я приехала в Казань и поступила на рабфак Казанского университета.

В первые же дни от избытка радости, счастья я была как хмельная.

– По этим улицам, по этим коридорам когда-то ходил великий Ленин, – говорила я себе.

– В этих аудиториях учился Толстой, сюда мечтал поступить молодой Горький. Здесь когда-то звучали голоса величайших людей земли, – думала я.

Бывали минуты, когда я, прислонившись к белой колонне университета, готова была на весь мир кричать о своём счастье!

Бесконечная радость охватывала меня. Ведь это был путь к настоящей большой жизни. Я чувствовала себя так, будто всё самое лучшее, самое прекрасное, сливаясь воедино, наполняло моё сердце. Сквозь душистую листву сада, в котором я очутилась, виделось мне радостное будущее.

На душе у меня было легко-легко.

Вот тогда-то я и встретила тебя. Каждая любовь имеет своё начало. Но у настоящей любви предела нет.

Бывают годы, в которые только и хочется – любить.

Ведь и яблоки, зарумянившись, созрев, заводят игру с землёй. Они падают на её грудь и прячутся в густой траве.

И цветёт черемуха, поют соловьи, соком наливаются вишни, становясь всё слаще. Я тоже налилась тогда – избытком сил, молодостью, счастьем. Я не любила ещё, но ждала любви. Я не знала любви, но мне хотелось целовать, закрыв глаза, не думая ни о чём...

У нас начались репетиции к большому студенческому вечеру.

Я жила в общежитии рабфака, что на улице Островского. В одной комнате нас было пять девушек. Хотя все мы были разной национальности, но жили дружной, чем родные сёстры.

Знаешь, Искэндер, мы больше всего думаем о будущем. Радостное сегодня и чудесное завтра заслоняют прошлое. На думы о прошлом остаётся мало времени.

Ох, это прошлое! При одной мысли о нём я испытываю ужас и тоску.

Наш университет имеет вековую историю.

Но до 1917 года в его стенах училось всего-навсего шесть студентов-татар. И это на протяжении ста лет! Да и те шесть были не просто татары, а сыновья помещиков и купцов.

А сейчас тысячи таких же, как и я, девушек, тысячи юношей-татар окончили университет, получили высшее – вслушайся в это слово – высшее образование!

Я очень любила петь. Музыка, литература – меня всегда влекло к ним. Я думала о том, почему у нас, татар, плохо развивалось искусство. Тогда же нашла я одну из многих причин. Раньше нашим отцам говорили:

– Не рисуй, брось! На том свете душа твоя переселится в твой рисунок. Он отнимет твою душу и оживёт, а ты останешься без души и будешь вечно гореть в адском огне.

Им говорили:

– Не пой! Своим пением ты созываешь нечистых. Не танцуй! Ты пугаешь ангелов...

А сейчас... ты знаешь, Искэндер, мы не боимся испугать кого-либо и не боимся испугаться сами.

Как только нам сказали, что будет вечер, мы всей комнатой записались в число его участников.

Первая репетиция была назначена в общежитии студентов Татарского коммунистического университета. Ты уже был там, когда мы пришли. Мы шёпотом заговорили о тебе.

– Кто это? – спросила я.

– Наш режиссёр, артист Искэндер, – ответил один из студентов.

Не скрою – ты многим нашим девушкам понравился. А Лиза, увлекающаяся и восторженная Лиза, прозванная нами за это «градусник», так прямо и заявила:

– Ну что за прелесть! Вот бы расцеловать его! – и пошла к тебе.

Мы удивлялись её смелости, а сами скромно держались в стороне.

Вернувшись, она рассказала нам о цвете твоих глаз, о голосе, об улыбке, обо всём, что успела рассмотреть в тебе. Ты действительно был красив. А наше воображение сделало тебя ещё лучше, ещё прекраснее...

Мы смотрели на тебя с обожанием. И чем больше мы скрывали это, тем сильнее влекло нас к тебе...

Михаил ФЁДОРОВ (1848–1904)

29 ноября. 175 лет со дня рождения чувашского поэта, этнографа, фольклориста Михаила Фёдоровича Фёдорова (29.11.1848, д. Итяково, ныне Мариинско-Посадского р-на Чувашии – 04.05.1904, г. Царёвококшайск, ныне Йошкар-Ола, Марий Эл). Окончил Самарскую учительскую семинарию (1873), курсы при Казанской учительской семинарии (1879). Не раз бывал проездом в Симбирской губернии. Работал учителем. Занимался сбором текстов чувашского фольклора, писал этнографические очерки. Перевёл на чувашский стихотворение А.С. Пушкина «Бесы». Автор баллады «Леший» (1884), опубликованной И.Я. Яковлевым в сборнике «Сказки и предания чуваш», изданном в Симбирской чувашской школе (1908).

ЛЕШИЙ

(отрывок из баллады)

...А дорога по весне –
То навоз сплошной, то снег,
Да и та, кажись, уж вся?
Слева – речка, справа – ров;
Чуть свернёшь – и будь здоров –
Не захочешь больше дров.
Конь встаёт, иди хоть пеший.
Впереди... вежа иль леший?
Иль какой разбойник-тать
Вышел ночью промышлять?
Впереди маячит что-то...
Ветка треснула в кустах...
По спине холодным потом
Заструился жуткий страх.
Тур сирлах, неужто звери?
Сердце трепетно стучит.
Не захочешь, да поверишь,
Как в лесу злой дух кричит,
И смеётся, и хохочет,
Сказки-байки всё бормочет,
Посвистом своим он хочет
Всех с дороги верной сбить.
Как козёл он криворогий,
Как старик белобородый,
Мёртвым ветром в лица дует –
Защекочет, заколдует,
Огрызается собакой.

Кто его ни встретит – всякий
Смертью страшною помрёт:
Леший насмерть загрызёт.
А потом на лошадь сядет,
Обратится ямщиком,
Так помчит, кричать заладит –
Задрожит земля кругом...
Никому в лесу, в пути
Смерть не хочется принять.
В дом родной бы хоть прийти,
Милых деток бы обнять.
До седых волос дожить,
А когда придёт конец,
На своей постели мне
Тихой смертью бы почить.
Славу добрый человек
Оставляет, кончив век;
Богатей умрёт – добра
Оставляет горы;
Я ж умру – лишь детвора
Будет без призора.
Да жена останется
Горе мыкать и страдать.
Чем остаться сиротою,
Лучше быть сухой травой,
Ветром яростным осенним
Унесённым лучше быть,
До пруда ручьём весенним
Лёгким мусором доплыть
И осесть, как ил, на дно,
Чтоб догнать там заодно...

Евгений РАГОЗИН (1843–1906)

30 ноября. 180 лет назад родился экономист, публицист Евгений Иванович Рагозин (30.11.1843, г. Москва – 10.06.1906, г. С.-Петербург). В конце 1860-х годов, находясь за границей, сблизился с Н.П. Огарёвым. Совершил несколько путешествий по России; 6 сентября 1888 года на пароходе «Некрасов» посетил Симбирск. Позже свои путевые заметки опубликовал в журнале «Русское обозрение» (1891, №7). Был редактором-издателем газеты «Неделя». Автор сочинений «История табака и система налога на него в Европе и Америке» (1871), «О табачной монополии» (1887), «Путешествие по русским городам» (1890), «Бунт среди раскольников в Сибири» (1893), «Железо и уголь на юге России» (1895) и др.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО РУССКИМ ГОРОДАМ (отрывок из сочинения)

По моему маршруту я должен был следовать в Симбирск, а потому в 4 часа 5 сентября сел на пароход «Некрасов» и поплыл вверх по Волге мимо Жигулёвских гор, а 6-го рано утром приехал в Симбирск. Общество «Самолёт» назвало четыре своих лучших парохода именами русских поэтов Пушкина, Лермонтова, Жуковского и Некрасова и на каждом из этих пароходов поместило в первом классе в рубке портреты поэтов и на скромной полочке томы их произведений.

Симбирск стоит на очень высоком берегу, до 80 сажен поднимающемся над меженным уровнем реки Волги, и чтобы добраться до этой горы, приходится объезжать четыре версты. Симбирск с первого раза поражает своею опрятностью, прекрасно шоссированными улицами и каким-то уютным характером, невольно вас успокаивающим. Гостиница, в которой я остановился, дополнила первое впечатление, так что я почувствовал себя в Симбирске как будто в гостях у хорошего приятеля.

В Симбирске, как известно, был огромный пожар 29 июня, и я тотчас поехал осматривать место пожарища, чтоб уяснить себе хотя бы немного причину таких сплошных пожаров в наших городах.

При этом объезде я ещё более был поражён тишиной и спокойствием, царствовавшими в городе. Полное отсутствие жизни на улицах, какая-то мёртвая тишина в городе невольно озадачивали нового человека, и если бы не гимназисты, пробиравшиеся с сумками за спиной изучать классические языки, я мог бы подумать, что в городе вовсе нет жителей.

Действительно, Симбирск необыкновенно тихий город, и его можно серьёзно рекомендовать как курорт для нервных больных. Шоссированные улицы и отсутствие почти всякой езды по ним – условия весьма хорошие для больного человека, и если Венеция рекомендуется врачами потому, что в ней нет улиц и езды, то Симбирск может вполне заменить Венецию, так как в нём тоже езды нет, а улицы хотя и есть, но при отсутствии езды по ним шума никакого не производят.

Тишина города до такой степени поразительна, что я часто забывал, что я живу в губернском городе, в котором обитают губернатор и архиерей и существуют губернское правление, губернское акцизное управление, удельная контора, казённая палата, земская и городская управы и банки: Государственный, Дворянский, Крестьянский, Волжско-Камский, Городской и Взаимного Кредита, и, кроме того,

гимназия, кадетский корпус и проч. Когда представишь себе все эти учреждения с массой служащих в них чиновников, то покажется просто невероятным, как ухитряется вся эта масса людей не ходить вовсе по улицам и каким способом сообщаются они с местом своего служения.

Знакомясь ещё более с городом, я только укреплялся в моём первом впечатлении и убедился, что спокойствие на улицах имеет связь и с душевным состоянием жителей.

Побывав в восьми городах Тамбовской, Пензенской и Самарской губерний, я везде слышал жалобы и замечал какое-то беспокойство за будущее, и, изучив все русские беды, я не знал, как отделаться от напоминаний о них. В Симбирске же я встретил такое спокойствие и удовлетворение, что мне даже хотелось бы послушать о неурожаях, так как исключительные разговоры об охоте с собаками и без оных, о винте с прикупкой или без оной и о женщинах просто озадачивали меня. Каким чудом Симбирск выдвинулся из русской земли и образовал на высокой горе оазис, населённый счастливыми людьми! Я всюду толкался, чтобы проникнуть в этот заколдованный мир и везде встречал спокойствие: все были довольны начальством и товарищами, все хвалили друг друга, и эпитеты «прекраснейший», «добрейший» не сходили с уст. Городской голова, по словам моих приятелей, имеет один недостаток – скуп на общественные расходы. Но это достоинство, а не недостаток. Секретарь статистического комитета не давал мне статистических сведений без разрешения губернатора и потребовал, чтоб я продиктовал ему, в каких обществах я состою членом, что я писал, и аккуратно занёс всё это на бумажку.

Но это опять не недостаток – и указывает лишь на строгую подчинённость и сознание своих обязанностей. Словом, как я ни добивался отыскать дурные стороны в некоторых людях или хотя бы недостатки, но от всех слышал один ответ: прекраснейший, добрейший. И думалось мне: уж не потому ли Манилова заселили этот город и задались мечтой построить мост через Волгу, чтобы заключить оба берега в свои объятия? В дополнение к этим впечатлениям укажу ещё на одну особенность Симбирска. В Самаре дворяне называют себя земцами, а в Симбирске земцы называют себя дворянами, что очень характеризует Симбирскую губернию – это старое дворянское гнездо...

Михаил КИРМАЛОВ (1863–1920)

160 лет назад родился автор воспоминаний Михаил Викторович Кирмалов (1863–1920). Внучатый племянник И.А. Гончарова; пользовался наибольшей симпатией и вниманием со стороны писателя. Окончил Петербургский лесной институт. Служил лесничим в городах Себеж и Речица. Автор «Воспоминаний об И.А. Гончарове» (1912), написанных по просьбе М.Ф. Суперанского к столетию со дня рождения писателя; посылая их Суперанскому, писал ему: «Высылаю вам «навозну кучу» набросков воспоминаний об И.А. Гончарове. Буду счастлив, если в этой куче вы найдёте зерно – не говорю жемчужное, а хотя бы ячменное». Были опубликованы впервые в книге «Гончаров в воспоминаниях современников» (1969).

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ И.А. ГОНЧАРОВЕ (отрывки)

Первые мои воспоминания об Иване Александровиче относятся к 1870–1871 годам, ко времени моего детства.

Дедушка часто брал меня и сестру с собой при посещении Ивана Александровича. Звать его надо было дядей, ибо звание «дедушка» он не любил. Помню хорошо расположение комнат в его квартире (старой, до переделки) в доме Устинова на Моховой. Комнаты небольшие. В кабинете перед столом у окна стояла высокая деревянная подставка, вроде складного стула с натянутой сверху материей, на которой постоянно лежала книга: большого формата издание басен Крылова, причём иллюстрации к басням были не в звериных, а в человеческих лицах. Так, басня «Плотичка» была иллюстрирована изображением молодой дамы, сидящей на балконе, окружённой толпой поклонников.

Иван Александрович иногда читал нам басни и показывал «картинки», иногда дарил нам безделушки; так, я получил от него перочинный ножичек-брелок и трость из его большой коллекции тростей, собранной со всех стран земного шара. Коллекция эта в виде объёмистой пачки покоилась на двух кронштейнах над его кроватью.

В это же время его посещала и Варвара Лукинична, служившая в институте, с своими двумя детьми. Мальчика за его тонкую и высокую фигуру он шутил называл «Макаровой». Но внимания он заметно больше оказывал девочкам...

По нашим семейным воспоминаниям, завязка романа Ивана Александровича и Варвары Лукиничны относится ко времени приезда Ивана Александровича в Симбирск. Авдотья Матвеевна (мать Ивана Александровича) поместила его в комнате верхнего этажа близко от комнаты, занимаемой Варварой Лукиничной. В этой обстановке, очевидно, произошло сближение. При отъезде Ивана Александровича, когда он прощался с домашними, Варвара Лукинична, не выдержав горя разлуки с любимым человеком, с воплем: «Ваня, Ваня!..» бросилась в присутствии всех ему на шею.

***

Было время, когда после ссоры с Тургеневым Иван Александрович ожидал от него вызова на дуэль. «Ну что ж, надо будет принять вызов», – говорил он отцу.

О поэзии Некрасова он высказывался так: «Это рожега, на которой вышиты шёлковые узоры...»

***

Иван Александрович, по-видимому, не любил музыки. Такое впечатление осталось у отца после того, как они с Иваном Александровичем слушали «Русалку» Даргомыжского. Отец уговорил Ивана Александровича сходить послушать в «Русалке» певца-тенора Комиссаржевского, восхищавшего тогда, в начале семидесятых годов, весь Петербург. Особенно хорошо у него выходила каватина: «Невольню к этим грустным берегам...». Иван Александрович не сразу согласился пойти послушать оперу, равнодушно просидел третий акт и, нисколько не восхитившись каватиной, ушёл до конца оперы домой...

***

В последний раз я видел Ивана Александровича в декабре 1887 года. Он встретил меня на улице и, узнав, что я еду в провинцию на службу, позвал к себе проститься.

На другой день я позвонил у его квартиры. Отворившая мне дверь Александра Ивановна окинула меня подозрительным взглядом и на мой вопрос, можно ли видеть Ивана Александровича, сухо ответила, что Иван Александрович не принимает. Впустила она меня в переднюю только после моего заявления, что Иван Александрович сам позвал меня в этот день к себе...

Я нашёл Ивана Александровича в маленькой темноватой гостиной (квартира прежняя была расширена), в кресле. Он казался очень постаревшим и ослабевшим. Оброс бородой, вместо правого глаза была впадина, прикрытая веками. Но во взгляде другого, здорового, глаза, казалось, мерцал удвоенным светом глубокий ум и какая-то покойная просветлённость.

Он говорил о своём здоровье, о болях в кишечнике; когда же я заикнулся о докторах, сказал спокойно: «Какой же доктор вылечит меня от семидесяти пяти лет?» Дальше он советовал мне самому пробывать себе дорогу в жизни, но в трудных обстоятельствах обещал свою помощь. Расспрашивал о родных. Когда я стал прощаться, он остановил меня, сказав: «Я дам тебе на дорогу, но только немного». Несмотря на моё уверение, что у меня достаточно средств на дорогу, он пошёл в кабинет, вынул из ящика письменного стола и вручил мне двадцать рублей. Расстались мы оба взволнованными.

Юбилейный календарь подготовил
Николай МАРЯНИН, поэт и краевед